

ISSN 2413-6182

**КОММУНИКАТИВНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

**Communication
Studies**

2018 № 1 (15)

ULRICHSWEB™
GLOBAL SERIALS DIRECTORY

ERIH PLUS
EUROPEAN REFERENCE INDEX FOR THE
HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES

КОММУНИКАТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ * 2018 * № 1 (15)

Редакционная коллегия

Главный редактор

д-р филол. наук, проф.
О.С. Иссерс (Омск, Россия)

д-р философии, проф.
Р. Андерсон (Лос-Анджелес, США)

д-р филол. наук, проф.
А.Н. Баранов (Москва, Россия)

д-р филол. наук, проф.
Н.В. Богданова-Бегларян
(Санкт-Петербург, Россия)

д-р философии, проф.
Д. Вайс (Цюрих, Швейцария)

д-р филол. наук, проф.
М.А. Кронгауз (Москва, Россия)

д-р филол. наук, проф.
Л.П. Крысин (Москва, Россия)

д-р филол. наук, проф.
Л.А. Кудрявцева (Киев, Украина)

д-р филол. наук, проф.
Э. Лассан (Вильнюс, Литва)

д-р филол. наук, проф.
Б.Ю. Норман (Минск, Беларусь)

д-р филологии, проф.
Р. Ратмайр (Австрия)

д-р филологии, проф.
Л. Рязанова (Эдинбург, Великобритания)

д-р филол. наук, проф.
И.А. Стернин (Воронеж, Россия)

д-р филол. наук, проф.
А.П. Чудинов (Екатеринбург, Россия)

д-р филол. наук, проф.
А.Д. Шмелев (Москва, Россия)

Ответственный секретарь

канд. филол. наук, доц.
М.В. Терских (Омск, Россия)

Editorial Staff

Editor-in-Chief

Prof. O.S. Issers
(Omsk, Russia)

Ph.D. R. Anderson
(Los Angeles, USA)

Prof. A.N. Baranov
(Moscow, Russia),

Prof. N.V. Bogdanova-Beglaryan
(St. Petersburg, Russia)

Prof. A.P. Chudinov
(Yekaterinburg, Russia)

Prof. M.A. Kronhaus
(Moscow, Russia)

Prof. L.P. Krysin
(Moscow, Russia)

Prof. L.A. Kudryavtseva
(Kyiv, Ukraine)

Prof. E. Lissan
(Vilnius, Lithuania)

Prof. B.Yu. Norman
(Minsk, Belarus)

Ph.D. R. Rathmayr
(Austria)

Ph.D. L. Ryazanova
(Edinburgh, UK)

Prof. I.A. Sternin
(Voronezh, Russia)

Prof. A.D. Shmelev
(Moscow, Russia)

Ph.D. D. Weiss
(Zurich, Switzerland)

Executive secretary of the journal

Dr. M.V. Terskikh
(Omsk, Russia)

КОММУНИКАТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ * 2018 * № 1 (15)

Основан в 2014 г.

Выходит 4 раза в год

Учредитель – Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Издается в рамках научного сотрудничества с Институтом русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

Редактор Д.С. Нерозник
Технический редактор Н.В. Москвичёва
Дизайн обложки З.Н. Образова
Переводчики
В.А. Харюшина, А.Ю. Енарьева

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-72190 от 15 января 2018 г.
Выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных техноло-
гий и массовых коммуникаций

ISSN 2413-6182

«Коммуникативные исследования» –
рецензируемый научный журнал,
в котором представлены исследования
в области коммуникативистики.

К публикации принимаются статьи
на русском и английском языках

Включен в перечень ВАК.

Включен в Международную базу журна-
лов ERIH PLUS.

Включен в Международную базу журна-
лов ULRICH WEB.

Включен в Российский индекс научного
цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции
644077, Россия, Омская обл., г. Омск,
пр-т Мира, д. 55а, 2 корпус ОмГУ, каб. 221
Тел.: +7(3812)22-98-15
Сайт журнала: <http://com-studies.org/ru>

Дата выхода: 30.03.2018.

Ризографическая печать.

Формат 60×84 1/8.

Заказ 81. Тираж 60 экз.

Объединенный подписной каталог
«Пресса России». Индекс 94243.

Свободная цена

Отпечатано в типографии Омского
государственного университета
им. Ф.М. Достоевского

Адрес издателя и типографии
644077, Россия, Омская обл., г. Омск,
пр-т Мира, д. 55а

Founded in 2014

Published four times a year

Founded by Dostoevsky Omsk State
University

The journal is published within the frame-
work of scientific cooperation with Vinogradov
Institute of Russian Language of Russian
Academy of Science (RAS).

Editor D.S. Neroznik
Technical editor N.V. Moskvicheva
Design of cover Z.N. Obrazova
Interpreters
V.A. Kharyushina, A.Yu. Enareva

Journal Registration Certificate
ПИ No. ФС77-72190 of January 15, 2018.
Given by The Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media

ISSN 2413-6182

"Communication Studies" is a peer-reviewed
academic journal focusing on the study of
communication science.

The Journal publishes articles in Russian
and English

Included in VAC list.

Included in ERIH PLUS.

Included in ULRICH WEB.

Included in Russian Science Citation Index.

Address of editorial office
office 221, 2nd OmSU corpus, 55a, Mira pr.,
Omsk, Omsk Oblast, 644077, Russia
Phone: +7(3812)22-98-15
Site of Journal: <http://com-studies.org/ru>

Date of publication: March 30, 2018.

Risograph printing.

Format 60×84 1/8.

Order 81. Circulation of 60 copies

United subscription catalog "The Russian
Press". Index 94243.

Free price

Published by Dostoevsky Omsk State
University

Address of publisher and printing house
55a, Mira pr., Omsk, Omsk Oblast, 644077,
Russia

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Раздел I. СПЕЦИФИКА РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ (ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ ЯЗЫКА)

Part I. SPECIFIC FEATURES OF SPEECH COMMUNICATION (LEXICAL-PHRASEOLOGICAL LEVEL OF THE LANGUAGE)

<i>Горбунова Д.А.</i> Случайности не <i>рандомны</i> : еще об одном английском слове в русской интернет-коммуникации.....	11	<i>Gorbunova D.A.</i> Coincidences are not <i>random</i> : about one more new word in Russian Internet communication	11
<i>Лю Д.</i> Модифицированные идиомы в русской повседневной речи.....	20	<i>Liu D.</i> Modified idioms in Russian everyday speech.....	20
<i>Наумова А.С.</i> <i>Назить / нозить</i> : об одном «неописанном» слове русского языка.....	35	<i>Naumova A.S.</i> <i>Nazit' / nozit'</i> : about one "undocumented" word of the Russian language.....	35
<i>Осьмак Н.А.</i> <i>Чувак</i> и <i>чувиха</i> в современной повседневной речи.....	45	<i>Osmak N.A.</i> <i>Chuvak</i> and <i>chuvikha</i> in modern everyday speech.....	45
<i>Попова Т.И.</i> Опыт лексикографического описания одной группы функциональных речевых единиц.....	56	<i>Popova T.I.</i> The experience of lexicographical description of one group of functional speech units.....	56

Раздел II. СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ УСТНОЙ РЕЧИ

Part II. MODERN DISCOURSE PRACTICES OF ORAL SPEECH

<i>Баева Е.М.</i> Хезитационные явления в устных монологах низкой степени спонтанности.....	75	<i>Baeva E.M.</i> Hesitation phenomena in spoken Russian speech of low spontaneity.....	75
<i>Лисковец И.В.</i> Русско-белорусское переключение кодов в г. Минске.....	85	<i>Liskovets I.V.</i> Russian-Belarusian code-switching in Minsk.....	85
<i>Пиотровская Л.А.</i> Стратегии неподготовленного чтения делового текста: анализ интонации.....	97	<i>Piotrovskaya L.A.</i> The strategies of business text unrehearsed reading: the analysis of intonation.....	97

Раздел III. АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ИССЛЕДОВАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Part III. ACTUAL DIRECTIONS IN THE FICTION AND POETRY TEXTS RESEARCH

<i>Балонкина О.В.</i> Фразеологическое представление стихии <i>огонь</i> в русской лингвокультуре.....	111	<i>Balonkina O.V.</i> Phraseological representation of the element <i>fire</i> in Russian language culture.....	111
<i>Зайцева И.П.</i> Перспективы коммуникативной стилистики художественного текста (на материале произведений Михаила Булгакова).....	122	<i>Zaitseva I.P.</i> Perspectives of communicative stylistics of a literary text (study case of Mikhail Bulgakov).....	122
<i>Клокова А.Г.</i> Стратегия и тактики художественного воплощения персонажа автором в англоязычном коротком рассказе.....	135	<i>Klokova A.G.</i> The strategy and tactics of a character's literary embodiment by the author in an English short story.....	135
<i>Малёнова Е.Д.</i> Инструменты интертекстуальности в трансмедийном проекте и проблемы перевода (на материале британского сериала «Шерлок»).....	142	<i>Malenova E.D.</i> Intertextuality tools in transmedia project and translation issues (case study of BBC series "Sherlock").....	142

Раздел IV. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Part IV. REVIEWS. CHRONICLE

<i>Е Сян Линь.</i> Рецензия на «Пособие по тестированию по русскому языку как иностранному» Чжан Цин-го167	<i>Yeh Hsiang-Lin.</i> Review on Chang Ching-Gwo's "A guide for Russian as a foreign language test" 167
<i>Факторович А.Л.</i> Рецензия на «Словарь избирательной кампании» Т.П. Тарасенко (Краснодар: Просвещение-Юг, 2016. 587 с.)170	<i>Faktorovich A.L.</i> Review on T.P. Tarasenko's "Dictionary of electoral campaign" (Krasnodar, Prosveshchenie-Yug Publ., 2016, 587 p.) 170
<i>Еськина У.А., Владимирская К.В.</i> Хроника Международной научной конференции «Жанры речи и "Жанры речи"» (Саратов, 27–29.11.2017)178	<i>Eskina U.A., Vladimirskaia K.V.</i> Chronicle of the International scientific conference "Speech genres and "Speech genres"" (Saratov, November 27-29, 2017)..... 178
<i>Информация для авторов</i>184	<i>Information for authors</i> 184

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК

**СПЕЦИФИКА РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ
(ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ
УРОВЕНЬ ЯЗЫКА)**

*Приглашенный редактор
доктор филологических наук,
профессор Н.В. Богданова-Бегларян*

ОТ ПРИГЛАШЕННОГО РЕДАКТОРА

Известно, что язык – структура многоуровневая, и его описание может (и должно!) проводиться на всех этих уровнях. Столь же богата и многослойна и наша устная речь, специфику которой можно видеть также на всех уровнях – от фонетики (редуцированные формы слов и словосочетаний, акцентологические сдвиги, разрушение привычных интонационных конструкций и т. п.) до синтаксиса (парцелляция, эллипсис, инверсия, иное, чем в литературно-письменном языке, «ветвление» основных членов предложения и т. д.). Однако ярче всего, виднее всего предстает лексико-фразеологический срез нашей устной коммуникации. По наблюдениям Л.П. Крысина, лексика и фразеология языка наиболее проницаемы для социального воздействия, поэтому современная разговорная речь по ее лексико-фразеологическому составу отличается от той разговорной речи, которая описана в работах Е.А. Земской и О.Б. Сиротининой: она неоднородна и диффузна по составу и включает в себя как единицы, традиционно маркируемые пометой *разг.* (разговорное) в лексикографических источниках, так и те единицы, которые имеют просторечное или жаргонное происхождение, однако широко употребляются носителями русского литературного языка. Иными словами, наблюдения за поведением единиц этого уровня никогда не теряют своей актуальности.

Именно этот – лексико-фразеологический – уровень оказался в центре внимания авторов тех статей, которые вошли в настоящий специальный выпуск журнала «Коммуникативные исследования». Мне довелось уже второй раз выступать в роли такого приглашенного редактора (первый выпуск см.: Коммуникативные исследования. 2016. № 3 (9). С. 9–69). И на этот раз я снова пригласила к участию в «своем» выпуске моих учеников: магистрантов, аспирантов и уже состоявшихся исследователей, кандидатов наук. Все они с разных сторон анализируют устную речь, занимаются вопросами устного общения и используют в качестве основного (хотя и не единственного) источника своих наблюдений и выводов Звуковой корпус русского языка. И так уж случилось, что фокус их внимания сосредоточился на этот раз именно на вопросах лексикологии и фразеологии.

Так, в статьях **Д.А. Горбуновой** и **А.С. Наумовой** объектом исследования стали явные лексические окказионализмы, в разной степени претендующие на проникновение в лексическую систему русского языка и статус неологизмов в рамках этой системы: слово *рандом* (и производные от него – *рандомный*, *рандомно*, *рандомщик* и проч.) и глагол *назить* / *нозить* (орфография пока еще не устоялась). Авторы серьезно и вполне квалифицированно анализируют все выявленные в разных типах дискурса

употребления этих единиц, пытаются определить (в том числе и в ходе психолингвистических экспериментов) их значения и территориальную «привязку», возможную этимологию и пути лексикографического описания. И главное в обеих этих работах – несомненный интерес молодых исследователей к своему материалу, к нашей речи, в конечном счете – к родному языку.

В статье **Н.А. Осмак** анализируются употребления в устной речи гендерной пары *чувак* – *чувиха*, которые, как оказалось, имеют в современной русской речи разную судьбу. Первое (*чувак*) на наших глазах со всей очевидностью теряет свою жаргонную окраску и начинает обозначать просто ‘молодого человека, парня, мужчину’, второе же (*чувиха*) остается в лоне жаргонной лексики и пока не претендует на повышение своего стилистического статуса – ни в словарях, ни в ментальном лексиконе носителей языка. Последние данные получены автором в ходе масштабного психолингвистического электронного опроса.

Вопросы собственно идиоматики / фразеологии стали главными в статье **Д. Лю**, посвященной некоторой систематизации приемов модификаций, преобразований тех идиом (в широком их понимании), которые удалось выявить на материале корпуса повседневной русской речи «Один речевой день». Нет сомнения, что наблюдения, предложенные автором, могут быть очень полезны иностранцам, изучающим русский язык и погружающимся в естественную русскоязычную речевую стихию, а также в практике перевода русскоязычных текстов, отражающих разговорную специфику, на другие языки, в первую очередь – на китайский.

Наконец, в статье **Т.И. Поповой**, посвященной прагматизированным единицам русской устной речи (*туда-сюда, так-сяк, то-сё* и под.), делается уже и следующий шаг: от наблюдения, анализа и первых выводов о специфике употребления и функциональных возможностях этих редуцированных единиц «с местоименным компонентом» автор переходит к конкретной попытке их лексикографического описания в интересах «Словаря прагматем русской речи», на который, в конечном счете, мы все работаем.

В заключение небольшого обзора наших статей я хочу сказать, что это – лишь небольшая часть тех исследований, которые мы проводим на материале Звукового корпуса русского языка. Главная цель всех этих работ – постоянные наблюдения за реальной повседневной речью, умение видеть в ней не только отклонения от кодифицированных образцов, но и несомненные эволюционные процессы, а также базу для такого же всестороннего описания словаря устной речи, какие мы имеем для стандартного языка.

Н.В. Богданова-Бегларян,
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка
филологического факультета СПбГУ

Раздел I

**СПЕЦИФИКА
РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ
(ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ
УРОВЕНЬ ЯЗЫКА)**

Part I

**SPECIFIC FEATURES
OF SPEECH COMMUNICATION
(LEXICAL-PHRASEOLOGICAL
LEVEL OF THE LANGUAGE)**

СЛУЧАЙНОСТИ НЕ *РАНДОМНЫ*: ЕЩЕ ОБ ОДНОМ АНГЛИЙСКОМ СЛОВЕ В РУССКОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Д.А. Горбунова

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Аннотация: Рассматривается процесс заимствования из английского языка лексемы *рандом* и производных от нее, приводятся различные примеры употреблений этого заимствования носителями русского языка. Поскольку единица стала доступной нашему вниманию благодаря «компьютерно-опосредованной коммуникации», исследование лексемы проводится на материале ответов интернет-пользователей на опрос, проведенный в среде бытования данной единицы – в социальных сетях. Языковая саморефлексия респондентов позволяет сделать ряд выводов о новых и уже устоявшихся компонентах значения исследуемого слова, о возрастной стратификации говорящих, использующих данную лексику, а также о непосредственной зависимости между употреблением слова и профессиональной деятельностью респондента. Интернет-пользователи указывают на эквивалентность заимствованного слова *рандом* русскому слову *случайно*, приводят ряд аргументов *pro et contra*. В работе также рассматривается ряд интересных моментов, выясненных в ходе анализа материала, в частности обнаруженный в ответах респондентов словообразовательный дериват, неизвестный ранее. На основании статистических данных по приводимым респондентами определениям, а также лексико-семантического анализа значений слова делаются предварительные выводы. Лингвистический эксперимент подобного рода позволяет в полной мере выяснить семантическую отнесенность новой лексики, сопоставить данные кодификации и реального употребления. Материал данной работы может стать хорошей основой для дальнейших лексикографических, лексических, психолингвистических изысканий, имеющих отношение к языку вообще и к интернет-дискурсу в частности.

Ключевые слова: интернет-сленг, заимствования, компьютерно-опосредованная коммуникация, рефлексия носителей языка, молодежный жаргон.

Для цитирования:

Горбунова Д.А. Случайности не *рандомны*: еще об одном английском слове в русской интернет-коммуникации // Коммуникативные исследования. 2018. № 1 (15). С. 11–19. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.1.11-19.

Сведения об авторе:

Горбунова Дарья Александровна, бакалавр филологии, студентка магистратуры

Контактная информация:

Почтовый адрес: 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11

E-mail: darya.a.gorbunova@yandex.ru

Дата поступления статьи: 07.10.2017

Появлению новых английских слов в русской речи уже давно никто не удивляется. С компьютеризацией и общей глобализацией эти «слова-экспаты» все чаще проникают в наш язык, ассимилируются и участвуют в процессе коммуникации. Это, однако же, не делает их менее интересными с точки зрения лексикологии и лексикографии. Напротив, материал для анализа значения и выявления особенностей функционирования подобных заимствованных (чаще всего сленговых и жаргонных) единиц дает основания для детального и разноаспектного лингвистического исследования. Чаще всего такие единицы становятся доступными благодаря «компьютерно-опосредованной коммуникации» (Computer-Mediated Discourse – CMD) [Herring 2001, 2014], которая определяется преимущественно как текст на основе взаимодействия человека с человеком посредством сетевого компьютера или мобильной телефонной связи. Такая коммуникация обеспечивает нас обилием данных о речевом поведении человека, об использовании им языка, а значит, в конечном счете, и о самом языке.

Лексема, которая стала доступной именно благодаря компьютерно-опосредованной коммуникации и описанию которой посвящена настоящая работа, в русской транслитерации приняла вид наречия образа действия – *рандомно*. Безусловно, имеется в современном языке и существительное *рандом*, или *рандом*, однако употребление иноязычного слова в оригинальной графике на начальной стадии его освоения принято считать только первичной формой заимствования [Маринова 2006], а появление производного наречия вводит слово в систему языка-реципиента в качестве полноправной единицы, свидетельствует уже о некоторой его морфологической освоенности. О непрочности закрепления в русском языке данного существительного свидетельствуют и фонетические колебания (*рЭндом / рандОм*), которые еще не нивелированы полностью. Логично предположить, что в дальнейшем доминирующей окажется форма *рандОм*. Основной причиной этого лингвисты называют **закон аналогии** [Суперанская 1966]. При этом в самом начале своего существования в новом языке (пока аналогия с другими словами этого языка еще не найдена) слово сохраняет ударение и фонетические черты первоисточника. Причиной заимствования целесообразно будет назвать «коммуникативную актуаль-

ность понятия» [Крысин 1996]. Если понятие затрагивает важные сферы деятельности человека (в данном случае компьютерную), то слово, обозначающее это понятие, естественно, становится употребительным.

Материалом для анализа послужили ответы в Интернете носителей русского языка на ряд вопросов о лексическом значении данного слова, т. е. направленная **языковая саморефлексия**. Поиск в Интернете по словам *рандом* / *рэндом*, *рандомный* и *рандомно* дал лишь одно определение в «Словаре молодежного слэнга» (<http://teenslang.su/content/Рандомно>) со специфическими пометами:

• **Рандомно**, нареч. (*айтишники, геймеры*)

Значение: *случайно, наугад*

Пример текста: *Пельмени я выбрал **рандомно**. • Появляются шарик **рандомно** летающие. • Собранная машина **рандомно** намертво зависает. • Разумеется, тут все **рандомно**, но есть шансы на то, что хорошо сыграв один раз, через некоторое время у вас получится. • Бесплатно только 15 геров которых **рандомно** меняют каждую неделю.*

В то время как английский источник – English Oxford Living Dictionaries (<https://en.oxforddictionaries.com/definition/random>) – дает довольно разнообразные определения слову *random*:

• *Прил.,*

1. Создающееся, сделанное или происходящее без определенной цели или случайно.

2. Неучтенный, неофициальный, незнакомый или неуказанный.

2.1. Станный, необычный, неожиданный.

• *Сущ.,*

Неоф.: неизвестный или странный человек (перевод мой. – Д. Г.).

Налицо отсутствие единства в семантике, часть английских значений либо не реализована в русском языке, либо данные о таких значениях нигде не зафиксированы. Кроме того, приписывание употребления данного слова узкой профессиональной группе (*программистов* и *айтишников*) было взято под сомнение¹. Поэтому было принято решение провести исследование употреблений данной лексики и сделать более или ме-

¹ Впрочем, нельзя не отметить, что подобное приписывание употребления данного слова указанной профессиональной группе имеет уже некоторую традицию. Так, в исследовании влияния профессии на бытовую спонтанную речь человека [Звуковой корпус... 2014] среди лексических маркеров речи «компьютерщиков» приводятся и примеры на исследуемое слово (точнее – родственное исследуемому, еще одно производное от лексики *рандом*), ср.: *где же т... / здес-сь чёрная лестница / думал пёс-с // в какой-то момент // ударился о-о* [**рандомный** шкаф (из монолога-пересказа фрагмента из «Собачьего сердца» М.А. Булгакова, записанного от информанта-«компьютерщика»).

Исследователи отмечают, что в данном случае говорящий, «вместо подходящего по контексту слова общеупотребительной лексики, использует близкий по смыслу узкоспециальный термин». При этом «подмене подвергаются, в том числе, и слова местоименного значения (<...>, *рандомный шкаф = какой-то шкаф*)» [Звуковой корпус... 2014: 232–233].

нее обоснованные выводы о лексическом значении и принадлежности к профессиональному лексикону слова *рандомно* на материале анализа словарной рефлексии говорящих.

Был проведен опрос¹ о значении исследуемого слова непосредственно в среде его употребления – в социальных сетях. Методом случайного отбора опрос прошли 145 респондентов, при этом разница в гендерном отношении была минимальной: всего в опросе поучаствовало 76 женщин и 69 мужчин. Гендерный аспект никак не повлиял на результаты опроса, однако профессиональное ранжирование было достаточно весомым: в опросе участвовали как женщины, представляющие технические специальности, так и мужчины, представляющие творческие. Вся информация об испытуемых помещалась в таблицы Excel. На рис. 1 приведены данные о возрасте респондентов.

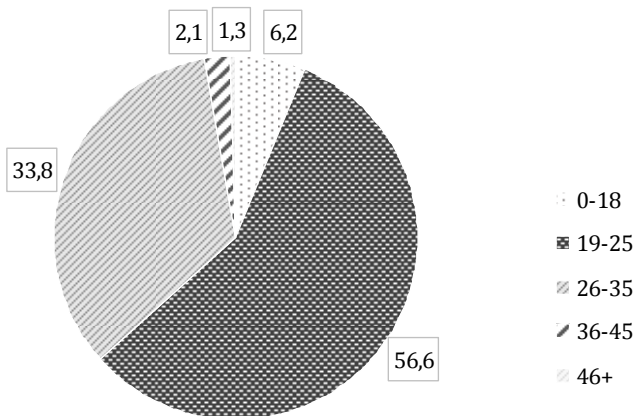

Рис. 1. Данные о возрасте респондентов, %

Как можно заключить по возрастным данным, наиболее активно в опросе участвовали молодые люди в возрасте от 19 до 35 лет. По такому результату можно судить о возрастном пороге целевой аудитории социальной сети «ВКонтакте» и о возрастном составе пользователей социальных сетей и Интернета в целом.

Профессиональный состав респондентов оказался весьма разнообразен. Значительную часть опрошенных составляют программисты (54 человека; 37,2 %) и студенты (48 человек; 33,1 %). Кроме того, в опросе приняли участие: 6 медиков, 4 музыканта, 4 инженера, 3 художника, 3 преподавателя, 3 научных работника, 2 работника отдела бронирования, 2 представителя туристического бизнеса, 2 менеджера, 2 дизайнера и еще несколько представителей самых разнообразных сфер профессиональной деятельности. Сводные данные по ответам респондентов на вопрос о влия-

¹ Бланк опроса см.: URL: <https://docs.google.com/forms/d/1toGzk0QoyiC93KZQ19xTnDbjIFbjpWE1M6HHGrru3c/edit>.

нии их профессиональной деятельности на употребление слова *рандомно* и производные от него представлены на рис. 2.

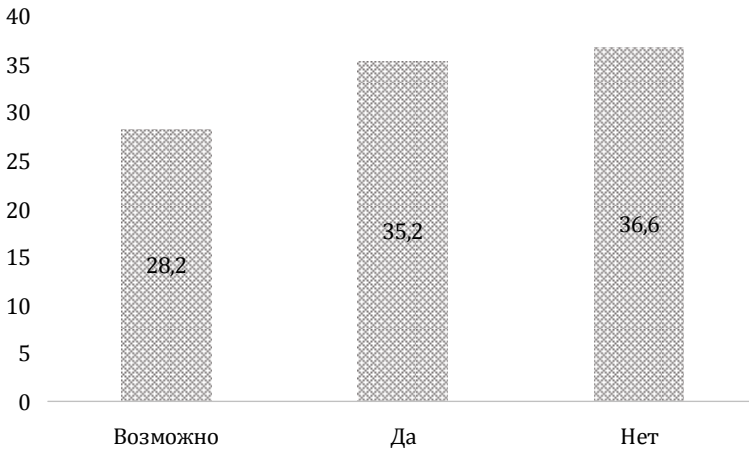

Рис. 2. Влияние профессиональной деятельности респондентов на возможность употребления ими слова **рандомно**, %

Респондентам было предложено дать определение слову *рандомно* и привести пример его употребления в их повседневной речи. Чаще всего определение, данное респондентом, включало в себя сему 'случайный', но встречались и более развернутые ответы¹, ср.:

- *Ну тип случайно чет случилось. Лексикон геймеров и активных пользователей интернета. Рандомное попадание, рандомщик (человек у которого случайно что-то получилось)* [P23, муж., 26–35, музыкант];

- **Рандомно** – вне зависимости от чего-либо, без видимых (известных) причин. Ассоциируется со снятием ответственности (либо с себя, либо – чаще – с тех, кто что-то делает **рандомно** по отношению ко мне) [P108, жен., 19–26, студентка];

- *Случайный, может быть псевдо-случайный, сгенерированный случайно. "пихаем **рандомную** кошку в **рандомное** окошко" :)* [P74, муж., 26–35, программист].

Крайне интересной показалась форма **лингвистической рефлексии** респондента, когда человек начинал рассуждать о функционировании слова в языке-реципиенте, а также о его эквивалентном употреблении:

- *Первый попавшийся, любой случайно выбранный из предложенного вариант. По-моему, в отличие от слова "случайный" эта группа слов имеет коннотацию "без разницы, какой" (поэтому их нельзя считать эквивалентными)* [P111, жен., 19–26, студентка];

¹ Орфография и пунктуация авторов во всех примерах сохранены; все ответы атрибутированы с указанием номера респондента (P1, P2 и т. д.), его пола, возрастной группы и профессиональной принадлежности.

• 1. Воля случая, 2. Выбранный наугад. Ситуация, в которой производится выбор из нескольких равнозначных вариантов. В ситуации, когда выбора не производится, имхо, лучше употреблять "случайный", или, если нужно иностранное слово, то «стохастический» [Р27, муж., 19–26, научный работник].

При этом на вопрос об эквивалентности слова *рандомно* русскому слову *случайно* лишь 22 респондента (15,2 %) дали отрицательный ответ, остальные 123 (84,8 %) считают эти слова синонимами. О целесообразности употребления того или иного слова в конкретной коммуникативной ситуации вопроса не было, что дает довольно широкие возможности для дальнейшего психолингвистического исследования этого лексического пласта.

Хочется также остановиться на нескольких интересных моментах, связанных с изучаемой лексемой и встретившихся в ходе анализа материала. В определениях по крайней мере пяти респондентов встретился словообразовательный дериват *рандомщик*, существование и значение которого показались несколько неожиданными. Сами респонденты дали этому слову два основных определения:

• *Человек, которому часто везет. Часто неодобрительное (Н.: Он такой рандомщик!);*

• *Человек, который часто полагается на удачу.*

Еще несколько респондентов связывали слово *рандомно* со значением 'удачно, успешно':

• *Случайно, случайность, причем часто относится к благоприятному исходу, несет в себе степень удачи какую-то* [Р134, муж., 19–26, студент].

Думается, что дальнейшее выделение и определение значения деривата, а также наличия нового компонента значения у слова *рандомно* требует проведения еще одного лингвистического эксперимента.

В заключение можно сделать вывод, что англицизм *рандом* (и производные от него), проникший в русский язык сравнительно недавно путем калькирования, реализует пока не все значения, которые имеет в языке-источнике. Слово популярно не только в среде программистов, но распространено и среди представителей самых разных профессий¹, а зна-

¹ Здесь стоит учесть мнение, высказанное А.А. Юнаковской, которая предлагает разделить всю совокупность носителей «социально-профессионального жаргонного подязыка компьютерщиков» [Химик 2000: 83] на две подгруппы, согласно уровню владения ими компьютерными технологиями: 1) стабильные узкопрофессиональные коллективы (программисты и электронщики), производящие, обслуживающие и тестирующие электронную продукцию (компьютерные программы, аппаратуру и т. д.) на профессиональном уровне (настоящие «компьютерщики»); и 2) пользователи компьютерных технологий (юзеры), являющиеся потребителями электронной продукции [Юнаковская 2008: 54]. Число последних не только уже достаточно велико, но и постоянно растет, что в какой-то степени стирает грань между профессионалами и непрофессионалами в этой области, что не может не отражаться на их речи.

чит, его употребление гораздо шире указанного в «Словаре молодежного слэнга».

Список литературы

- Звуковой корпус как материал для анализа русской речи: коллективная монография: в 2 ч. / отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2013–2015. Ч. 2: Теоретические и практические аспекты анализа. Т. 1: О некоторых особенностях устной спонтанной речи разного типа. Звуковой корпус как материал для преподавания русского языка в иностранной аудитории. 2014. 396 с.
- Крысин Л.П. Иноязычные слова в современной жизни // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / под ред. Е.А. Земской. М.: Наука, 1996. С. 142–161.
- Маринова Е.В. Заметки об основных формах заимствования // Вестник ННГУ. Серия: Филология. 2006. Вып. 1 (7). С. 35–38.
- Суперанская А.В. Ударение в собственных именах в современном русском языке. М.: Наука, 1966. 360 с.
- Химик В.В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2000. 272 с.
- Юнаковская А.А. Речь компьютерщиков как объект исследования // Русская словесность. 2008. № 5. С. 53–57.
- Herring S.C. Research: Computer-Mediated Communication // *Bulletin of the Association for Information Science and Technology*. 2014. Vol. 40, Iss. 3. P. 41–44. DOI: 10.1002/bult.2014.1720400313.
- Herring S.C. Computer-mediated discourse // *The Handbook of Discourse Analysis* / Eds.: D. Schiffrin, D. Tannen, H. Hamilton. Oxford: Blackwell, 2001. P. 612–634.

References

- Bogdanova-Beglaryan, N.V. (Ed.) (2014), *Zvukovoi korpus kak material dlya analiza russkoi rechi* [*Speech Corpus as a Base for Analysis of Russian Speech*], Collective Monograph, in 2 parts, Pt. 2. Theory and Practice of Speech Analysis, Vol. 1. Some Features of Oral Spontaneous Speech of Various Types. Speech Corpus as a Base for Material for the Teaching of Russian as a Foreign Language, St. Petersburg, SPbGU Faculty of Philology Publ., 396 p. (in Russian)
- Herring, S.C. (2014), Research: Computer-Mediated Communication. *Bulletin of the Association for Information Science and Technology*, Vol. 40, Iss. 3, pp. 41-44. DOI: 10.1002/bult.2014.1720400313.
- Herring, S.C. (2001), Computer-mediated discourse. Schiffrin, D., Tannen, D., Hamilton, H. (Eds.) *The Handbook of Discourse Analysis*, Oxford, Blackwell Publ., pp. 612-634.
- Khimik, V.V. (2000), *Poetika nizkogo, ili Prostorechie kak kul'turnyi fenomen* [*The poetics of the low, or Vernacular as a cultural phenomenon*], St. Petersburg, SPbGU Faculty of Philology Publ., 272 p. (in Russian)
- Krysin, L.P. (1996), Inoyazychnye slova v sovremennoi zhizni [Foreign words in modern life]. Zemskaya, E.A. (Ed.) *Russkii yazyk kontsa 20 stoletiya (1985-1995)* [*Russian language in the end of the 20th century (1985-1995)*], Moscow, Nauka Publ., pp. 142-161. (in Russian)

- Marinova, E.V. (2006), *Zametki ob osnovnykh formakh zaimstvovaniya* [Notes about the main forms of foreign language influences]. *Vestnik NNGU. Seriya: Filologiya* [Bulletin of NNSU. Series: Philology], No. 1(7), pp. 35-38. (in Russian)
- Superanskaya, A.V. (1966), *Udarenie v sobstvennykh imenakh v sovremennom russkom yazyke* [The accent in personal names in the modern Russian language], Moscow, Nauka Publ., 360 p. (in Russian)
- Yunakovskaya, A.A. (2008), *Rech' komp'yutershchikov kak obyekt issledovaniya* [The speech of IT-specialists as an object of research]. *Russkaya slovesnost'* [Russian Writing], No. 5, pp. 53-57. (in Russian)

**COINCIDENCES ARE NOT *RANDOM*:
ABOUT ONE MORE NEW WORD
IN RUSSIAN INTERNET COMMUNICATION**

D.A. Gorbunova

St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

Abstract: The article deals with the process of adopting a lexeme *random* and its derivatives from the English language. Author gives various examples of the native speakers' usage of this word. As long as the unit became available to our attention thanks to "computer-mediated communication", the study of the lexeme is conducted on the basis of the answers of Internet users. Public opinion poll was conducted in the environment of the unit's existence – in social networks. The linguistic self-reflection of the respondents allows us to make a number of conclusions about new and already established components of the meaning of the word, about the age stratification of speakers using this lexeme, and also about the direct dependence between the use of the word and the professional activity of the respondents. Internet users indicate the equivalence of adopted word *random* to a Russian word *sluchaino* and give a number of arguments pro et contra. The paper also discusses a number of interesting points that were clarified during the analysis of the material, in particular, the derivational form, found in the answers of respondents, is previously unknown. In the paper we make a variety of preliminary conclusions, based on the statistical data on the definitions given by the respondents, as well as the lexical-semantic analysis of the meanings of the word. This type of a linguistic experiment makes possible to fully understand the semantic relation of a new lexeme, to compare the data of codification and real use in speech. The material of this work can be a good basis for further lexicographical, lexical, psycholinguistic researches related to language in general and to Internet discourse in particular.

Key words: Internet slang, loanwords, computer-mediated communication, native speaker's reflection, teen slang.

For citation:

Gorbunova, D.A. (2018), Coincidences are not *random*: about one more new word in Russian Internet communication. *Communication Studies*, No. 1 (15), pp. 11-19. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.1.11-19. (in Russian)

About the author:

Gorbunova Darya Alexandrovna, Bachelor of Philology, Master's degree student

Corresponding author:

Postal address: 11, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: darya.a.gorbunova@yandex.ru

Received: October 7, 2017

МОДИФИЦИРОВАННЫЕ ИДИОМЫ В РУССКОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ

Д. Лю

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Аннотация: Описываются модифицированные идиомы, встретившиеся в устной повседневной речи, организованной в корпус «Один речевой день». Идиома в статье понимается достаточно широко и, вслед за большинством исследователей, соотносится с фразеологизмом. Основными признаками идиоматичности единицы признаются ее устойчивость, воспроизводимость и встречаемость в речи многих говорящих по-русски. Признаком модификации идиомы предлагается считать узнаваемость носителями русского языка ее исходной формы, своего рода «модели» идиомы: *выехать на белом коне* вм. *въехать на белом коне*; *кладезь юмора* вм. *кладезь премудрости* и под. Все сложные и сомнительные случаи предлагается проверять путем проведения лингвистического эксперимента или опроса с участием прежде всего специалистов-филологов. Кроме того, в статье делается попытка построить классификацию приемов идиоматических преобразований, выявленных на корпусном материале: мена компонента идиомы (например, синонимическая: *завершающий аккорд* вм. *заключительный аккорд*); грамматическая: *воду полить* вм. *лить воду* и т. п.), контаминация (*ни в коей жизни* = *ни в коем случае* + *ни в жизнь*), инверсия (*воду полить* вм. *лить воду*), усечение (*всегда дождётся* вм. *кто ждёт, тот всегда дождётся*) и др. Подобная классификация может быть полезна для дальнейшего изучения и лексикографического описания разговорной идиоматики, а также при составлении методических пособий для студентов, изучающих русский язык как иностранный. Приведенная классификация может быть дополнена и уточнена по мере расширения пользовательского подкорпуса материала.

Ключевые слова: модифицированная идиома, фразеологизм, устная речь, речевой корпус, приемы преобразования.

Для цитирования:

Лю Д. Модифицированные идиомы в русской повседневной речи // Коммуникативные исследования. 2018. № 1 (15). С. 20–34. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.1.20-34.

Сведения об авторе:

Лю Даян, аспирант

Контактная информация:

Почтовый адрес: 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11

E-mail: cristalplane@mail.ru

Дата поступления статьи: 12.10.2017

1. Введение

Понятие **идиомы** и идиоматический анализ реальной звучащей речи – одна из нерешенных, но весьма актуальных проблем современной лингвистики. Ни в отечественной, ни в зарубежной лингвистике пока нет единого определения идиомы; хотя более или менее традиционно под идиомой понимаются застывшие или устойчивые обороты речи, характеризующиеся целостным значением, не выводимым из значений их компонентов (см., например: [Аничков 1992: 141; Амосова 1963: 72; Луконина 1986: 1]). Такое понимание данного термина используется и в настоящей работе.

2. Классификации идиоматической трансформации (литературные данные)

Любые изменения в составе идиом приводят к их трансформации, модификации. Изменения могут происходить по разным причинам: например, это может быть языковая игра или случайный речевой сбой в ходе спонтанного речепроизводства. Подобные изменения и служат объектом исследования в настоящей работе.

В настоящее время существует достаточно много разнообразных классификаций приемов идиоматической трансформации (см., например: [Фразеологический словарь... 1986; Третьякова 1993; Вайрах, Казорина 2017] и др.). К примеру, О.С. Дергилева выделяет четыре вида трансформаций по степени сложности операции:

1) **простые**, связанные с незначительным изменением формы (морфемные, морфологические, морфолого-синтаксические преобразования, расширение компонентного состава): *с университетской скамеечки* (ср. *с университетской скамьи*); *сукиных сынов* (ср. *сукин сын*); *валяя дурака* (ср. *валять дурака*); *их всех черт за селедками унес* (ср. *черт унес*); *махнуть на все рукой* (ср. *махнуть рукой*);

2) **усложненные** приемы, характеризующиеся изменениями в семантике идиомы (замена компонента, расширение компонентного состава с изменением значения, эллипсис, инверсия, дистантное расположение компонентов, конверсия, транспозиция): *задышаться в собственном соку* (ср. *вариться в собственном соку*); *из ряда выходящим* (ср. *из ряда вон выходящий*);

3) **сложные** приемы, касающиеся глубоких изменений в семантике или структуре идиомы (возникновение нового значения, появление антонимического значения, дополнительные семантические оттенки, кон-

таминация): *Это в полном смысле слова – золотые руки. К чему ни притронутся – бьет, осколки; мозги морочить* (ср. *пудрить мозги + морочить голову*);

4) **сверхсложные** приемы, при которых происходит практически полное разрушение идиомы или ее значения (фразеологическое развертывание, сокращение): *у меня такая тоска на сердце, как будто его кошка скребет когтями* (ср. *кошки скребут на душе / сердце*) [Дергилева 2010: 10].

Несмотря на существующие классификации видов идиоматических трансформаций, необходимо попытаться создать такую, которую можно было бы использовать при описании материала максимально живой устной речи. Корпусный подход к исследованию и устный характер материала может изменить существующий взгляд на положение дел в этой сфере лингвистики.

3. Источник материала исследования

Однако все работы, посвященные описанию идиоматических модификаций, написаны в основном на материале письменной речи, текстов художественных произведений (см., например: [Ройзензон, Малиновский 1974; Захарова 2001; Бутько 2008] и др.). Основная же масса трансформаций на уровне идиоматики происходит, как представляется и как подсказывает языковой опыт (в том числе опыт иноязычных носителей, изучающих русский язык в учебных целях), в живой, естественной речи, когда говорящий максимально свободен в ее порождении от всяких рамок и ограничений, налагаемых кодификацией. Ср.: «Невозможно рассматривать функционирование чего-либо, в том числе и языка, вне зависимости от условий этого функционирования. Коммуникативная ситуация – это окно, сквозь которое мы смотрим на мир, и мы строим модель этого мира, в том числе и языковую, сообразно с конкретной коммуникативной ситуацией» [Ерофеева 2011: 211]. Изменение любых коммуникативных переменных (а именно такое изменение мы постоянно наблюдаем в ходе повседневного «языкового существования»¹) «ведет к изменению коммуникативной ситуации и, следовательно, средств, используемых участни-

¹ «Наблюдения над поведением говорящего в момент порождения речи хорошо укладываются в представление о том, что Б.М. Гаспаров называл “языковым существованием”: “Что бы мы ни делали, о чем бы ни думали, к чему бы ни стремились – мы не вольны выйти из этого потока” (“бесконечного и нерасчлененного потока языковых действий и связанных с ними мыслительных усилий, представлений, воспоминаний, переживаний, сопровождающих нас повсюду в качестве неотъемлемого аспекта нашего повседневного существования”), “произвольно его ‘отключить’ или остановить его спонтанное, никогда не прекращающееся движение в нашем сознании. Язык окружает наше бытие как сплошная среда, вне которой и без участия которой ничто не может произойти в нашей жизни”. Ср. также авторское определение этого понятия: “Вот эта наша постоянная, никогда не прекращающаяся жизнь ‘с языком’ и ‘в языке’ и есть то, что я предлагаю назвать **языковым существованием**”» [Богданова-Бегларян 2017: 34].

ками коммуникации, и их коммуникативного поведения в целом» [Беликов, Крысин 2001: 61].

Именно поэтому источником материала для настоящего исследования послужил звуковой корпус повседневной русской речи «Один речевой день» (ОРД) (см. о нем подробнее: [Asinovsky et al. 2009; Богданова-Бегларян и др. 2015, 2017; Русский язык повседневного общения... 2016]), а конкретно – записи устной речи четырех информантов (И1, И2, И3 и И37) (см. данные о них в табл.).

Метаданные информантов*

Метаданные информанта	Информант			
	И1	И2	И3	И37
Пол	жен.	муж.	жен.	жен.
Возраст	33	32	33	59
Место рождения	Санкт-Петербург	-	-	Караганда
Образование	Высшее	Незаконченное высшее	Высшее	Высшее худож.
Квалификация по диплому	Экскурсовод	Инженер	-	Художник-дизайнер
Профессия (род деятельности)	Няня, репетитор	Работает на производстве	Маркетинг, руководитель отдела	Художник-педагог
Дополнительные сведения	Владеет английским и немецким языками	Владеет английским и украинским языками; в СПб живет 15 лет	-	Жила в Новокузнецке, Орске, Саратове, СПб
Профессиональная группа**	ГУМ	ИНЖ	ОФ	ТВОР
Статусная группа***	СП	СП	РУК	СП
Возрастная группа****	Средняя	Средняя	Средняя	Старшая

* В таблицу внесены только те данные информантов, которые они сами предоставили, заполнив соответствующую социологическую анкету в день записи. Эксперимент проводился на условиях полной анонимности участников.

** ГУМ – носители языка с гуманитарным образованием и сферой деятельности, ИНЖ – инженеры, ОФ – офисные работники, творческие работники. Подробнее о профессиональных группах информантов в корпусе ОРД см.: [Русский язык повседневного общения... 2016].

*** СП – носители языка из группы специалистов, РУК – руководители. Подробнее о статусных группах информантов в корпусе ОРД см.: [Русский язык повседневного общения... 2016].

**** Средняя возрастная группа включает информантов в возрасте от 31 до 50 лет [Русский язык повседневного общения... 2016]. Соответственно младшая группа – от 18 до 30 лет, старшая – больше 50 лет.

Объемность материала и максимальная спонтанность и естественность записанной на диктофон устной речи послужили причиной отбора модифицированных идиом именно из данного корпуса. Поиск материала осуществлялся методом сплошной выборки с проверкой каждой выявленной единицы по существующим лексикографическим источникам. Всего на данный момент удалось выявить 20 единиц, отвечающих заданным условиям.

4. Опыт анализа модифицированных идиом из пользовательского подкорпуса

Исследование собранного материала позволяет говорить о том, что большинство модификаций идиом происходит на базе фразеологической («словарной», т. е. зафиксированной в словарях) модели, по аналогии с этой моделью. Однако различными являются сами способы, или приемы, таких преобразований. Рассмотрим ряд примеров из корпусного материала.

(1) *вот человеку надо ставить конкретную задачу // а то что они начинают () разглагольствовать / что Ольга% бо... болтушка / что () Артур% / любитель да воду полить // естественно / она ничего / толком / сделать и не может (ИЗ)¹.*

Идиома *воду полить* из контекста (1) создана, по-видимому, по аналогии с устойчивым выражением *лить воду* в значении 'разг. пренебрлгать; говорить пустое, пустословить' [Федоров 2008: 346]. Важно, однако, не то, что она создана по конкретной модели, что является одним из главных способов создания и развития идиом, а то, что глагол *полить*, который на первый взгляд может показаться формой совершенного вида глагола *лить*, вовсе не является видовой парой данного глагола (ср.: *поливает – полить, лить – х*). В этом идиоматическом сочетании прослеживается еще и другой тип преобразования – *инверсия*. Инверсия в рамках данной идиомы имеет важное значение, без нее сочетание *полить воду* могло бы быть воспринято в прямом значении, хоть и не зафиксированном толковыми словарями: 'лить в течение какого-то времени' (по одному из значений приставки *по-*), без какого-либо переосмысления. Отчасти функцию фразеологизации выполняет здесь также логическое ударение на форму *воду*, предположить существование которого позволяет все та же инверсия.

Рассмотрим также другую идиому – *убрать слова назад*:

(2) *я готов убр... убрать свои наза... да слова назад // # здесь / скажу / у меня вот на работе был такой (...) @ угу / @ националист (ИЗ7).*

В этом фрагменте известная, «словарная», идиома *брать / взять <свои> слова / слово обратно / назад* (вариативная уже и в своем «словарном» виде – буквально во всех компонентах) подвергается некоторой мо-

¹ Подробнее о специальных обозначениях в транскриптах ОРД см.: [Шерстинова и др. 2009; Русский язык повседневного общения... 2016: 242–243].

дификации: глагольная форма *брать* в ее составе заменяется на *убрать*. Такое преобразование можно трактовать двояко: 1) замена «ложной» видовой пары (переход от формы несовершенного вида к форме совершенного происходит в рамках двух разных видовых пар: *убрать* – *убирать* / *взять* – *брать*, как и в случае с *лить* / *полить воду*, 2) речевой сбой, в пользу которого говорит избыточное количество примет спонтанности речи в данном фрагменте: обрывы слов (*убр... наза...*) с их повтором – контактным (*убр... убрать*) или дистантным (*наза... да слова назад*)¹ – и наличие метакоммуникативного маркера *да*. Однозначного ответа на вопрос о том, что именно мы наблюдаем в данном контексте, по-видимому, не существует.

Другим частотным типом модификации является замена одного из компонентов идиомы:

(3) *и вот (э-эм) но в этот раз я сказал себе / *П ну хрен с ним уже ! *П пропадать так с музыкой ! и не закурил снова (ИЗ7).*

Модификация данной идиомы осуществляется по модели фразеологизма *помирать, так с музыкой!* со значением '(разг. шутол.) была не была, нечего бояться, надо рисковать' [Ожегов, Шведова 2006: 369]. Заменяется только один из компонентов идиомы: *помирать* → синонимичное *пропадать*. Такой прием не вносит качественных изменений в семантику идиомы. К этому типу модификаций относится и еще ряд идиом, ср.:

(4) *и Новая Голландия была завершающим аккордом этой курсовой работы // *П # а о чём она вообще была ? # а(:) / пешеходная экскурсия по Коломне (И1 # М1 # И1)²;*

(5) *я () там / всё скачиваю / скачиваю / скачиваю // я уже читать ничего не успеваю / что скачиваю / но всё равно буду скачивать // пусть будет // *С *П *В это говорит болезнь // @ пока есть возможность / да / пока есть возможность // @ да-да-да // *П # на халяву и(:) хлорка творог / как говорится // *П # этого я не слышала // я слышала / укус сладкий // # вот тебе новая // *С *П # вот вам филологи / пословица // *П # фольклор / *П *В думаешь я его придумал ? *П я его услышал от (...) от человека который такой / а(:) ! *С *П в очках / от сварщика / который (...) болгаркой / П* чего-то пилит стоит / *П целыми днями (М1 # И1 # М1);*

(6) *ну(:) это коню понятно / @ ну вот и всё ! @ главное что есть чем пить (ИЗ7 @ М1).*

Идиома *заключительный аккорд* во фрагменте (4) подвергается трансформации посредством замены компонента *заключительный* на си-

¹ О двух типа стратегии, которые использует говорящий при коррекции возникшего речевого сбоя, см. [Подлеская, Кибрик 2005, 2007]: on-line реакция наступает сразу же после «точки сбоя» (мгновенно, контактно), off-line реакция – лишь после очередной порции текста (дистантно). Вслед за В.И. Подлеской и А.А. Кибриком эти понятия активно используются в исследованиях устной спонтанной речи.

² В случае наличия собеседника в атрибуции к примеру указывается также и его номер и пол (М или Ж).

ноним *завершающий*. Такая синонимическая замена компонента в составе устойчивого выражения не приводит к изменению его идиоматического значения 'событие, действие, факт и т. п., завершающие что-либо' [Федоров 2008: 12].

На *халяву* и *хлорка творог* в контексте (5) – модификация известной разговорной поговорки *на халяву* и (*даже*) *уксус сладкий*. В данном фрагменте можно видеть и собственно использование модифицированной идиомы в речи, и ответную реакцию собеседника-коммуниканта, который не знаком с такой модификацией поговорки и приводит ее кодифицированный вариант (напомним, что знак # в расшифровках ОРД означает мену говорящих). В результате возникает целая дискуссия по поводу этой идиомы. В преобразованной идиоме изменен компонент, выраженный словосочетанием. Отметим, что если исходное сочетание слов *уксус сладкий* – основано на антонимии по вкусу (*кислый* – *сладкий*), то модифицированное *хлорка творог* – на метонимии по цвету: *белый*. Наряду с этим по принципу антонимии построены и компоненты *уксус* и *творог* (*кислый* и *сладкий*), но общее значение поговорки 'приятно то, что достается даром' [Белянин, Бутенко 1994: 100] не подверглось изменению.

Во фразеологизме *коню понятно* в контексте (6) компонент исходного фразеологизма (*ежу / козе*) заменяется уже не словом-синонимом, а словом того же семантического поля – «животные». Значение модифицированной идиомы зафиксировано на настоящий момент лишь в нескольких словарях и определяется как 'понятно, ясно' [Белянин, Бутенко 1994: 77], 'о чем-л. очевидном, бесспорном' [Мокиенко, Никитина 2007: 310].

В противоположность синонимической замене выступает антонимическая. К такому приему можно отнести преобразования в идиоме *выехать на белом коне*, где компонент *выехать* антонимичен «словарному» *въехать*:

(7) *съехал бы () ты бы отдыхал уже // # не говори / да // # на на нарах уже / или где-нибудь там (...) (а) (...) в в анналах истории // # пришлось бы домик в Ялте занимать Иосифа Ильича% *С # *С да да / уступили бы за ... @ да // @ сказал / Воробьев% ! # да / да / да / # выезжай на хрен () на белом коне (ИЗ7 # (@) М1).*

На фоне перечисленных способов компонентных замен обнаружен и случай аналогической замены в рамках идиоматической конструкции – *кладезь юмора* вм. *кладезь премудрости*, ср.:

(8) *(а-а) она кладезь юмора / да ? она () с ней хоть *Н // @ да / да / она интересная // @ я её ... (М1 @ ИЗ7).*

Помимо разновидностей замены компонента в составе идиомы существует и ряд других способов трансформации.

1. Контаминация (лат. *contaminatio* – 'смешение'):

(9) *ну да(:) ! это () Татьяна% меня заставила // Татьяна% говорит / ты напиши / ты () так н... научные статьи говорит ловко пишешь / на-*

пиши что-нибудь () нормальное / человеческое // я говорю / да нет / не буду / что ты / говорю / не буду никогда / **ни в коей жизни** // но а(:) () заставила // ну я говорю ладно / бог с тобой / напишу // для тебя! (ИЗ7).

Идиома *ни в коей жизни* сформирована путем контаминации двух «словарных» идиом: *ни в коей мере* и *ни в жизнь*, имеющие значение ‘никогда, ни при каких условиях или обстоятельствах’ [Фразеологический словарь... 2004: 388, 504]. Идиома, подвергаясь контаминации, не только сохранила, но и усилила значение ее «исходных» фразеологизмов. Такому усилению способствует и предшествующая ей конструкция двойного отрицания *не буду никогда*.

2. Расширение компонентного состава:

(10) *вот например торговый представитель / определённый // вот он сейчас... / его запустить @ угу @ / **выжать из него все соки** / получить с него максимум / (а...) прибыли / и его можно выкинуть* (ИЗ @ Ж1).

Расширение «словарной» идиомы *выжать соки из кого-н.* происходит путем добавления определительного местоимения *все*, что усиливает экспрессивность значения ‘жестоко эксплуатировать’, которое подтверждается и следующим за идиомой (фактически – синонимичным первому, отчасти даже толкующим его) выражением *получить с него максимум прибыли*. Ср. другие примеры того же порядка:

(11) *то есть я вот / ну я вот так вот сказала / потому что / извините ребята / моя обязанность / это делопроизводство / приказы / то-то то-то то-то // ну // @ ты знаешь @ а то что у нас маленькая компания / и **вешают кому чего ни попадя** / понимаешь // понимаешь вот это / это может взять / потому что там в общем просто безысходность / сначала *Н @ нет ты понимаешь / нет @ потом допустим это всё* (ИЗ @ Ж1);

(12) *вот секретарь как... компании (...) / почему-то во всех фирмах / подразумевает / что это / вот **всё что ни попадя** // *П совершенно // *П это (...) лю... люб... любые указания / которые взбрдут в голову кому-то из сотрудников / он может попросить это сделать секретаря* (ИЗ).

Прием расширения компонентного состава идиомы приводит, как правило, к усилению эмоционально-оценочной окраски, экспрессии путем сплошного набора местоимений, таких как *кому, чего, всё*, в модифицированных идиомах *вешать кому чего ни попадя* и *всё что ни попадя*. Об отрицательной оценочности свидетельствует и наличие во фрагментах (11), (12) повтора *это / это* и двойного обрыва *лю... люб... любые*, которые дополнительно выражают значение рассматриваемых идиом в целом: ‘любое, без разбора’ [Федоров 2008: 750].

3. Усечение:

(13) *ну давай на Пряжку как-нибудь () потом // то есть после вот / ворот / давай всё-таки может с той стороны // давай # там мне кажется ближе // *П **Пряжка** нас ещё / **всегда дождётся*** (М1 # И1).

В материале исследования был обнаружен и пример усечения идиомы: *всегда дождётся* вм. *кто ждёт, тот всегда дождётся*. Как видно из фрагмента (13), усеченная форма «словарной» идиомы употребляется так же, как ее исходная форма; не исключено, что из-за устойчивости употребления цельного идиоматического выражения его усеченная часть подразумевается говорящим, который в результате не считает нужным проговорить все до конца. Это, однако, требует доказательств, которые могут быть получены в результате лингвистического опроса носителей языка.

(14) *то есть они () ну там () сказали что(:) () признали за своего // *П ну () я не очень рвусь туда / ты знаешь // *П так // # туда ... # куда нам уже / # надо что-то **вытряхнуть из души** / да ? **сердца**.*

На первый взгляд, идиома в контексте (14) схожа с известным «словарным» фразеологизмом **вытряхнуть душу** из кого. Однако, несмотря на схожесть компонентов, эти две идиомы выражают разные значения: кодифицированная идиома означает 'разг. экспр. Измучить кого-либо угрозами, домогательствами и т. п.' [Федоров 2008: 123], а модифицированная – 'избавиться от чего-либо'.

5. Заключение

Таким образом, анализ семантико-структурных приемов преобразований, отраженных в описанных идиомах, позволяет говорить о следующих типах модификаций:

1. Замена одного из компонентов идиомы (**усложненный** прием, по О.С. Дергилевой):

- замена на «ложную» видовую пару: *воду **полить**, **убрать** слова назад*;

- синонимическая замена: ***пропадать**, так с музыкой!, **завершающий** аккорд, на хаяву и **хлорка творог***;

- замена словом одного семантического поля: **коню** *понятно*;

- антонимическая замена: **выехать** *на белом коне*;

- аналогическая структурная (модельная) замена: *кладёзь **юмора***.

2. Контаминация (по О.С. Дергилевой – **сложный** прием): *ни в **какой** жизни*.

3. Расширение компонентного состава (по О.С. Дергилевой – **сложный** прием): *выжать **все** соки, вешать **кому** чего ни **попадя**, **всё** что ни **попадя***.

4. Инверсия (перестановка компонентов местами) (по О.С. Дергилевой – **усложненный** прием): *воду **полить***.

5. Транспозиция (перестановка компонентов местами, приводящая к появлению качественно другой идиомы) (по О.С. Дергилевой – **усложненный** прием): ***вытрясти** из души / **сердца***.

6. Усечение (отсутствует в классификации О.С. Дергилевой, но схожа с приемом «сокращение»): ***всегда дождётся***.

Не исключаем, что возможно совмещение в одной модифицированной идиоме сразу несколько приемов. В отличие от классификации, предложенной О.С. Дергилевой, которая построена по степени сложности преобразования, при составлении нашей мы учитывали живой характер речи и качественные изменения, отраженные в модифицированных идиомах.

Таким образом, уже на начальном этапе исследования, на материале речи только четырех информантов из корпуса ОРД, выявлено достаточно большое количество модифицированных идиом, не говоря уже о «словарных» идиомах, окказионализмах и фразеологических неологизмах, которые не рассматривались в настоящей работе. Столь разнообразный набор приемов для идиоматической трансформации, вне всякого сомнения, требует пристального лингвистического внимания и дальнейшего изучения.

Список литературы

- Амосова Н.Н.* Основы английской фразеологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. 230 с.
- Аничков И.Е.* Идиоматика и семантика (Заметки, представленные А. Мейе, 1927) // Вопросы языкознания. 1992. № 5. С. 140–150.
- Беликов В.И., Крысин Л.П.* Социоллингвистика: учебник для вузов. М.: РГГУ, 2001. 439 с.
- Белянин В.П., Бутенко И.А.* Живая речь. Словарь разговорных выражений. М.: ПАИМС, 1994. 192 с.
- Богданова-Бегларян Н.В.* «Нетривиальное» в нашей речи: взгляд с позиции говорящего (раздумья над корпусным материалом) // Социо- и психоллингвистические исследования. 2017. Вып. 5. С. 32–38.
- Богданова-Бегларян Н.В., Асиновский А.С., Блинова О.В., Маркасова Е.В., Рыко А.И., Шерстинова Т.Ю.* Звуковой корпус русского языка: новая методология анализа устной речи // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Вып. 2 / ред. Д. Шумска, К. Озга. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015. С. 357–372.
- Богданова-Бегларян Н.В., Шерстинова Т.Ю., Блинова О.В., Мартыненко Г.Я.* Корпус «Один речевой день» в исследованиях социоллингвистической вариативности русской разговорной речи // Анализ разговорной русской речи (АР³-2017): Труды седьмого междисциплинарного семинара / науч. ред. Д.А. Кочаров, П.А. Скрябин. СПб.: Политехника-принт, 2017. С. 14–20.
- Бутько Ю.В.* Структурно-семантическая трансформация в паремиях // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингвометодический аспекты): международная научно-практическая конференция, посвященная юбилею проф. Алины Михайловны Мелерович (Кострома, 20–22 марта 2008 г.) / редкол.: В.М. Мокиенко и др. М.: Элпис, 2008. С. 197–201.
- Вайрах Ю.В., Казорина А.В.* Структурно-семантические модификации фразеологических единиц в медиатексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 3 (69). Ч. 1. С. 62–64.
- Дергилева О.С.* Индивидуально-авторские приемы преобразования фразеологических единиц (на материале художественных произведений М.А. Булгакова): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 21 с.

- Ерофеева Е.В.* Коммуникативная ситуация и идиомы национального языка // Проблемы социо- и психолингвистики. Вып. 15. Пермская социопсихолингвистическая школа: идеи трех поколений: К 70-летию Аллы Соломоновны Штерн: сб. ст. / отв. ред. Е.В. Ерофеева. Пермь: Перм. гос. нац.-исслед. ун-т, 2011. С. 211–227.
- Захарова Н.Н.* Особенности использования фразеологических единиц в художественном тексте (на материале произведений В.М. Шукшина): дис. ... канд. филол. наук. Тула, 2001. 201 с.
- Луконина Е.К.* Идиоматическая фразеология в языке и речи (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986. 25 с.
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 784 с.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2006. 944 с.
- Подлеская В.И., Кибрик А.А.* Самоисправления говорящего и другие типы речевых сбоев как объект аннотирования в корпусах устной речи // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. 2007. № 2. С. 2–23.
- Подлеская В.И., Кибрик А.А.* Коррекция сбоев в устной спонтанной речи: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и информационные технологии: Труды международной конференции «Диалог'05» (Звенигород, 1–7 июля 2005 г.) / под ред. И.М. Кобозевой, А.С. Нариньяни, В.П. Сеlegeя. М.: РГГУ, 2005. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/2416/podlesskaya-kibrik.pdf>.
- Ройзензон Л.И., Малиновский Е.А.* Еще раз о способах трансформации фразеологических единиц в языке русской художественной литературы // Актуальные вопросы лексикологии и словообразования. Вып. 3. Новосибирск: НГПИ, 1974. С. 109–112.
- Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах: коллективная монография / отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.
- Третьякова И.Ю.* Типы и способы окказионального преобразования фразеологических единиц в поэтических текстах (на материале современной русской поэзии): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 1993. 22 с.
- Федоров А.И.* Фразеологический словарь русского литературного языка. 3-е изд., испр. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878 с.
- Фразеологический словарь русского языка / сост.: Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров; под ред. А.И. Молоткова. 4-е изд., стер. М.: Русский язык, 1986. 543 с.
- Фразеологический словарь современного русского литературного языка: в 2 т. / сост.: А.В. Королькова, А.Г. Ломов, А.Н. Тихонов; под ред. А.Н. Тихонова. М.: Флинта: Наука, 2004. Т. 1: А–П. 840 с.
- Шерстинова Т.Ю., Рыко А.И., Степанова С.Б.* Система аннотирования в звуковом корпусе русского языка «Один речевой день» // Формальные методы анализа речи: материалы XXXVIII Международной филологической кон-

ференции (16–20 марта 2009 г.). СПб.: Фак. филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 66–75.

Asinovsky A., Bogdanova N., Rusakova M., Ryko A., Stepanova S., Sherstinova T. The ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication “One Speaker's Day”: Creation Principles and Annotation // Text, Speech and Dialogue: Proceedings of 12th International Conference, TSD 2009, Pilsen, Czech Republic, September 13-17, 2009 / Eds.: V. Matoušek, P. Mautner. Berlin; Heidelberg: Springer, 2009. P. 250–257. (Lecture Notes in Artificial Intelligence, vol. 57292009).

References

- Amosova, N.N. (1963), *Osnovy angliiskoi frazeologii [The Fundamentals of English Phraseology]*, Leningrad, Leningrad University Publ., 230 p. (in Russian)
- Aničikov, I. (1992), Idiomatics and semantics (Notes sent to A. Meillet, 1927). *Topics in the study of language*, Iss. 5, pp. 140-150. (in Russian)
- Asinovsky, A., Bogdanova, N., Rusakova, M., Ryko, A., Stepanova, S., Sherstinova, T. (2009), The ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication “One Speaker's Day”: Creation Principles and Annotation. Matoušek, V., Mautner, P. (Eds.) *Text, Speech and Dialogue*, Proceedings of 12th International Conference, TSD 2009, Pilsen, Czech Republic, September 13-17, 2009, LNAI, vol. 57292009, Berlin, Heidelberg, Springer, pp. 250-257.
- Belikov, V.I., Krysin, L.P. (2001), *Sotsiolingvistika [Sociolinguistics]*, Moscow, RGGU Publ., 439 p. (in Russian)
- Belyanin, V.P., Butenko, I.A. (1994), *Zhivaya rech' [As Spoken]*, Dictionary of Colloquial Expressions, Moscow, PAIMS Publ., 192 p. (in Russian)
- Bogdanova-Beglarian, N.V. (2017), “Non-Trivial” in our Speech: a View from the Speaker's Position (Corpus Material Insight). *Socio Psycho Linguistic Research*, Iss. 5, pp. 32-38. (in Russian)
- Bogdanova-Beglarian, N.V. (Ed.) (2016), *Russkii yazyk povsednevnogo obshcheniya: osobennosti funktsionirovaniya v raznykh sotsial'nykh gruppakh [Everyday Russian Language: Features of Functioning in Different Social Groups]*, Collective Monograph, St. Petersburg, LAIKA Publ., 244 p. (in Russian)
- Bogdanova-Beglaryan, N.V., Asinovskii, A.S., Blinova, O.V., Markasova, E.V., Ryko, A.I., Sherstinova, T.Yu. (2015), *Zvukovoi korpus russkogo yazyka: novaya metodologiya analiza ustnoi rechi [Speech Corpus of Russian Language: a New Methodology for Analyzing of Oral Speech]*. Shumska, D., Ozga, K. (Eds.) *Yazyk i metod: Russkii yazyk v lingvisticheskikh issledovaniyakh 21 veka [Language and Method: The Russian Language in the Linguistic Studies of the 21st Century]*, Iss. 2, Krakow, Jagiellonian University Publ., pp. 357-372. (in Russian)
- Bogdanova-Beglarian, N.V., Sherstinova, T.Yu., Blinova, O.V., Martynenko, G.Ya. (2017), *Korpus “Odin rechevoi den” v issledovaniyakh sotsiolingvisticheskoi variativnosti russkoi razgovornoj rechi [Corpus “One Speaker's Day” in Studies of Sociolinguistic Variability of Russian Colloquial Speech]*. Kocharov, D.A., Skrelin, P.A. (Eds.) *Analiz razgovornoj rechi (AR³-2017) [Analysis of Spoken Russian Speech (AR³-2017)]*, Proceedings of the 7th Interdisciplinary Seminar, St. Petersburg, Polytekhnik-a-print Publ., pp. 14-20. (in Russian)

- But'ko, Yu.V. (2008), *Strukturno-semanticheskaya transformatsiya v paremiyakh* [Structural-Semantic Transformation in Proverbs]. Mokienko, V.M. et al. (Eds.) *Frazeologizm i slovo v natsional'no-kul'turnom diskurse (lingvisticheskii i lingvometodicheskii aspekty)* [Idiom and the Word in the National-Cultural Discourse (Linguistic and Linguistic-methodological aspects)], International scientific and practical conference devoted to anniversary of the prof. Alina Mikhailovna Melerovich (Kostroma, March 20-22, 2008), Moscow, Elpis Publ., pp. 197-201. (in Russian)
- Dergileva, O.S. (2010), *Individual'no-avtorskie priyomy preobrazovaniya frazeologicheskikh edinit* (na materiale khudozhestvennykh proizvedenii M.A. Bulgakova) [Individual Methods of Transformation of Phraseological Units (study case of the M.A. Bulgakov's Literary Works)], Author's abstract, Moscow, 21 p. (in Russian)
- Erofeeva, E.V. (2011), *Kommunikativnaya situatsiya i idiomny natsional'nogo yazyka* [Communicative Situation and Idioms of the National Language]. Erofeeva, E.V. (Ed.) *Problemy sotsio- i psikholingvistiki* [Problems of Socio- and Psycholinguistics], Iss. 15. Permskaya sotsiopsikholingvisticheskaya shkola: idei tryokh pokolenii [Perm Sociopsycholinguistic School: Ideas of Three Generations], to the 70th Anniversary of Alla Shtern, Collection of Articles, Perm, Perm University Publ., pp. 211-227. (in Russian)
- Fedorov, A.I. (2008), *Phraseological Dictionary of Russian Literary Language*, 3rd ed., Moscow, Astrel' Publ., AST Publ., 878 p. (in Russian)
- Lukonina, E.K. (1986), *Idiomaticheskaya frazeologiya v yazyke i rechi (na materiale sovremennogo angliiskogo yazyka)* [Idiomatic Phraseology in Language and Speech (on the Material of Modern English Language)], Author's abstract, Moscow, 25 p. (in Russian)
- Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. (2007), *Great Dictionary of Russian Proverbs*, Moscow, OLMA Media Grupp Publ., 784 p. (in Russian)
- Molotkov, A.I. (Ed.) (1986), *Phraseological Dictionary of Russian Language*, 4th ed., Moscow, Russkii yazyk Publ., 543 p. (in Russian)
- Ozhegov, S.I., Shvedova, N.Yu. (2006), *Explanatory Dictionary of the Russian Language*, Moscow, A TEMP Publ., 944 p. (in Russian)
- Podlesskaya, V.I., Kibrik, A.A. (2007), *Samoispravleniya govoryashchego i drugie tipy rechevykh sboev kak obyekt annotirovaniya v korpusakh ustnoi rechi* [Speaker's Self-Corrections and Other Types of Speech Failures as an Object of Annotation in Corporuses of Oral Speech]. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya 2: Informatsionnye protsessy i sistemy* [Scientific and Technical Information. Series 2: Information Processes and Systems], No. 2, pp. 2-23. (in Russian)
- Podlesskaya, V.I., Kibrik, A.A. (2005), *Korreksiya sboev v ustnoi spontanno rechi: opyt korpusnogo issledovaniya* [Correction of Failures in Spontaneous Oral Speech: Corpus Research Experience]. Kobozeva, I.M., Narin'yani, A.S., Selegei, V.P. (Eds.) *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*, Papers from the Annual International Conference "Dialogue'05" (Zvenigorod, July 1-7, 2005), Moscow, RGGU Publ., available at: <http://www.dialog-21.ru/media/2416/podlesskaya-kibrik.pdf>. (in Russian)
- Roizenzon, L.I., Malinovskii, E.A. (1974), *Eshchy raz o sposobakh transformatsii frazeologicheskikh edinit v yazyke russkoi khudozhestvennoi literatury* [Once

- Again about the Ways of Transformation of Phraseological Units in the Language of Russian Literature]. *Aktual'nye voprosy leksikologii i slovoobrazovaniya* [Topical Issues of Lexicology and Word Formation], Iss. 3, Novosibirsk, NGPI Publ., pp. 109-112. (in Russian)
- Sherstinova, T.Yu., Ryko, A.I., Stepanova, S.B. (2009), Sistema annotirovaniya v zvukovom korpusе russkogo yazyka “Odin rechevoi den” [The System of Annotation in the Speech Corpus of the Russian Language “One Speaker’s Day”]. *Formal'nye metody analiza rechi* [Formal Methods for Speech Analysis], Proceedings of the 38th International Philological Conference, St. Petersburg, SPbGU Faculty of Philology and Arts Publ., pp. 66-75. (in Russian)
- Tikhonov, A.N. (Ed.) (2004), *Phraseological Dictionary of the Modern Russian Language*, in 2 volumes, Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., Vol. 1, 840 p. (in Russian)
- Tret'yakova, I.Yu. (1993), *Tipy i sposoby okkazional'nogo preobrazovaniya frazeologicheskikh edinit v poeticheskikh tekstakh (na materiale sovremennoi russkoi poezii)* [Types and Methods of Occasional Conversion of Phraseological Units in Poetic Texts (on the Material of Modern Russian Poetry)], Author’s abstract, Orel, 22 p. (in Russian)
- Vairakh, Yu.V., Kazorina A.V. (2017), Structural-Semantic Modifications of Phraseological Units in Media Text. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, No. 3 (69), pt. 1, pp. 62-64. (in Russian)
- Zakharova, N.N. (2001), *Osobennosti ispol'zovaniya frazeologicheskikh edinit v khudozhestvennom tekste (na materiale proizvedenii V.M. Shukshina)* [Features of the Use of Phraseological Units in the Literary Text (on the Material of Works by V.M. Shukshin)], Dissertation, Tula, 201 p. (in Russian)

MODIFIED IDIOMS IN RUSSIAN EVERYDAY SPEECH

D. Liu

St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

Abstract: The article describes the modified idioms encountered in everyday oral speech, organized in the corpus “One speaker’s day”. In the article an idiom is understood widely and, following by the most researchers, is correlated with phraseological unit. The main features of idiomaticity of a unit are its stability, reproducibility and occurrence in the Russian speech of many speakers. A modification sign of the idiom is to be considered the recognizability by the native speakers of the Russian language as its original form, a kind of “model” of idioms: *vyekhat' na belom kone* instead of *v'ekhat' na belom kone*; *kladez' yumora* instead of *kladez' premudrosti* and so on. All difficult and doubtful cases are requested to be checked by conducting a linguistic experiment, or polling, with the participation of philologists in the first place. In addition, the article makes an attempt to create a classification of the methods of idiomatic transformations revealed on the corpus material: replacement of the idiom component (ex., synonymous: *zavershayushchii akkord* instead of *zaklyuchitel'nyi akkord*; grammatical: *polit' vodu* instead of *lit' vodu* etc), contamination (*ni v koei zhizni* = *ni v koem sluchae* + *ni v zhizni*), in-

version (*polit' vodu* instead of *lit' vodu*), syncopation (*vsegda dozhdyotsya* instead of *kto zhdyot, tot vsegda dozhdyotsya*) and some others. Such classification may be useful for further studying and lexicographical description of the colloquial idioms, and also for compilation of the methodological manuals for students studying Russian as a foreign language. The above classification can be supplemented and improved with the expansion of the user's subcorpus material.

Key words: modified idiom, phraseological unit, oral speech, speech corpus, methods of transformation.

For citation:

Liu, D. (2018), Modified idioms in Russian everyday speech. *Communication Studies*, No. 1 (15), pp. 20-34. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.1.20-34. (in Russian)

About the author:

Liu Dayang, post graduate student

Corresponding author:

Postal address: 11, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: cristalplane@mail.ru

Received: October 12, 2017

**НАЗИТЬ / НОЗИТЬ:
ОБ ОДНОМ «НЕОПИСАННОМ» СЛОВЕ РУССКОГО ЯЗЫКА**

А.С. Наумова

*Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)*

Аннотация: Исследуется не зафиксированное пока в академических словарях русского языка слово *назИть* / *нозИть*. В центре внимания работы – поиск всех значений указанного глагола, которых на данном этапе выявлено три: 1) ‘испытывать неприязнь’; 2) ‘наносить обиду’; 3) ‘раздражать’. Приводится анализ употреблений исследуемого слова в Интернете и в ответах респондентов, а также немногочисленных его фиксаций в электронных справочниках, таких как «Словарь молодежного слэнга» (<http://teenslang.su>) и «Словарь современной лексики, жаргона и сленга» (<http://slovonovo.ru>). Выявляется возможная этимология (ср., с одной стороны, *нозИть* в словаре В.И. Даля, с другой стороны, *назОй* там же и *назойливый* в литературном языке). Предпринимается попытка определить регион употребления исследуемого глагола, которым, по-видимому, является Казахстан. Предлагается также описание таких грамматических характеристик глагола, как переходность / непереходность (возможно употребление с именем в Дательном и Винительном падежах), а также предложное и беспредложное его употребление. Ставится вопрос о написании (через *о* или *а*). Приводятся результаты проведенного на платформах SURVEO (<https://surveo.com/index.asp>) и Google Docs (<https://docs.google.com>) небольшого психолингвистического эксперимента, включающего опрос носителей русского языка (в разных регионах Европы и Азии) относительно этого глагола. Расширение знаний об исследуемом слове может быть полезно при изучении казахского региолекта русского языка, а также при составлении различных словарей.

Ключевые слова: русский язык, социолект, региолект, неологизм.

Для цитирования:

Наумова А.С. Назить / нозить: об одном «неописанном» слове русского языка // Коммуникативные исследования. 2018. № 1 (15). С. 35–44. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.1.35-44.

Сведения об авторе:

Наумова Анфиса Сергеевна, бакалавр филологии, студентка магистратуры

Контактная информация:

Почтовый адрес: 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11

E-mail: pechasya@li.ru

Дата поступления статьи: 07.10.2017

Введение

Диалектология свидетельствует, что на отдельных территориях один и тот же национальный язык зачастую может быть разным лексически, синтаксически, морфологически и фонетически. В силу своей географической распространенности русский язык богат территориальными диалектами, в силу исторической специфики – социальными (социолектами¹). Изучение диалектных форм зачастую позволяет выявить действующие в языке закономерности и тенденции, что, несомненно, является одной из задач лингвистики.

В настоящей статье рассматривается лишь одно слово, употребляемое многими носителями русского языка, однако не вошедшее пока практически ни в один словарь. Но слово это, по всей видимости, употребляется только на определенной территории и потому может быть отнесено к лексическим особенностям одного из региональных вариантов русского языка (региолектов²).

Объект исследования. Лексикографические данные

Слово, ставшее объектом исследования в настоящей работе, – *назИть* или *нозИть*. Ни в одном из «больших» словарей этого слова не оказалось (см.: [БАС 2008, 2009; МАС 1999; БТС 2003]).

При обращении к электронным базам в «Словаре молодежного слэнга» (<http://teenslang.su>) было обнаружено слово *назИть*, а в «Словаре со-

¹ Под социолектом в лингвистике понимают «совокупность языковых особенностей, присущих какой-либо социальной группе – профессиональной, сословной, возрастной и т. п. – в пределах той или иной подсистемы национального языка» [Беликов, Крысин 2001: 33]. Ср. также: «В социолект включается, с одной стороны, понятие социального типа, который проявляется у человека под влиянием черт, свойственных данной расе, этнической группе, национальности, социальному классу, иными словами, это речь “среднего индивида”. С другой – социолект включает в себя еще и систему речевых средств определенной группы, детерминированную рядом факторов, имеющих не только социальный, но и биологический и психологический характер (например, пол, возраст, темперамент и т. д.)» [Ерофеева 2002: 174]. Изучение социолектов и языков групп, выделяемых по социальному статусу их членов, является объектом макросоциолингвистики, которая «обращена к проблемам, характеризующим целое общество или крупные социальные объединения людей» [Беликов, Крысин 2001: 216].

² Понятие региолекта появилось в лингвистике относительно недавно. Под региолектом, в отличие от диалекта и социолекта, понимают особую, промежуточную форму существования языка в виде устной речи, утратившую многие диалектные архаические черты, отличающуюся от городского просторечия и не достигшую статуса литературного языка (см. об этом: [Ерофеева 1979; Герд 2001; Крысин 2004]).

временной лексики, жаргона и сленга» (<http://slovonovo.ru>) – *нозИть*. Видно, что в обоих случаях мы имеем дело со словарями конкретных социолектов: молодежного, а также языка носителей жаргона и сленга (в первую очередь снова молодежи). При этом последний словарь составляют сами пользователи Интернета, предлагая словарные статьи, за которые посетители сайта могут голосовать.

Итак, в «Словаре молодежного сленга» слову *назИть* присваиваются два значения и приводятся примеры на них¹:

1) 'ругаться, оскорблять, обижать':

- *Не надо **назИть** на девчонок, к которым уходят их парни;*
- *орош **нозИть** по одной земле ходим. мы вроде тебе ничего не сделали;*

- *Не стоит злить соседей и **нозИть** по мелочам!*

2) 'раздражать, надоедать':

- *Все друг другу **назИть** начнут и это уже будет не игра;*
- *Что бы общаться, а не **назИть** друг другу;*
- ***НазИть** не будешь, ругаться не буду;*
- *Особенно не надо никому **назИть** со своим нитьем;*
- *Его эта девушка **назИт** (раздражает, она ему неприятна).*

В «Словаре современной лексики, жаргона и сленга» слову *нозИть* присваивается три значения:

1) 'похоже на выражение «зуб держать», испытывать острую неприязнь к кому-либо':

- *На меня брат **нозИт**;*

2) 'совершать пакость по отношению к кому-либо':

- *Анька мне **занозила** – рассказала про меня;*

3) 'раздражать, выводить из себя':

- *Ты меня **нозишь**;*
- *Меня **нозят** твои разговоры.*

Если обобщить данные обоих словарей, то у исследуемого глагола намечается три значения:

1) 'испытывать неприязнь' (*нозИть*);

2) 'наносить обиду' (*назИть / нозИть*);

3) 'раздражать' (*назИть / нозИть*).

В дальнейшем эти предварительные выводы будут проверены в ходе лингвистического эксперимента.

Этимологический аспект исследования

Некоторой загадкой является и написание данного слова – через *а* или через *о*, – что зависит, по-видимому, от этимологии. Этимологические изыскания приводят к двум словарным статьям в «Толковом словаре» В.И. Даля:

¹ Здесь и далее в примерах орфография источников сохранена.

НозИть – ‘наживать что’, *вологодск.* ‘низать, нанизывать; натывать на спичку, пруток’:

- *Взносить рыбу на куан, нанизать. Нанизать;*
- *Вносить вилку, воткнуть; выносить, вынуть;*
- *Занозить ногу.*
- *Перенаживать бусы;*
- *Пронозить насквозь [Даль 1881: 570].*

НазОй (назОйка) – ‘настоятельность, настойчивость в укорном знач., упорная, наглая требовательность: навязчивость, докука, докучливость, неотступность’:

- *Он все назоем берет, всем досадил назойкою [Даль 1881: 426–427].*

Очевидно, *нозИть* у В.И. Даля и исследуемое в данной статье слово имеют между собой скорее синонимическую связь: *заноза* досаждаёт и раздражает так же, как и человек, о котором говорят, что он *назит / нозит*. Таким образом, представляется возможным назвать слово *нозИть* предположительным этимологическим источником исследуемого слова (в написании с *о*). *Назой* же представляется вполне приемлемым этимологическим источником слова *назИть* (в написании с *а*), что делает данный глагол однокоренным с *назойливый* и отлично сходится со значением ‘раздражать’. Кроме того, в статье словаря В.И. Даля даны дериваты, среди которых есть и глагол – *назойничать* (‘быть назойливым и досаждаёт этим’). Таким образом, в обоих значениях исследуемого глагола этимология обнаруживается и объясняет, в частности, двоякое его написание.

Экспериментальное исследование

Представляется, что дальнейшее исследование целесообразно провести с использованием методов полевой лингвистики¹.

Для прояснения ситуации со значением и употреблением слова *назИть* было проведено два аналогичных опроса на двух разных платформах – SURVEO (<https://surveo.com/index.asp>) и Google Docs (<https://docs.google.com>), – усредненные результаты которых изложены ниже.

В опросах приняло участие 113 человек, из них 68 % женщин и 32 % мужчин. Среди респондентов 79 % моложе 35 лет (младшая возрастная группа), 16 % – от 35 до 55 лет (средняя группа) и 5 % – старше 55 лет (старшая группа)². Большинство участников опроса проживает в Российской Федерации (77 %), однако свои ответы прислали также респонденты из Казахстана (15 %), Беларуси (6 %), Молдовы (1 %) и Германии (1 %).

Испытуемым было предложено заполнить следующую анкету:

1. Знаете ли Вы слово *назИть / нозИть*?

а) Знаю и употребляю;

¹ О ней см., напр.: [Полевая лингвистическая практика 2007].

² Подобное распределение информантов по возрасту ср., напр., в: [Русский язык повседневного общения... 2016].

б) Знаю, но не употребляю;

в) Не знаю¹.

2. Дайте определение слову *назИть* / *нозИть* своими словами.

3. Приведите пример предложения со словом *назИть* / *нозИть*.

4. Где можно употреблять слово *назИть* / *нозИть*?

а) Везде;

б) В кругу друзей и/или семьи;

в) В кругу сверстников.

5. Укажите свой пол.

6. Укажите свой возраст.

7. Укажите страну и город, где Вы живете (если переезжали, укажите все места, где жили дольше года).

В ходе исследования выяснилось, что 85 % опрошенных **не знают** предложенного слова, 5 % **знают, но не употребляют** (все – из России), и 10 % **знают и употребляют** (все, кроме одного человека, – из Казахстана). Представляется, что гипотеза о региональном употреблении слова *назИть* / *нозИть* подтверждается: среди респондентов из Казахстана не было ни одного, кто бы не знал исследуемого слова.

Тем участникам опроса, которые знают слово *назИть* / *нозИть* (17 человек, из них 10 мужчин и 7 женщин, все моложе 35 лет), было предложено дать ему свое определение, привести пример фразы с данным словом, а также ответить на вопрос, в какой ситуации, по их мнению, уместно его употреблять (см. вопросы 2–4 в анкете).

Определения были даны в основном через синонимы, и если объединить и упростить их, картина получается следующая (см. табл.).

Синонимы глагола *назИть* / *нозИть* из определений респондентов

Синоним	Количество респондентов, давших ответ, %*	Синоним	Количество респондентов, давших ответ, %*
Надоедать	35,0	Действовать на нервы	6,0
Доставать	24,0	Докучать	6,0
Раздражать	24,0	Задеть**	6,0
Бесить	6,0	Уколоть**	6,0

* Сумма ответов превышает 100 %, так как некоторые участники опроса давали более одного синонима.

** Приведенный синоним – совершенного вида, что не совпадает с исходным глаголом несовершенного вида. Это несоответствие объясняется отсутствием филологического образования у респондентов. В настоящей работе ответы участников опроса приводятся без изменений.

¹ При ответе «Не знаю» на вопрос 1 вопросы 2–4 пропускались и респонденту предлагалось ответить сразу на вопросы 5–7.

Вот некоторые примеры фраз с исследуемым глаголом, приведенных респондентами:

- *Он весь день **назил** по поводу поездки;*
- *Меня **назит** его привычка ржать в полный голос даже над не смешными шутками;*
- *Мне постоянно попадают **нозящие** таксисты.*

Таким образом, видно, что основное семантическое поле слова *назИть* – ‘надоедать, доставать, раздражать’.

Однако опрос показал, что есть и второе значение этого глагола: ‘задевать, уязвлять’. Стоит отметить также, что в большинстве ответов слово *назИть* было написано через *а*.

В ходе опроса встретилось также одно определение слова *нозИть* (в написании с *о*), совпадающее с данными словаря В.И. Даля: ‘наживать что’, *вологодск.* ‘низать, нанизывать; натывать на спичку, пруток’. Это значение респондент сопровождал и соответствующим примером:

- ***занозил** руку щепкой или металлической стружкой, стеклом и др. твердым материалом.*

Однако, поскольку это значение в словарях присутствует, в данном исследовании оно не было принято в расчет.

Данные интернет-источников

В Национальном корпусе русского языка (НКРЯ; <http://ruscorpora.ru>) нашлось лишь одно вхождение на слово *нозИть* (в написании с *о*):

- *С утра наряд, человек двадцать, уходил пилить дрова, нозить воду, готовить вехотки, тазы, но та же картина, что и в подразделениях, – половина делом занимается, половина харч промышляет [В. Астафьев. Прокляты и убиты. Книга первая. Чертова яма (1995)].*

Однако думается, что это явная опечатка в слове *носить*. На слово *назИть* (в написании с *а*) примеров также не оказалось.

В русскоязычном Интернете нашлось около трех тысяч вхождений слова *назИть*, схожих по значению с теми, что были получены в результате опроса, ср.:

- *почему когда муж приходит домой с работы, он начинает **назИть**? (<https://otvet.mail.ru>);*
- *Встреча с ребенком лишь повод, чтобы **назИть** бывшей, и контролировать ее во всем? (<https://sprashivalka.com>);*
- *я частенько наталкиваюсь на то, что вы начинаете **назИть** на девочек, которые противоречат вашим словам. Так нельзя (<https://kosmetista.ru>).*

Это еще раз доказывает, что слово *назИть* в русском языке существует и употребляется его носителями, хотя и не зафиксировано ни в подкорпусе устной речи, ни в подкорпусе диалектных текстов НКРЯ.

Грамматические характеристики

Из примеров, данных респондентами в ходе полевого исследования и найденных в Интернете, становится видно, что, с точки зрения грамматики, употребляется слово *назИть* / *нозИть* по-разному. Этот глагол (в том числе его префиксальные и прочие производные) может использоваться:

- самостоятельно, в качестве независимого предиката односоставного предложения – во всех выявленных значениях (*хватит назИть; не назИ*);

- с именем в Дательном падеже – только формы со значением ‘надоедать’, ‘действовать на нервы’ и ‘докучать’ (*ты мне занозил; нозит Юре; ты мне назИшь*);

- с именем в Винительном падеже:

- без предлога – только формы со значением ‘доставать’, ‘раздражать’ и ‘бесить’ (*ты меня назИшь; хватит меня нозИть*);

- с предлогом *на* (*заназился на меня*).

Можно предположить, что с формой Винительного падежа с предлогом *на* глагол *заназился* употребляется в значении, близком к семантике слова *взъелся* (*взъелся на меня*), и такое употребление совпадает со вторым определением, данным в «Словаре современной лексики, жаргона и сленга» (‘держат зуб’).

Заключение

Проведенное исследование показало, что глагол *назИть* / *нозИть* известен носителям русского языка преимущественно из Казахстана и употребляется ими в двух значениях: ‘надоедать, доставать, раздражать’ и ‘задевать, уязвлять’. Кроме того, по данным интернет-источников, исследуемый глагол употребляется также в значении ‘держат зуб’. В ходе исследования был обнаружен и этимологический источник исследуемого слова в значении ‘надоедать, доставать, раздражать’. Грамматические характеристики слова *назИть* / *нозИть*, по-видимому, зависят от его значения в контексте. Такое разнообразие в употреблении исследуемого глагола, как представляется, свидетельствует о том, что данное слово еще не твердо «стоит на ногах», однако наличие его в русском языке отрицать уже невозможно.

Подтверждается также гипотеза об употреблении слова *назИть* / *нозИть* преимущественно русскоязычными жителями Казахстана или выходцами из него. Однако количество респондентов проведенного опроса недостаточно велико, чтобы делать окончательные выводы. Кроме того, в ходе работы было отмечено, что исследуемое слово распространено также, например, в Барнауле.

Таким образом, в качестве перспективы исследования можно назвать проведение опроса, охватывающего большее количество респондентов всех возрастов из разных городов и стран.

Список литературы

- БАС 2008* – Большой академический словарь русского языка / под ред. К.С. Горбачевича. СПб.; М.: Наука, 2004– . Т. 11: Н–Недриться / ред. тома: Н.В. Соловьев, Д.И. Панков. 2008. 632 с.
- БАС 2009* – Большой академический словарь русского языка / под ред. К.С. Горбачевича. СПб.; М.: Наука, 2004– . Т. 12: Недруг–Няня / ред. тома: Н.В. Соловьев и др. 2009. 651 с.
- Беликов В.И., Крысин Л.П.* Социоллингвистика: учебник. М.: РГГУ, 2001. 439 с.
- БТС 2003* – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2003. 1536 с.
- Герд А.С.* Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. 457 с.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.; СПб.: Изд. книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1881. Т. 2: И–О. 807 с.
- Ерофеева Т.И.* Понятие «социолект» в истории лингвистики XX века // Изменяющийся языковой мир: доклады Международной научной конференции (Пермь, 12–17 ноября 2001 г.) / отв. ред.: Б.В. Кондаков, Г.С. Двинянинова. Пермь: ПГУ, 2002. С. 170–175.
- Ерофеева Т.И.* Локальная окрашенность литературной разговорной речи. Пермь: ПГУ, 1979. 91 с.
- Крысин Л.П.* Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социоллингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.
- МАС 1993* – Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1982. Т. 2. 736 с.
- Полевая лингвистическая практика: учебно-методический комплекс сложной структуры. Ч. 1. Теоретические основы и методика сбора лингвистических данных для представления их в речевом корпусе русского языка / ред. А.С. Асиновский, Н.В. Богданова. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2007. 140 с.
- Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах: коллективная монография / отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.

References

- Asinovskii, A.S., Bogdanova, N.V. (Eds.) (2007), *Polevaya lingvisticheskaya praktika* [*Field linguistic practice*], Pt. 1, St. Petersburg, SPbGU Faculty of Philology Publ., 140 p. (in Russian)
- Belikov, V.I., Krysin, L.P. (2001), *Sotsiolingvistika* [*Sociolinguistics*], Moscow, RGGU Publ., 439 p. (in Russian)
- Bogdanova-Beglarjan, N.V. (Ed.) (2016), *Russkii yazyk povsednevnogo obshcheniya: osobennosti funktsionirovaniya v raznykh sotsial'nykh gruppakh* [*Everyday Russian Language in Different Social Groups*], Collective Monograph, St. Petersburg, LAIKA Publ., 244 p. (in Russian)
- Dal', V.I. (1881), *Explanatory Dictionary of the Great Modern Russian Language*, in 4 volumes, St. Petersburg, Moscow, Vol. 2, 807 p. (in Russian)
- Erofeeva, T.I. (2002), *Ponyatie "sotsiolekt" v istorii lingvistiki 20 veka* [*The Concept "Social dialect" in the Linguistic History of the 20th Century*]. Kondakov, B.V.,

- Dvinyaninova, G.S. (Eds.) *Izmenyayushchiysya yazykovoi mir [Changing language world]*, reports of the International scientific conference (Perm, November 12-17, 2001), Perm, Perm State University Publ., pp. 170-175. (in Russian)
- Erofeeva, T.I. (1979), *Lokal'naya okrashennost' literaturnoi razgovornoj rechi [A Local Specificity of Literary Colloquial Speech]*, Perm, 91 p. (in Russian)
- Evgen'eva, A.P. (Ed.) (1982), *Dictionary of the Russian Language*, in 4 volumes, Moscow, Russkii yazyk Publ., Vol. 2, 736 p. (in Russian)
- Gerd, A.S. (2001), *Vvedenie v etnolingvistiku [An Introduction to Ethnolinguistics]*, St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 457 p. (in Russian)
- Gorbachevich, K.S. (Ed.) (2008), *Great Academic Dictionary of the Russian language*, Vol. 11, St. Petersburg, Moscow, Nauka Publ., 632 p. (in Russian)
- Gorbachevich, K.S. (Ed.) (2009), *Great Academic Dictionary of the Russian language*, Vol. 12, St. Petersburg, Moscow, Nauka Publ., 651 p. (in Russian)
- Krysin, L.P. (2004), *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe [The Russian Word, Native and Foreign]*, Studies in the Modern Russian Language and Sociolinguistics, Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 888 p. (in Russian)
- Kuznetsov, S.A. (Ed.) (2003), *Great Explanatory Dictionary of the Russian language*, St. Petersburg, 1536 p. (in Russian)

NAZIT' / NOZIT': ABOUT ONE "UNDOCUMENTED" WORD OF THE RUSSIAN LANGUAGE

A.S. Naumova

St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

Abstract: The article examines the word *Nazit' / Nozit'* not yet fixed in the academic dictionaries of the Russian language. The focus of the work is the search for all meanings of the verb, three of which are revealed at this stage: 1) 'to dislike'; 2) 'to insult'; 3) 'to annoy'. The studied word's usage in the Internet and in the examples of survey respondents are analyzed in the article, as well as a few fixations of it in the electronic dictionaries, such as "Dictionary of Youth Slang" (<http://teenslang.su>) and "Dictionary of Modern Vocabulary, Jargon and Slang" (<http://slovonovo.ru>). The possible etymology is revealed (compare, *nozit'* in the dictionary of V.I. Dal' on the one hand and *nazoi* ibid and *nazoilivyi* in the literary language on the other). An attempt to determine the region of use of the studied verb is made, which, apparently, is Kazakhstan. Also, a description of such grammatical characteristics of the verb as transitivity / intransitivity (the use with the dative and accusative cases of the name is possible) and its prepositional and non-prepositional use are suggested. The question of writing (through *O* or *A*) is raised. Also the results of a small psycholinguistic experiment conducted on platforms SURVEO (<https://surveo.com/index.asp>) and Google Docs (<https://docs.google.com>) including a survey of Russian speakers (in different regions of Europe and Asia) concerning this verb are presented. Extension of knowledge about the word under study can be useful at studying the Kazakh regional dialect of the Russian language, as well as at compiling different dictionaries.

Key words: Russian language, social dialect, regional dialect, neologism.

For citation:

Naumova, A.S. (2018), *Nazit' / nozit'*: about one "undocumented" word of the Russian language. *Communication Studies*, No. 1 (15), pp. 35-44. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.1.35-44. (in Russian)

About the author:

Naumova Anfisa Sergeevna, Bachelor of Philology, Master's degree student

Corresponding author:

Postal address: 11, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: pechasya@li.ru

Received: October 7, 2017

УДК 81-25

DOI 10.25513/2413-6182.2018.1.45-55

ЧУВАК И ЧУВИХА В СОВРЕМЕННОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ

Н.А. Осмак

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)*

Аннотация: Представлены результаты исследования, основанного на принципах так называемой речевой лексикографии, целью которой является описание реальных употреблений лексических единиц в речи, что позволит в дальнейшем создать Словарь русской повседневной разговорной речи, который, являясь частью уникальной информационной и исследовательской лексикографической системы «Язык мегаполиса», описывает современную русскую повседневную коммуникацию. Представлены результаты первого этапа последовательного анализа лексико-семантических групп, выступающего наиболее эффективным способом создания Словаря русской повседневной разговорной речи, – анализа основных тенденций употребления номинаций мужчины и женщины. Особое внимание уделяется лексемам *чувак* и *чувиха*, а именно их употреблением в Звуковом корпусе русского языка (блок «Один речевой день») и Национальном корпусе русского языка, контекстах Интернета и в повседневной речевой практике (по результатам опроса носителей языка).

Ключевые слова: номинация мужчины, номинация женщины, корпусное исследование, проблемы лексикографии, спонтанная речь, речевая лексикография.

Для цитирования:

Осмак Н.А. Чувак и чувиха в современной повседневной речи // Коммуникативные исследования. 2018. № 1 (15). С. 45–55. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.1.45-55.

Сведения об авторе:

Осмак Наталья Андреевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры современных европейских языков института иностранных языков

Контактная информация:

Почтовый адрес: 191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48

E-mail: natalia.osmak@yandex.ru

Дата поступления статьи: 16.10.2017

Исследования последних лет показывают, что с лексической точки зрения язык бытовой коммуникации (повседневная разговорная речь) существенно отличается от академически описанного письменного языка: возникают новые, «нетрадиционные», значения (оттенки значений) слов, появляются неологизмы и окказионализмы, новые словообразовательные модели и новые возможности сочетания лексических единиц. Кроме того, в речевой коммуникации, по сравнению с письменной речью, наблюдается значительное перераспределение функциональной активности языковых единиц и проявляется сильная зависимость лексического инвентаря от типа конкретной коммуникативной ситуации и социальной роли говорящего в этой ситуации, от его психологического типа и состояния, его гендерных и некоторых других социальных характеристик. Несмотря на значимость неформальной и «непубличной» речевой коммуникации в жизни любого человека, именно этот аспект языка остается до сих пор наименее изученным – как раз вследствие своего непублично-го, приватного, даже интимного характера.

Именно поэтому не угасает интерес и к лексикографическому описанию устной разговорной речи. Долгое время устной речью занимались в основном в рамках диалектной и социолектной лексикографии, противопоставленной так называемой академической лексикографии как **де-скриптивная** (описательная) – **пре-скриптивной** (предписываемой, обязательной, нормативной). Однако до недавнего времени реальная повседневная речь, со всеми особенностями ее спонтанного порождения, практически не попадала даже в дескриптивные словари (см.: [Крысин 2010]).

Лишь в самое последнее время стала обсуждаться возможность использования для лексикографического описания объемных корпусов реальной повседневной спонтанной речи (см.: [Богданова 2010]), что позволяет говорить о принципиально новом этапе в развитии уже сложившейся и имеющей свои традиции дескриптивной лексикографии: существенном расширении ее материала и возможностей фиксации, анализа и описания. Эту разновидность, в отличие от всего предыдущего, уместно назвать **речевой лексикографией**. Объектом ее описания становится не лексема как единица языка, а всё разнообразие функциональных единиц устной речи (речевые, условно-речевые и неречевые) в их конкретных употреблениях.

В зависимости от класса описываемых единиц работа лексикографа может осуществляться различными способами, которые приведут, соответственно, к различным результатам. Это разнообразие и позволит, в конечном итоге, создать уникальную информационно-исследовательскую лексикографическую систему «Язык мегаполиса», включающую в себя мультимедийные словари, описывающие современную русскую повседневную коммуникацию, среди которых наиболее интересным представляется создание специального **Словаря русской повседневной разговорной речи**, отражающего реальную речевую ситуацию.

Определение «повседневная» в наименовании данного словаря неслучайно. В гуманитарных исследованиях антропоцентрической направленности ярко проявляется интерес к языку повседневности, поскольку именно язык является ключевым объектом «при анализе повседневности во всей ее полноте, о каких бы социально-гуманитарных науках ни шла речь» [Касавин, Щавелев 2004: 410]. Более того, именно устная спонтанная речь, с ее характерными особенностями (повторами, избыточностью формы, эмоциональностью и субъективностью), должна быть источником описания повседневности, поскольку подобная «непричесанность» устного повествования может служить дополнительным источником информации для историка повседневности, поскольку позволяет выявить «часто полуосознанные, скрытые значения, которые выдает сама речь» [Томпсон 2003: 277].

Наиболее подходящим материалом для изучения лексических изменений представляется Звуковой корпус русского языка, а именно его блок «Один речевой день» (ОРД), позволяющий «увидеть реальную, естественную, а не искусственно созданную в лабораторных условиях, жизнь, отраженную в речи» [Богданова и др. 2010: 41].

Для составления подобного словаря наиболее целесообразно обратиться к анализу отдельных лексико-семантических групп (ЛСГ), поскольку он затрагивает собственно речевые, т. е. лексические, единицы, а именно их номинативный макрокласс, т. е. слова, у которых обязательно есть денотат, что и позволяет поставить во главу угла семантику слова в его употреблении и проследить семантические, коннотативные и стилистические изменения в употреблении тех или иных лексем.

В ходе сопоставительного анализа функционирования лексем, обозначающих лица женского и мужского пола (антрополоксем), в расшифровках ОРД и Малом академическом словаре русского языка, интересным показалось употребление единицы *чувак*, ранее находившее отражение в некоторых словарях:

(1) *выбирается **чувак** / на него навешивается диктофон и пишет всё что (...) говорит он и (:.) всё что говорят;*

(2) *там есть (...) три товарища // *П где три **чувака** вернулись с войны // *П после первой мировой короче //*

(3) *это как **чувак** один говорит / говорит вот / *В трём девочкам своим / *П валентинки делал говорит / открыточки разрисовывал / там всё / в конфетки упаковал.*

Так, в «Большом толковом словаре» предлагается следующее его определение: «Жарг. Молодой мужчина; человек» [БТС 2000: 1484], а в «Словаре русского арго» отмечается, что *чувак* может также использоваться в качестве обращения [Елистратов 2000: 541]. «Словарь молодежного слэнга» выделяет два значения: ‘человек’, ‘парень, молодой человек’ (<http://teen-slang.su/content/чувак>). В «Википедии» приводится информация об этимологии данной единицы: «Среди стилиг... “расшифровка” этого слова

была такова: “человек, уважающий высокую американскую культуру”» (<https://ru.wikipedia.org/wiki/Чувак>). Однако существуют и другие версии. Так, В.В. Шаповал и М.Т. Дьячок, вслед за А.П. Баранниковым, считают, что *чувак* является производным от цыганского слова *чяво*, обозначающего ‘парень’. Свою версию авторы аргументирует следующим образом.

Во-первых, отражение безударного *a* как *y* в позиции перед губным спорадически встречается в русской разговорной речи, ср. *чумодан* < *чемодан*, *сурьезный* < *серьезный*, *кумпания* < *компания*, *фульга* < *фольга*, *сувать* < *совать*, *жувать* < *жевать*, *ночувать* < *ночевать*. Таким образом, в данном окружении исконное *a* вполне могло превратиться в *y*.

Во-вторых, суффикс *-ак*, которым оформлено заимствованное слово, характерен для большой группы русской экспрессивной лексики и особенно продуктивен в арго, в том числе в окказиональном словообразовании, например, *проходняк* (‘проходной балл’), *погодняк* (‘погода’), *верняк* (‘гарантированный успех’), *ништяк* (‘хорошо, здорово’) [Дьячок, Шаповал 1988: 52–54].

В Национальном корпусе русского языка (НКРЯ; <http://ruscorpora.ru/>) антрополоксема *чувак* представлена достаточно широко: 363 вхождения в 142 документах. При этом можно выделить два основных ее значения. Во-первых, это значение ‘какой-то молодой человек’, например:

(4) *Когда президенты (начал это, кажется, Горби со «Скорпионз») принимают в Кремле третьестепенные западные рок-группы или дают звание заслуженных да народных **чувакам** типа Стаса Михайлова, понимаешь, что это тоже вечные подростки, сформированные коллективным бессознательным спальных районов и советско-перестроечного ТВ, а ныне, попав на верхушку властной пирамиды, они с радостью встречаются с теми, кого видели в видеосалонах — со Шварценеггером или Брюсом Ли, доживи он до сегодняшних дней* [Д. Бавильский, И. Манцов. Инте-интерес, выходи на букву «с» // «Частный корреспондент», 2011];

(5) *Полисмен, огромный черный парень, помощник того строгого **чувака**, проводил меня к машине, он заканчивал смену и собирался ответить* [А. Иличевский. Перс (2009)];

(6) *Две тысячи лет назад один **чувак** сказал: придет дьявол и будет он лицом прекрасен* [А. Слаповский. 100 лет спустя. Письма нерожденному сыну // «Волга», 2009];

(7) *Вот смотрите: у милиционера, дежурящего на междугороднем вокзале, конечно, есть право остановить подозрительного **чувака**, и, если документы у подозрительного **чувака** тоже показались ему подозрительными, отвести он его **чувака** в участок, чтобы там всё проверить при помощи компьютера и телефона* [Освобождение от условностей (блог) (2008)];

(8) *Вдруг оборачиваются и видят – стоит сзади такой **чувак**, низенький и весь в красном, а в руке такой огромный финак* [В. Пелевин. Омон Ра (1992)];

(9) Ты мне говорил, что **чувак** в черном плаще, русоволосый, молодой – ну такой в точности, как рядом с тобой сидит [А. Грачев. Ярый против видеопиратов (1999)].

Во-вторых, лексема **чувак** встречается в качестве дружеского обращения к людям, преимущественно одного возраста с говорящим, например:

(10) – **Чувак**, – толкнул меня через минуту сосед слева. – Эй, **чувак**, ты вино будешь? Белое сухое [А. Геласимов. Рахиль (2004) // «Октябрь», 2003];

(11) Он отворачивался от накуренного марихуаной хиппи и тоскливо говорил по-русски: «**Чувак**, иди себе, а? **Чувак**, смотри, ты замерз совсем... **Чувак**, холодно, летом поговорим...» [Д. Рубина. Наш китайский бизнес // «Знамя», 1999];

(12) Дядя Саша ныряет с головой под одеяло. – Привет, **чувак!** – Кадик стоит на лестнице [Э. Лимонов. Молодой негодяй (1985)];

(13) Да вы не из Крыма ли сами? **Чуваки**, товарищ из Крыма! А правда, что у вас там по-русски понимают? [В. Аксенов. Остров Крым (авторская редакция) (1977–1979)].

Значение 'друг, приятель', указанное в словарях, как таковое не представлено в контекстах НКРЯ, однако влияние этого значения ощущается в ситуации, когда **чувак** употребляется для обращения, а также в некоторых сочетаниях. Так, если лексема **чувак** употребляется без определения или же со словами типа *такой, один, тот* и пр., то речь идет о значении 'какой-то человек', а в сочетании со словами *отличный, свой, наш, прикольный* и пр. у нее появляется оттенок значения 'друг, приятель'.

Обращение к интернет-ресурсам подтверждает данные, полученные из НКРЯ. Так, большинство пользователей портала Love&Hate (<http://www.lovehate.ru/opinions/24752>) упоминают, что используют это слово для обращения к друзьям или к любому человеку мужского пола:

(14) Хорошее слово) Можно применять в разных тонах и контекстах, и всегда оно будет звучать как-то задорно, забавно. Да и это – мое слово-паразит. Всех друзей так и называю);

(15) Я тоже ничего плохого в слове «**чувак**» не вижу. А как мне обратиться к близкому своему другу без всяких лишних заумных фраз;

(16) Слово **чувак** на настоящее время используется для выражения уважения к человеку к которому обращаешься. Ничего в этом плохого я не вижу;

(17) **Чувак** – любой человек мужского пола – обращение;

(18) Хорошее слово, радость дарит людям. И ничуть не обидное. Гораздо лучше, чем «пацан». Я иначе к людям моего возраста редко обращаюсь);

(19) Я всех **чуваками** называю, ну, или почти всех, ибо, это – самое демократичное обращение. Вот вы можете представить, чтобы кто-нибудь из правящего класса обратился к другому такому же «**чувак**»? А вот,

*представьте, Путин, короче, выступает перед правительством, и говорит: «**Чуваки**, надо что-то делать, короче, а то ж*** будет». Да ни в жизнь! А всё потому, что это сразу убирает эту дурацкую субординацию, официозность и обнажает подлинно товарищеские отношения, а ведь так и надо. Короче, да **чувакам**, нет господам!..*

Похожую картину представляют собой и результаты эксперимента с обращением к ментальному лексикону носителей языка. Опрос 100 респондентов (50 мужчин и 50 женщин) подтвердил, что в современной речи существуют три значения лексемы **чувак**. Так, 13,3 % опрошенных указали, что употребляют это слово в значении 'знакомый, приятель, друг, свой парень':

(20) Я называю **чуваками** своих друзей, приятелей;

(21) Для меня **чувак** – свой в доску парень, друг, хороший знакомый;

(22) **Чувак** – это просто хороший приятель, друг;

(23) Сейчас **чуваками** называют друг друга приятели и друзья.

Чуть большее количество респондентов – 20,2 % – считает, что **чувак** – это обращение к человеку одного возраста с говорящим, преимущественно в молодежной среде:

(24) **Чувак** – обращение мальчиков подросткового возраста друг к другу;

(25) Сейчас это слово употребляют, скорее, в молодёжных кругах при обращении друг к другу;

(26) Обращение к мужчине или молодому человеку со стороны неформала;

(27) Обращение к человеку одного примерно возраста и, наверное, статуса.

Наконец, значительное большинство участников опроса (64,5 %) в качестве основного значения выделило сему 'какой-то молодой человек, парень, мужчина':

(28) **Чувак** – разновидность парня, почти столь же смутная, как и пацан, почти бесполоая, ведомая инстинктами. **Чуваков** можно чаще всего встретить со сноубордами, в бесформенной одежде «под Децла». Черты лица у **чувака** мелкие, невыразительные: невысокий лоб, маленький нос, невыступающие скулы, да и вся физиономия в целом очень маленькая. На ней почти не отражаются никакие эмоции, что и понятно: всё, что **чуваку** нужно выразить, он выражает через одежду и прочие атрибуты;

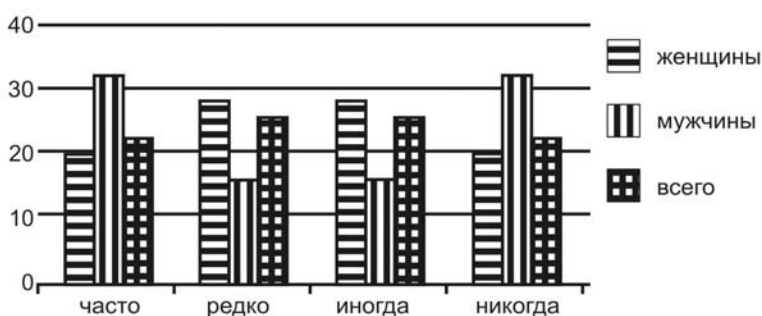
(29) Так говорит молодежь, когда отзывается о ком-то из мужчин;

(30) **Чувак** – жаргонное обозначение молодого человека;

(31) **Чувак** – человек, мужчина, юноша, принадлежащий к одной среде с говорящим; используется только среди молодёжи; используется преимущественно в «неформально-тусовочных» обществах;

(32) Мужчина неопределенного возраста, неопределенного занятия и социального статуса.

Интересно, что все опрошенные характеризовали данное слово как жаргонное, употребляемое в молодежной среде или в различных субкультурах и имеющее нейтральный или положительный оттенок значения. Однако жаргонным участники опроса назвали именно употребление антрополоксемы *чувак* в качестве обращения, остальные же значения, а особенно сему 'какой-то мужчина, молодой человек', респонденты обозначили как разговорное. Таким образом, одно из значений явного жаргонизма теряет свою жаргонную маркированность и получает другую (более высокую) стилистическую характеристику. Что касается тенденций употребления этой антрополоксемы в мужской или женской речи, то картина выглядит следующим образом (см. диаграмму).

*Частота употребления антрополоксемы **чувак** мужчинами и женщинами (по данным опроса носителей языка), %*

Как видно из диаграммы, говорить об однозначной характерности антрополоксемы *чувак* для мужской или женской речи невозможно. Судя по всему, частота употребления данного слова свидетельствует не столько о гендерной принадлежности говорящего, сколько о его социальном статусе, что подтверждается, с одной стороны, комментариями респондентов о жаргонном характере и высокой степени употребительности этого слова среди молодежи, а с другой – их же ответами на вопрос, в чьей речи они чаще всего слышат данную единицу. Так, 95 % опрошенных указали, что чаще всего встречаются слово *чувак* в речи молодых людей, независимо от пола.

Подводя итог, можно сказать, что в настоящее время в современной разговорной устной речи существует три основных значения антрополоксемы *чувак*:

- 'какой-то молодой человек, мужчина, человек';
- 'обращение к человеку одного возраста и социального статуса с говорящим' (в молодежной среде, жаргонное);
- 'друг, приятель, знакомый, «свой человек»' (в молодежной среде, жаргонное).

Стоит сказать, что явная гендерная пара *чувак* – *чувиха* изначально не попала в список слов для анализа, прежде всего потому, что эта антро-

полексема не встретилась в контекстах ОРД. Проведенный электронный опрос показал, что *чувиха* маркируется большинством носителей языка как жаргонное и очень грубое наименование женщины (прежде всего, сексуальной партнерши) и считается ими недопустимым для употребления (100 % опрошенных). Тем не менее некоторые респонденты (10 %) наряду с этим первым значением отметили, что иногда слышали употребление данной единицы и с положительной коннотацией, особенно в сочетании *клёвая чувиха*. По их мнению, женщина или девушка, которую наделяют такой характеристикой, в представлении говорящего соответствует неким критериям, известным ему и той социальной группе, к которой он принадлежит.

Словари определяют *чувиху* как 'молодую девушку, женщину' [Никитина 1998: 517; Елистратов 2000: 541] (см. также: <http://teenslang.su/content/чувиха>). Однако сочетание *клёвая чувиха* или *стильная чувиха* прежде всего характерно для значения 'подруга человека, уважающего высокую американскую культуру'. Стоит отметить, что *чувиха* (в процентном соотношении к общему количеству вхождений) намного чаще *чувака* встречается в НКРЯ именно в этом значении:

(33) *Этих девочек клеили, снимали, фаловали и кадрили где придется – в кино и на улице, в троллейбусе, летом – в парке и на пляже, зимой – в кафе-мороженом и на катке, и в нашем школьном кругу приличных еврейских мальчиков и интеллигентных русских подростков обозначались они кадры или герлы, реже – **чувихи**, но это пришло из предыдущей эпохи, в то время как уличные их названия были, конечно, и точнее и выразительнее, поскольку за каждым таился оттенок, делавшийся понятным лишь с опытом, которого мы не имели* [Н. Климонтович. Дорога в Рим (1991–1994)];

(34) *Пластинки эти нужны были совсем в других условиях, на танцах, где тебя никто не контролировал, во дворе, а позже и на «хатах» с «**чувихами**». <...> Приходили мы обычно компанией с чуваками и **чувихами**, которые ждали, когда заиграет наша музыка, чтобы у всех на глазах начать «бацать стилем»* [А. Козлов. Козел на саксе (1998)].

Обращение к НКРЯ подтвердило и другие данные опроса. Основной подкорпус содержит массу примеров из художественной литературы, где единица *чувиха* носит жаргонный характер (примеры 35, 37), имеет ярко выраженную отрицательную коннотацию (пример 38) или употребляется для обозначения сексуальной партнерши (пример 36), ср.:

(35) *Лянька сюда шмаляет с какой-то забеглой **чувихой!*** [Ф. Кнорре. Весенняя путевка (1971)];

(36) *Детишек своих они оба обожают, однако Нинка и Ульянка тоже ведь неплохие бл... **чувихи**; согласна?* [В. Аксенов. Таинственная страсть (2007)];

(37) *Студент Д. Андреев в энергичной статье, напечатанной в многотиражной газете Института стали, громко осудил арготизмы сту-*

дентов: ценная девушка, железно, законно, башли, хилок, чувак, **чувиха** и т. д. [К.И. Чуковский. Живой как жизнь (разговор о русском языке) (1962)];

(38) *В самом деле, может ли питать уважение к девушке тот, кто называет ее **чувихой** или, скажем, кадришкой?* [К.И. Чуковский. Живой как жизнь (разговор о русском языке) (1962)].

Таким образом, можно сказать, что единицы гендерной пары *чувак* и *чувиха* имеют различную судьбу в современной разговорной речи. *Чувак* появился намного раньше *чувихи* и в некоторой степени пережил несколько «рождений» в новых значениях и с новыми особенностями употребления. Последний всплеск употребляемости *чувака* в речи можно отчасти объяснить широким использованием этой единицы при переводе американских фильмов в качестве эквивалента сленгового *dude*.

Чувиха в свою очередь использовалась и используется преимущественно в жаргонной речи во всех своих значениях, а значит, изменения стилистической характеристики (как с *чуваком*) в данном случае не происходит.

Список литературы

- Богданова Н.В. Звуковой корпус русского языка как материал для новых лексикографических проектов // Слово. Словарь. Словесность: Текст словаря и контекст лексикографии: материалы Всероссийской научной конференции (Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена, 11–13 ноября 2009 г.). СПб., 2010. С. 459–465.
- Богданова Н.В., Асиновский А.С., Маркасова Е.В., Степанова С.Б., Супрунова А.В., Шерстинова Т.Ю. Звуковой корпус русского языка «Один речевой день»: пути пополнения и первые результаты исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 26–30 мая 2010 г.). Вып. 9 (16) / редкол.: А.Е. Кибрик и др. М.: Изд-во РГГУ, 2010. С. 41–46.
- БТС 2000 – Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
- Дьячок М.Т., Шаповал В.В. Русские арготические этимологии // Русская лексика в историческом развитии. Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1988. С. 52–60.
- Елистратов В.С. Словарь русского арго: Материалы 1980–1990 гг.: Около 9000 слов, 3000 идиоматических выражений. М.: Русские словари, 2000. 694 с.
- Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. М.: Канон+, 2004. 432 с.
- Крысин Л.П. Инструкция по разработке «Толкового словаря русской разговорной речи» // Толковый словарь русской разговорной речи: Проспект. М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2010. С. 16–40.
- Никитина Т.Г. Так говорит молодежь: словарь молодежного сленга. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 592 с.
- Томпсон П. Голос прошлого: устная история. М.: Весь мир, 2003. 367 с.

References

- Bogdanova, N.V. (2010), *Zvukovoi korpus russkogo yazyka kak material dlya novykh leksikograficheskikh proektov* [Speech Corpus of the Russian language as a material for new lexicographical projects]. *Slovo. Slovar'. Slovestnost': Tekst slovarya i kontekst leksikografii* [Word. Vocabulary. Philology: Dictionary's text and lexicographical context], Proceedings of the All-Russian scientific conference, St. Petersburg, pp. 459-465. (in Russian)
- Bogdanova, N.V., Asinovskiy, A.S., Markasova, E.V., Stepanova, S.B., Suprunova, A.V., Sherstinova, T.Yu. (2010), The ORD speech corpus of Russian everyday communication: ways of replenishment and first results of analysis. Kibrik, A.E. et al. (Eds.) *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*, Papers from the Annual International Conference "Dialogue" (Bekasovo, May 26-30, 2010), Iss. 9 (16), Moscow, RGGU Publ., pp. 41-46. (in Russian)
- D'yachok, M.T., Shapoval, V.V. (1988), *Russkie argoticheskie etimologii* [The Russian argotic derivations]. *Russkaya leksika v istoricheskom razviti* [Russian Lexicology in historical development], Novosibirsk, pp. 52-60. (in Russian)
- Elistratov, V.S. (2000) *The Dictionary of Russian jargon*, Materials of 1980-1990, About 9000 words, 3000 idiomatic expressions, Moscow, Russkie slovari Publ., 694 p. (in Russian)
- Kasavin, I.T., Shchavelev, S.P. (2004), *Analiz povsednevnosti* [The Analysis of Routine], Moscow, Kanon+ Publ., 432 p. (in Russian)
- Krysin, L.P. (2010), *Instruksiya po razrabotke "Tolkovogo slovarya russkoi razgovorno* noi rechi" [The Guide to creating The Explanatory Dictionary of Russian Colloquial Speech]. *The Explanatory Dictionary of Russian Colloquial Speech*, Catalogue, Moscow, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences Publ., pp. 16-40. (in Russian)
- Kuznetsov, S.A. (Comp. & Ed.) (2000), *Big Explanatory Dictionary of the Russian Language*, St. Petersburg, Norint Publ., 1536 p. (in Russian)
- Nikitina, T.G. (1998), *Tak govorit molodyozh'* [So the Youth is speaking], the dictionary of the slang of young people, St. Petersburg, Folio-Press Publ., 592 p. (in Russian)
- Tompson, P. (2003), *The Voice of the Past: Oral History*, Moscow, Ves' mir Publ., 367 p. (in Russian)

CHUVAK AND CHUVIKHA IN MODERN EVERYDAY SPEECH**N.A. Osmak***Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia)*

Abstract: The paper deals with contrastive lexicographical study based on the main principles of so called speech lexicography, which aim is to describe real usages of speech units in everyday communication. Such approach allows creating the Common Russian Conversational Speech Dictionary. Integrated to unique information and research lexicographical system the Language of Megalopolis, developed for creation of customized multi-media dictionaries, such dictionary describes contemporary Russian everyday communication. The most effective way

to make the Common Russian Conversational Speech Dictionary is to analyze lexical-semantic groups. This article represents the first steps of such work – analysis, which aim was to define trends of changes in functioning of men and women nominations. Special attention is paid to lexical units *chuvak* and *chuvikha*, more specifically to the usages of these units in corpora texts (Speech Corpus of the Russian Language “One Speaker’s Day”, The Russian National Corpus), in Internet contexts and in everyday speech practice (based on the results of questionnaire survey of native speakers).

Key words: man nomination, woman nomination, corpora research, problems of lexicography, spontaneous speech, speech lexicography.

For citation:

Osmak, N.A. (2018), *Chuvak* and *chuvikha* in modern everyday speech. *Communication Studies*, No. 1 (15), pp. 45-55. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.1.45-55. (in Russian)

About the author:

Osmak Natalia Andreevna, Dr., Associate Professor of the Department of Modern European Languages of Institute of Foreign Languages

Corresponding author:

Postal address: 48, reki Moiki nab., St. Petersburg, 191186, Russia

E-mail: natalia.osmak@yandex.ru

Received: October 16, 2017

ОПЫТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ОДНОЙ ГРУППЫ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ РЕЧЕВЫХ ЕДИНИЦ

Т.И. Попова

*Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)*

Аннотация: Разрабатывается проект словарной статьи для редуцированных функциональных единиц для Словаря прагматем русской речи, поскольку широкое распространение методов дескриптивной лексикографии для описания разговорной речи привело к формированию отдельного ее направления – речевой лексикографии. Определяется специфика явлений устной речи на различных уровнях, влияющая на способы их описания. В рамках особого класса функциональных единиц речи можно выделить группу, члены которой обладают способностью переходить с лексико-грамматического на коммуникативно-прагматический уровень, выражая тем самым особые намерения говорящего. Задача (функция в дискурсе) подобного рода употреблений этих единиц, образованных путем внутрисловного удвоения – редупликации (*там-сям, так-сяк, туда-сюда, так-этак, такой-сякой, то-сё*) – заменять собою часть высказывания (фрагмент чужой речи, часть перечисления, порой целую ситуацию, которая является, как правило, стандартной, предсказуемой – и потому клишированной на языковом уровне). Помимо подобной аппроксимативной функции в устной речи эти единицы обладают общими структурными особенностями, осмысление которых позволяет увидеть, как данные единицы помогают структурировать высказывание. Источником материала для исследования стали корпусные данные: устный и мультимедийный подкорпусы Национального корпуса русского языка, а также блок «Один речевой день» Звукового корпуса русского языка, – позволившие определить степень активности рассматриваемых единиц, от которой, как показал анализ материала, во многом зависит их структурное и функциональное разнообразие.

Ключевые слова: разговорная речь, речевая лексикография, функциональные единицы речи, прагматы, аппроксиматоры, редупликация.

Для цитирования:

Попова Т.И. Опыт лексикографического описания одной группы функциональных речевых единиц // Коммуникативные исследования. 2018. № 1 (15). С. 56–72. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.1.56-72.

Сведения об авторе:

Попова Татьяна Ивановна, бакалавр филологии, студентка магистратуры

Контактная информация:

Почтовый адрес: 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11

E-mail: tipopova13@gmail.com

Дата поступления статьи: 07.10.2017

Введение

На данном этапе развития лингвистики изучению устной коммуникации в различных аспектах посвящено множество научных работ, но за счет постоянной изменчивости разговорной речи, особенно самого «верхнего» ее слоя – собственно лексического инвентаря говорящего, – этих исследований всегда недостаточно. Активность речевых единиц в те или иные моменты существования (жизни) устной речи требует их постоянной фиксации и зачастую нового научного осмысления. Именно поэтому вопрос о лексикографическом описании русской разговорной речи остается устойчиво актуальным.

О речевой лексикографии и функциональных единицах устной речи

Отсутствие общепринятого способа словарного описания единиц разговорной речи в первую очередь связано с тем, что задача такого рода словарей отличается от задач словарей, которые имеют нормативный, регламентирующий характер (в данном случае говорят об академической **прескриптивной лексикографии**¹). Ей противопоставлена **дескриптивная лексикография**, в задачи которой изначально входят фиксация и описание своеобразия диалектов и социолектов (см., напр.: [Рюмин 2008]). Постепенно этот метод стал использоваться и для анализа языка города как особого речевого явления [Ларин 1977], а в дальнейшем повседневной разговорной речи вообще, для которой не характерны принципы нормативности и регламентированности в том смысле, в котором эти понятия употребляются для описания литературного языка (см., напр.: [Скляревская 2004; Химик 2004; Толковый словарь русской разговорной речи 2010]).

Последний этап развития дескриптивной лексикографии позволяет говорить об особой ее разновидности, которую называют **речевой лексикографией** [Осьмак 2014: 5].

Каждый из упомянутых типов словарей имеет свои принципы отбора материала и организации словарной статьи. Например, в «Большом словаре русской разговорной экспрессивной речи» В.В. Химики предложено пять различных типов словарной статьи, один из которых – семан-

¹ Именно нормативным видел академический словарь Л.В. Щерба (см.: [Щерба 1974]).

тический – исключает фиксацию всех значений слова [Химик 2004], а в «Толковом словаре русской разговорной речи» в словарной статье появляется «зона сведений об условиях употребления данной единицы в речи (метка PRAGM)» [Осьмак 2014: 38]. Для речевой лексикографии описание ситуативной обусловленности употребления – первоочередная задача [Осьмак 2014: 75–77].

Большинство словарей дескриптивного типа создано на основе записей устной речи. Большой объем информации хранят в себе корпуса, что позволяет производить наблюдения и анализировать единицы различных уровней языка и речи. Справедливым представляется замечание В.А. Плунгяна о том, что корпус – «это фактически справочно-информационная система по современному русскому языку, позволяющая получать ответы на самые неожиданные вопросы – более того, позволяющая ставить новые проблемы, которых лингвистика прошлого почти не касалась» [Плунгян 2005: 13]. Особенно актуально это высказывание применительно к материалу, отражающему «неприглаженную языковую стихию», стихию устной речи, «не скованной традицией и нормой». Именно обращение к корпусным данным такого рода позволяет «отчасти заглянуть в будущее русского языка» [Плунгян 2005: 9].

Наиболее представительными с точки зрения фиксации устной речи можно считать Устный подкорпус Национального корпуса русского языка (УП) и блок «Один речевой день» (ОРД) Звукового корпуса русского языка (подробнее о нем см.: [Богданова-Бегларян и др. 2015, 2017; Русский язык повседневного общения... 2016]).

Единицами описания речевой лексикографии становятся зачастую не слова в традиционном их понимании, а другие единицы: **словоформы** (употребления слов) (о грамматике употреблений см.: [Tomasello 2003]), различные **конструкции** (о грамматике конструкций см.: [Fillmore 1968; Goldberg 1995; Рахилина 2010]) и **коллокации** (см.: [Firth 1957: 193; Иорданская, Мельчук 2007; Захаров, Хохлова 2010: 137]). Нельзя назвать традиционной и форму некоторых словарей (см., напр.: [Баранов и др. 1993; Дискурсивные слова... 1998, 2003]).

В разговорной речи выделяют три класса функциональных единиц (эта классификация принята в теории разговорной речи – **коллоквиалистике** (о ней см., напр.: [Скребнев 1985])):

1. **Речевые** – это, как правило, слова и формы слов, передающие основное содержание текста.

2. **Условно-речевые** – единицы, не отражающие основного содержания, но помогающие структурировать дискурс. Это могут быть вводные или модальные слова, предлоги, союзы, частицы, а также вербализованные (заполненные лексически) паузы хезитации, которые позволяют говорящему собраться с мыслями прямо в ходе речепорождения. Зачастую повторяемость условно-речевых единиц приводит к формированию устой-

чивых конструкций [Полевая лингвистическая практика 2007: 86]. Последний класс единиц Ю.В. Дараган, ссылаясь на К.Л. Киселеву и Д. Пайара, относит к дискурсивным маркерам, не имеющим денотата в общепринятом смысле и устанавливающим отношения между составляющими дискурса (см.: [Дараган 2000]).

3. **Неречевые** – «в естественной обстановке общения могут присутствовать и неречевые звуковые элементы, например, смех, покашливание говорящего, а также различные события: хлопнула дверь, залаяла собака и проч.» [Звуковой корпус... 2013: 322]. Сюда же относятся и неречевые звуки, заполняющие паузы хезитации (невербальные хезитативы): э-э, м-м и под.

Ясно, что «характерные особенности каждого класса функциональных единиц спонтанной речи, в свою очередь, обуславливают различия и специфику словарей, содержащих их описание» [Осьмак 2014: 75].

Действительно, материал ОРД и детальный анализ различных уровней языка позволил обнаружить, что даже не самые частотные из условно-речевых единиц, которым и посвящена настоящая статья, объединяются по принципу функциональной общности в особые группы, лексикографическое описание которых будет отличаться от предложенного в работе Н.А. Осьмак метода описания лексико-семантических групп [Осьмак 2014].

Объектом исследования в настоящей статье стали единицы *так-сяк, такой-сякой, туда-сюда, там-сям, то-сё, так-этак* – во всём их структурном и функционально-семантическом разнообразии.

Источником материала для наблюдений и анализа послужили три корпуса устной речи:

- устный подкорпус Национального корпуса русского языка (УП): 360 употреблений исследуемых единиц;
- мультимедийный русский подкорпус Национального корпуса русского языка (МУРКО): 13 употреблений;
- блок «Один речевой день» (ОРД) Звукового корпуса русского языка (ЗКРЯ): 46 употреблений.

Прагматемы как класс условно-речевых единиц

Не существует строгих границ между классами функциональных единиц. В устной речи все чаще фиксируется возможность перехода некоторых грамматических форм и отдельных лексем на коммуникативно-прагматический уровень языка, когда они в результате «становятся глубоко прагматическими единицами, выражающими различные реакции говорящего на окружающую действительность и имеющими форму самостоятельных высказываний» [Богданова-Бегларян 2014: 10].

Этот активный процесс **прагматикализации** отмечается в работах разных исследователей (см.: [Günther, Mutz 2004; Graf 2011]). В связи с этим стоит обратить внимание на термин «прагмалексема», который использует в своей работе Р. Ратмайр [Rathmayr 1985]. Однако материал уст-

ного дискурса демонстрирует использование говорящими не только отдельных прагматикализованных слов и форм, но и целых конструкций, поэтому данный класс единиц целесообразно называть не прагмалексемами, а **прагматемами** [Богданова-Бегларян 2014: 10].

Устная речь демонстрирует «не только изменение соотношения различных значений конкретной лексической единицы (мена семантических приоритетов), но и общее ослабление семантической составляющей одной из ее форм, что фактически отрывает эту форму от исходной и превращает в самостоятельную единицу, требующую отдельного лингвистического анализа и отдельного описания в соответствующем словаре» [Богданова-Бегларян 2014: 9].

Если обратиться к истории исследований в области прагматики, то можно заметить, что интенсивность их развития имела «далеко идущие последствия», так как теперь «значение высказывания стало считаться неотделимым от прагматической ситуации, а значение многих слов начали определять через указание на коммуникативные цели речевого акта» [Арутюнова, Падучева 1985: 13].

В результате главным для некоторых единиц в устной речи становится только функция, «которую она реализует в структуре устного текста (дискурса) и которую можно назвать *прагматическим значением* данной единицы» [Богданова-Бегларян 2014: 10].

Категория неопределенности и прагматемы-аппроксиматоры

В процессе речепорождения частотны случаи употребления говорящим единиц нечеткой, или приблизительной, номинации [Подлеская 2013: 631]. Коммуникация является важнейшей частью жизни любого человека, поэтому говорящий использует неопределенность как способ расширения своих возможностей «в целях достижения прагматического эффекта» [Мартынова 2016: 30].

Единицы, которые используются для реализации категории неопределенности, называют **аппроксиматорами**. Среди них – и слова, ставшие объектом внимания в настоящей статье. Исследователи отмечают местоименную природу такого рода единиц [Подлеская 2013; Мартынова 2016]. Е.А. Земская указывает: «Местоимения с повторами (типа *то-сё, туда-сюда*, реже *там-сям, так-сяк*) обычно употребляются в тех случаях, когда говорящий не находит слова для завершения ряда однородных перечислений, т. е. для обозначения своего рода общего члена ряда» [Земская 1979: 37].

Именно для этой группы единиц, образованных путем особого внутрисловного удвоения – **редупликации**¹ (*так-сяк, так-этак, такой-сякой, там-сям, туда-сюда, то-сё*), – выполняющих в устной речи функцию мар-

¹ Опираясь на все существующие классификации [Минлос 2004; Крючкова 2004; Рожанский 2010], можно описать эти единицы как случаи неточной, мотивированной, прогрессивной редупликации с дивергентными инициальными частями.

керо́в-аппроксиматоро́в, и предлагается в настоящей статье проект словарной статьи для специального Словаря прагматем русской речи (о нем см.: [Богданова-Бегларян 2014]).

Таким образом, применительно к материалу исследования, можно, как представляется, говорить о функциональном методе лексикографического описания.

Параметры описания

• **Заголовочное слово.** Несмотря на данные орфографических словарей, которые предлагают в качестве нормативного дефисное написание для всех рассматриваемых единиц, некоторым из них оно не свойственно. Так, для *так и сяк*, *так и этак* в корпусном материале не удалось обнаружить слитного употребления компонентов (*так-сяк* и *так-этак*), в то время как *туда-сюда* отличается своей выраженной и вполне устойчивой цельюоформленностью.

Таким образом, чтобы отразить полноту структурного и функционального разнообразия исследуемых единиц в специальном словаре, необходимо использовать особую форму. Поскольку «словарные» описания исследуемых единиц в ходе анализа материала устной речи не опровергаются, но в некоторой степени расширяются, то представляется, что заголовки словарных статей должны выглядеть следующим образом:

- ТАМ-СЯМ, (...) ТАМ (...) СЯМ;
- ТАК-СЯК, (...) ТАК (...) СЯК;
- ТАКОЙ-СЯКОЙ, (...) ТАКОЙ (...) СЯКОЙ;
- ТАК-ЭТАК (ЭДАК), (...) ТАК (...) ЭТАК/ЭДАК;
- ТО-СЁ, (...) ТО (...) СЁ;
- ТУДА-СЮДА, (...) ТУДА (...) СЮДА.

Подобная фиксация сохраняет связь первичных значений с модификациями исследуемых сложных составных единиц¹ в разговорной речи.

Исследуемые единицы нельзя назвать частотными в устной речи, так как в верхнюю зону частотного списка, полученного в результате обработки записей блока ОРД, они не попадают (см. подробнее: [Русский язык повседневного общения... 2016]). Однако количественное соотношение внутри одной функциональной группы позволяет выявить наиболее «популярные» в речи носителей языка единицы, что, в свою очередь, может повлиять на их функционально-семантическое разнообразие.

• **Морфологические данные.** Эти данные будут сохраняться только в семантической зоне словарной статьи. Например, для характеристики данной группы единиц актуально только указание на частеречную принадлежность: ТАК-СЯК, (...) ТАК (...) СЯК: *Наречие*. 'На разный манер, различными способами, всячески'.

¹ Вопросу выбора термина для рассматриваемых единиц посвящена отдельная работа (см.: [Попова 2016]).

Представляется, что структура статьи в Словаре прагматем русской речи «должна включать две обширных зоны: *семантическую*, сходную с толкованием компонентов единицы в обычных словарях, и *функциональную*, в которой описываются все возможные функции данной единицы в естественной речи» [Богданова 2012: 76].

Таким образом, та зона употреблений в речи, которая может быть обозначена как **PRAGM** [Толковый словарь русской разговорной речи 2010; Осьмак 2014], в описании исследуемых единиц выходит на первый план.

• **Функциональная характеристика.** В функциональном плане рассматриваемый класс единиц выделяет в своем составе несколько разновидностей.

Например, прагматема-аппроксиматор ТАК-СЯК, (...) ТАК (...) СЯК выступает в устной речи в функции замены фрагмента (обычно – начального, клишированного, вполне предсказуемого и содержательно не значимого) чужой речи в высказывании (12 % от общего массива материала на эту единицу):

• *На раздумья / две секунды. Может быть / и меньше. Ну / примерился я. Так / мол / и сяк. Вроде бы / попадаю / попытка / не пытка. Беру лево руля / и аллюр / три креста вперед / прямо головой. Бултых* [В. Аленников. Каникулы Петрова и Васечкина, обыкновенные и невероятные, к/ф (1984)] (УП);

• *Красивая была / шельма. Артистка по профессии. И вот / подходим мы к причалу. А пассажирка... шасть к нему на мостик / и говорит / «Так / мол / и сяк / это / мол / ошибка / взаимное заблуждение»* [В. Фетин и др. Полосатый рейс, к/ф (1961)] (УП).

Устойчивое употребление рядом с рассматриваемой прагматемой частицы (маркера ренарратива) *мол* позволяет даже предположить образование нового составного маркера ренарратива – *так мол и сяк* (ср. литературное *так и так мол*: [Словарь русского языка 1988: 333]).

Прагматема ТО-СЁ, (...) ТО (...) СЁ выступает в устной речи в нескольких функциях, в том числе и аппроксимативных:

1) замена части перечисления (48,5 %) (начало перечисления подчеркнуто):

• *Приглядишь кого поинтеллигентнее / разок-другой на глаза ему покажешься / то да сё* [В. Меньшов, В. Черных. Москва слезам не верит, к/ф (1979)] (УП);

• *вот / по возрастам они чего-то там анализируют / языковые / они же (э) эти самые / филологи / изучают понимаешь / состав языка / то сё* (ОРД);

2) замена фрагмента чужой речи (7,6 %):

• *ну вот // *П и он значит там (э) с ней сидит // там то да сё // *В её дочка / такая уже ох*еть думает / ё* () здесь () мужик какой-то появился* (ОРД);

• Он ей понимаешь / ну это / вот так / **то-сё** / считается что в тёмное время суток / Она начинает примеры приводить [Беседа о национальных отношениях // Из материалов Саратовского университета, 1990–1999] (УП);

3) замена следствия при ключевом слове (6,6 %):

• ну элитная недвижимость там / **то да сё** (ОРД);

• Мы вас пригласили в гости / вы к нам пришли / мы накрыли там чай / **то / сё**... [Беседа с Д. Арбениной, лидером группы «Ночные снайперы», «Школа злословия», канал «Культура» // практиканты, 2003] (УП);

4) обобщающее слово (в препозиции) (ряд перечисления подчеркнут) (4 %):

• Мы имеем дело с неким континуумом / где можно в общем условно вычленять **то / сё** / можно вычленять словосочетания / можно вычленять предложения [М. Копотев. Предикативные синтаксические идиомы и принципы синтаксической идиоматизации. Доклад на круглом столе «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы» // Из коллекции НКРЯ, 2009] (УП);

• Герасимов хотел сначала снимать Мордюкову / но пока **то да сё** / разрешения / справки / деньги / она уже по возрасту не подходит / и тогда Быстрицкая... [Разговор в парикмахерской // Из коллекции НКРЯ, 2006] (УП);

5) вербальный хезитатив¹ (в окружении различных вербальных хезитативов (подчеркнуты) ослабевают функциональная однозначность исследуемой прагматемы и происходит сближение с хезитационными маркерами) (4 %):

• Мама говорит / что «мне нужно вот там блузки / там вот мне масло надо» / **там то-сё** / все [Биография (беседа лингвиста с информантом) // Архив Хельсинкского университета, 1998] (УП);

• ну вот // *П и значит они там сидят // **там то да сё** / там значит обсуждают там // а вы кем работаете ? бухгалтером ? о ! бухгалтер / да / это действительно серьёзная профессия / мамаша ему говорит (ОРД).

• **Семантическая зона.** Эта зона необходима как фиксация **пути прагматикализации** для конкретной единицы.

Например, для единицы ТАК-СЯК, (...) ТАК (...) СЯК:

1) наречие 'на разный манер, различными способами, всячески' (56 % употреблений):

• Я и так / и сяк взвешивала [К. Муратова и др. Настройщик, к/ф (2004)] (УП).

• Я понимаю / что политологи могут интерпретировать это и так / и сяк / ничего не поменяется / если в Чечне не будет мирного про-

¹ О вербальных хезитативах как особой группе прагматем см.: [Богданова-Беглярян 2014].

цесса [Беседа о «Новой газете» в эфире радиостанции «Эхо Москвы» // «Эхо Москвы», 2003] (УП);

2) наречие 'угодничая, проявляя излишнее внимание' (12 %):

• Ты намеренно не соглашаешься со мной танцевать! Типа ты мне не по карману! / Ну что ты / не говори ерунды! / А что я должен думать? Я к тебе **и так / и сяк!** А ты меня в грош не ставишь! [Микродиалоги // Из материалов Ульяновского университета, 2007] (УП);

• и он тоже там за мной ухлёстывал и появлялся ... **и так и сяк** и так подкатывал и пятое и десятое (ОРД).

• Пётр Алексеич / да такие озорники попались / я уж с ними **и так / и сяк** / уж вот-вот по рукам ударили / а они опять сбавляют [В. Петров и др. Петр Первый, к/ф (1937)] (УП).

• Я же с ним говорила. **И так / и сяк** / по-разному. Нет / ничего вообще / он понимать ничего не хочет [Разговор двух подруг // Из коллекции НКРЯ, 2006] (УП);

3) ослабление связи компонентов единицы в связи с их дистантным расположением, приобретение условного самостоятельного значения вторым компонентом СЯК¹ (20 %):

• Любой человек / который бывал в Египте / знает / что египтяне очень любят изображение глаза. Глаза с крыльями. **Глаз так / глаз сяк.** А на самом деле / в конечном счете / это всегда глаз / который творит мир и спасает умершего Осириса [Беседа о Древнем Египте, НТВ, «Гордон» // Из коллекции НКРЯ, 2003–2004] (УП);

• Не описательную часть / а там / где «по нашему мнению **надо делать так-то** / но власти считают / что **надо делать сяк-то**» [Выступление Б. Львина на семинаре в Институте национальной модели экономики // Из коллекции НКРЯ, 1996] (УП).

Для исследуемых редуцированных единиц характерно приобретение оттенков значения компонентов составной единицы за счет вариативности употребления в устной речи, но это можно наблюдать лишь в процессе коммуникации.

Более того, некоторые единицы еще находятся на пути прагматизации. Например, *так-этак* в качестве прагматемы не выступает, что может быть связано с вытеснением ее близкой во многих лексических значениях, синонимичной единицей *так и сяк*.

Помимо основных параметров словарной статьи, требуется также введение факультативных зон, которые будут заполняться не для каждой единицы. Так, для единицы *такой-сякой* должна появиться **фразеологическая зона**: некоторые словари выделяют фразеологическое сочетание *такой-сякой намазанный*, которое наиболее полно трактуется в «Опыте русской фразеологии» М.И. Михельсона: это «говорится, как бы повторяя сло-

¹ Характерно для всех редуцированных аппроксиматоров.

ва льстивые (о других) или хвастливые (о себе)» [Михельсон 1912: 357]. В материале настоящего исследования примеров с данным фразеологизмом обнаружить не удалось. Зато было выявлено употребление сочетания *такой-сякой*, близкое по значению к данному фразеологизму:

• *Кстати говоря / оперение динозавров могло иметь и демонстрационный характер / «вот я такой красивый самец» или «вот я такая-сякая самка / обратите на меня внимание»* [Беседа о проблемах палеобиологии, НТВ, «Гордон» // Из коллекции НКРЯ, 2003–2004] (УП).

Думается, что справедливо считать такого рода употребление редуцированной формой указанного фразеологизма, которая вбирает в себя ряд теперь уже не негативных, а положительных свойств (по крайней мере, с точки зрения говорящего).

Встречаются также случаи экспрессивного употребления редуцированных единиц¹ (само явление удвоения и созданная за счет этого ритмичность высказывания не воспринимаются говорящими как средство создания экспрессии):

1) расширение редупликации (единица *так-сяк*):

• *Значит / мы приходим к выводу / что так или сяк... или бряк / или как хочешь... музыка есть продукт синтетический* [Беседа на радио с актрисой Ю. Силаевой // Из коллекции НКРЯ, 1998] (УП);

• *Вот и получается у вас так да сяк да всё наперекосяк* [В. Ордынский, Л. Агранович. Человек родился, к/ф (1956)] (УП);

2) сравнение или тавтологический повтор (единица *туда-сюда*):

• *А что ж вы никак уехать-то не можете? Или вы теперь что / как рейсовый автобус / *туда-сюда / туда-сюда?* [П. Лунгин, А. Галин. Свадьба, к/ф (2000)] (УП).

Для *то-сё* факультативной будет являться семантическая зона, так как словарные дефиниции фиксируют именно функциональное употребление данной единицы. Материал же разговорной речи позволяет увидеть формирующееся в рамках определенным образом выстроенного высказывания лексическое ее значение. Так, употребление косвенной формы (Предложный падеж) характерно при реализации валентности определенной группы глаголов (или девербативов) со значением речи-мысли:

• *Да о чём говорить-то?* [Коля, А. Жигалов, муж, 25, 1966] *Ну так / о том / о сём. А чего?* [Н. Досталь, Г. Николаев. Облако-рай, к/ф (1991)] (УП);

• *Если мы с вами пройдемся по нашему саду... просто поболтаем о том / о сём... в чём я ни секунды не сомневаюсь... значит / и у меня всё сбудется* [Н. Губенко. И жизнь, и слезы, и любовь, к/ф (1984)] (УП);

• *Вот это / это совершенно изумительная черта – обвинять писателя не в том / что он изобразил правдиво / а в том / что он изобразил*

¹ Важно отметить, что таких употреблений только три, и два из них принадлежат сценариям кинофильмов, что в определенной степени отдаляет эти примеры от спонтанной речи.

не так / как у кого-то в голове сложилось представление. Скажем / о народной жизни / **о том / о сём** [Художественная антропология. Программа «Гордон» (НТВ) (2003)] (УП).

Такого рода примеры позволяют предположить формирование лексического значения у формы *о том о сём* (в знач. сущ.) 'разное'. Это наблюдение сближает редуцированную единицу *то-сё* с остальными описанными в данной работе единицами, разницу составляет лишь направление изменений: *то-сё*, в отличие от остальных единиц, двигается от прагматики к семантике (**депрагматикализация?**).

Однако все обнаруженные особенности рассматриваемых единиц индивидуальны, потому трудно установить для них четкий список факкультативных зон.

Заключение

Развитие речевой лексикографии позволяет описывать и фиксировать явления устной речи на различных уровнях, и даже в рамках определенных функциональных групп, что способствует лучшему их пониманию, а главное, формирует хорошую базу для освоения языка повседневной коммуникации теми, кто учит русский язык.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В.* Истоки проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 3–42.
- Баранов А.Н., Плузьян В.А., Рахилина Е.В.* Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993. 208 с.
- Богданова Н.В.* О проекте словаря дискурсивных единиц русской речи (на корпусном материале) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2012 г.). Вып. 11 (18): в 2 т. / редкол.: А.Е. Кибрик и др. М.: Изд-во РГГУ, 2012. Т. 1: Основная программа конференции. С. 71–83.
- Богданова-Бегларян Н.В.* Прагматемы в устной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 3 (27). С. 7–20.
- Богданова-Бегларян Н.В., Асиновский А.С., Блинова О.В., Маркасова Е.В., Рыко А.И., Шерстинова Т.Ю.* Звуковой корпус русского языка: новая методология анализа устной речи // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Вып. 2 / ред. Д. Шумска, К. Озга. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015. С. 357–372.
- Богданова-Бегларян Н.В., Шерстинова Т.Ю., Блинова О.В., Мартыненко Г.Я.* Корпус «Один речевой день» в исследованиях социолингвистической вариативности русской разговорной речи // Анализ разговорной русской речи (АР³-2017): Труды седьмого междисциплинарного семинара / науч. ред. Д.А. Кочаров, П.А. Скрелин. СПб.: Политехника-принт, 2017. С. 14–20.

- Дараган Ю.В.* Функции слов-«паразитов» в русской спонтанной речи // Труды Международного семинара «Диалог 2000» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Протвино, 2000. URL: <http://www.dialog-21.ru/digest/2000/articles/daragan>.
- Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания: сб. ст. / под ред. К. Киселевой, Д. Пайара. М.: Метатекст, 1998. 448 с.
- Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство: сб. ст. / под ред. К. Киселевой, Д. Пайара. М.: Азбуковник, 2003. 206 с.
- Захаров В.П., Хохлова М.В.* Анализ эффективности статистических методов выявления коллокаций в текстах на русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 26–30 мая 2010 г.). Вып. 9 (16) / редкол.: А.Е. Кибрик и др. М.: Изд-во РГГУ, 2010. С. 137–143.
- Звуковой корпус как материал для анализа русской речи: коллективная монография: в 2 ч. / отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2013–2015. Ч. 1: Чтение. Пересказ. Описание. 2013. 532 с.
- Земская Е.А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Русский язык, 1979. 239 с.
- Иорданская Л.Н., Мельчук И.А.* Смысл и сочетаемость в словаре. М.: Языки славянской культуры, 2007. 672 с.
- Крючкова О.Ю.* Вопросы лингвистической трактовки лексической редупликации в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2004. № 8. С. 63–83.
- Ларин Б.А.* О лингвистическом изучении города // Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание. М.: Просвещение, 1977. С. 175–191.
- Мартынова И.А.* Лексические маркеры неопределенности в разговорном англоязычном дискурсе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 2. С. 30–34.
- Минлос Ф.Р.* Редупликация и парные слова в восточнославянских языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 20 с.
- Михельсон М.И.* Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сб. образных слов и иносказаний: в 2 т. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1912. Т. 2. 580 с.
- Осьмак Н.А.* Лексические единицы повседневной разговорной речи: пути лексикографического описания их функционирования: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2014. 235 с.
- Плунгян В.А.* Зачем нужен Национальный корпус русского языка? Неформальное введение // Национальный корпус русского языка: 2003–2005: сб. ст. М.: Индрик, 2005. С. 6–20.
- Подлесская В.И.* Нечеткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19): в 2 т. / редкол.: В.П. Селегей и др. М.: РГГУ, 2013. Т. 1: Основная программа конференции. С. 561–573.
- Полевая лингвистическая практика: учебно-методический комплекс сложной структуры. Ч. 1. Теоретические основы и методика сбора лингвистических данных

- для представления их в речевом корпусе русского языка / ред. А.С. Асиновский, Н.В. Богданова. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2007. 140 с.
- Попова Т.И.* Сложные прагматемы-редупликаты в русской устной речи: проблемы описания и варианты решения // Коммуникативные исследования. 2016. № 3 (9). С. 36–47.
- Рахилина Е.В.* Лингвистика конструкций. М.: Азбуковник, 2010. 584 с.
- Рожанский Ф.И.* Редупликация как объект типологии // Acta Linguistica Petropolitana = Труды Института лингвистических исследований РАН. 2010. Т. VI. Ч. 3. С. 192–211.
- Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах: коллективная монография / отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.
- Рюмин Р.В.* Разговорная лексика в социолектной лексикографии // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Филология. 2008. Вып. 1(9). С. 149–157.
- Скляревская Г.Н.* Лексикографическое описание русского языка начала XXI века: проблемы словника (к проекту «Современного толкового словаря живого русского языка») // Проблемы русской лексикографии: тезисы докладов международной конференции Шестые Шмелевские чтения 24–26 февраля 2004 г. / под ред. Л.П. Крысина. М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2004. С. 100–102.
- Скрёбнев Ю.М.* Введение в коллоквиалистику. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1985. 210 с.
- Словарь русского языка: в 4 т. / гл. ред. 3-го изд. А.П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1988. Т. IV: С–Я. 796 с.
- Толковый словарь русской разговорной речи: Проспект / под ред. Л.П. Крысина. М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова, 2010. 346 с.
- Химик В.В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004. 762 с.
- Щерба Л.В.* Предисловие [к русско-французскому словарю] // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 304–312.
- Fillmore Ch.J.* The case for case // Universals in linguistic theory / Eds.: E. Bach, R.T. Harms. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1968. P. 1–88.
- Firth J.R.* Papers in Linguistics, 1934–1951. Oxford University Press, 1957. 233 p.
- Goldberg A.* Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure. Chicago: University of Chicago Press, 1995. 271 p.
- Graf E.* Interjektionen im Russischen als Interaktive Einheiten. Frankfurt am Main, 2011. 328 s.
- Günther S., Mutz K.* Grammaticalization vs. Pragmaticalization? The Development of Pragmatic Markers in German and Italian // What Makes Grammaticalization? A Look from its Fringes and its Components / Eds. W. Bisang, N.P. Himmelmann, B. Wiemer. Berlin: Language Arts & Disciplines, 2004. P. 77–107.
- Rathmayr R.* Die Russischen Partikeln als Pragmalexeme. München: Sagner, 1985. 352 s.
- Tomasello M.* Constructing a Language: A Usage-Based Theory of Language Acquisition. Harvard University Press, 2003. 388 p.

References

- Arutyunova, N.D., Paducheva, E.V. (1985), *Istoki, problemy i kategorii pragmatiki* [Origins, Problems and Categories of Pragmatics]. *Novoe v zarubeznoi lingvistikе* [New in the Foreign Linguistics], Vol. 16. Linguistic pragmatics, Moscow, Progress Publ., pp. 3-42. (in Russian)
- Asinovskii, A.S., Bogdanova, N.V. (Eds.) (2007), *Polevaya lingvisticheskaya praktika* [Field linguistic practice], Pt. 1, St. Petersburg, SPbGU Faculty of Philology Publ., 140 p. (in Russian)
- Baranov, A.N., Plungyan, V.A., Rakhilina, E.V. (1993), *Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo yazyka* [The Guidebook on Discourse Words of Russian], Moscow, Pomovskii i partnyory Publ., 208 p. (in Russian)
- Bogdanova, N.V. (2012), A Dictionary of Discourse Elements of Russian Speech: Project Description (Based on Corpora Material). Kibrik, A.E. et al. (Eds.) *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*, Papers from the Annual International Conference "Dialogue" (Bekasovo, May 30 – June 29, 2012), Iss. 11 (18), in 2 volumes, Moscow, RGGU Publ., Vol. 1. Main conference program, pp. 71-83. (in Russian)
- Bogdanova-Beglaryan, N.V. (Ed.) (2016), *Russkii yazyk povsednevnogo obshcheniya: osobennosti funktsionirovaniya v raznykh sotsial'nykh gruppakh* [Everyday Russian Language in Different Social Groups], Collective Monograph, St. Petersburg, LAIKA Publ., 244 p. (in Russian)
- Bogdanova-Beglarian, N.V. (2014), Pragmatic Items in Everyday Speech: Definition of the Concept and General Typology. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, Iss. 3 (27), pp. 7-20. (in Russian)
- Bogdanova-Beglaryan, N.V. (Ed.) (2013), *Zvukovoi korpus kak material dlya analiza russkoi rechi* [Speech Corpus as a Base for Analysis of Russian Speech], Collective Monograph, in 2 parts, Pt. 1. Reading. Retelling. Description, St. Petersburg, SPbGU Faculty of Philology Publ., 532 p. (in Russian)
- Bogdanova-Beglaryan, N.V., Asinovskii, A.S., Blinova, O.V., Markasova, E.V., Ryko, A.I., Sherstinova, T.Yu. (2015), *Zvukovoi korpus russkogo yazyka: novaya metodologiya analiza ustnoi rechi* [Speech Corpus of Russian Language: a New Methodology for Analyzing of Oral Speech]. Shumska, D., Ozga, K. (Eds.) *Yazyk i metod: Russkii yazyk v lingvisticheskikh issledovaniyakh 21 veka* [Language and Method: The Russian Language in the Linguistic Studies of the 21st Century], Iss. 2, Krakow, Jagiellonian University Publ., pp. 357-372. (in Russian)
- Bogdanova-Beglarian, N.V., Sherstinova, T.Yu., Blinova, O.V., Martynenko, G.Ya. (2017), *Korpus "Odin rechevoi den" v issledovaniyakh sotsiolingvisticheskoi variativnosti russkoi razgovornoj rechi* [Corpus "One Speaker's Day" in Studies of Sociolinguistic Variability of Russian Colloquial Speech]. Kocharov, D.A., Skrelin, P.A. (Eds.) *Analiz razgovornoj rechi (AR³-2017)* [Analysis of Spoken Russian Speech (AR³-2017)], Proceedings of the 7th Interdisciplinary Seminar, St. Petersburg, Polytekhnik-a-print Publ., pp. 14-20. (in Russian)
- Daragan, Yu.V. (2000), Funktsii "slov-parazitov" v russkoi spontannoj rechi [Functions of Filler Words in Russian Spontaneous Speech]. *Proceedings of the International Seminar Dialog'2000 on Computational Linguistics and its Extensions. Theoretical problems*, Protvino, available at: <http://www.dialog-21.ru/digest/2000/articles/daragan>. (in Russian)

- Evgen'eva, A.P. (Ed.) (1988), *Dictionary of the Russian Language*, in 4 volumes, 3rd ed., Moscow, Russkii yazyk Publ., Vol. 4, 796 p. (in Russian)
- Fillmore, Ch.J. (1968), The case for case. Bach, E., Harms, R.T. (Eds.) *Universals in linguistic theory*, New York, Holt, Rinehart and Winston Publ., pp. 1-88.
- Firth, J.R. (1957), *Papers in Linguistics, 1934-1951*, Oxford University Press, 233 p.
- Goldberg, A. (1995), *Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure*, Chicago, University of Chicago Press, 271 p.
- Graf, E. (2011), *Interjections in the Russian as interactive units*, Frankfurt am Main, 328 p. (in German)
- Günther, S., Mutz, K. (2004), Grammaticalization vs. Pragmaticalization? The Development of Pragmatic Markers in German and Italian. Bisang, W., Himmelmann N.P., Wiemer, B. (Eds.) *What Makes Grammaticalization? A Look from its Fringes and its Components*, Berlin, Language Arts & Disciplines Publ., pp. 77-107.
- Iordanskaya, L.N., Melchuk, I.A. (2007), *Smysl i sochetaemost' v slovare [The Meaning and Compatibility in the Dictionary]*, Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 672 p. (in Russian)
- Khimik, V.V. (2004), *Great Dictionary of the Russian Colloquial Expressive Speech*, St. Petersburg, Norint Publ., 762 p. (in Russian)
- Kiseleva, K., Paillard, D. (Eds.) (2003), *Diskursivnye slova russkoro yazyka: var'irovanie i semanticheskoe edinstvo [Discourse Words of Russian: Variation and Semantic Unity]*, collection of articles, Moscow, Azbukovnik Publ., 206 p. (in Russian)
- Kiseleva, K., Paillard, D. (Eds.) (1998), *Diskursivnye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya [Discourse Words of Russian: Experience of the Context-Semantic Description]*, collection of articles, Moscow, Metatekst Publ., 448 p. (in Russian)
- Kryuchkova, O.Yu. (2004), Voprosy lingvisticheskoi interpretatsii leksicheskoi reduplikatsii v russkom yazyke [Questions of the Linguistic Interpretation of Lexical Reduplication in the Russian Language]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii [Russian Language and Linguistic Theory]*, No. 8, pp. 63-83. (in Russian)
- Krysin, L.P. (Ed.) (2010), *The Explanatory Dictionary of Russian Colloquial Speech*, Catalogue, Moscow, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences Publ., 346 p. (in Russian)
- Larin, B.A. (1977), O lingvisticheskom izuchenii goroda [On Linguistic Research of a City]. Larin, B.A. *Istoriya russkogo yazyka i obshchee yazykoznanie [History of Russian and General Linguistics]*, Moscow, Prosveshchenie Publ., pp. 175-191. (in Russian)
- Martynova, I.A. (2016), Lexical Markers of Vagueness in Spoken English Discourse. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, No. 2, pp. 30-34. (in Russian)
- Minlos, F.R. (2004), *Reduplikatsiya i parnye slova v vostochnoslavyanskikh yazykakh [Reduplication and Pair Words in East Slavic Languages]*, Author's abstract, Moscow, 20 p. (in Russian)
- Mikhel'son, M.I. (1912), *Russkaya mysl' i rech': Svoyo i chuzhoje: Opyt russkoi frazeologii [Russian Thought and Speech: Our own and Others: Experience of Russian Phraseology]*, a Collection of Figurative Words and Parables, in 2 volumes, St. Peterburg, Vol. 2, 580 p. (in Russian)

- Os'mak, N.A. (2014), *Leksicheskie edinit'sy povsednevnoi razgovornoj rechi: puti leksikograficheskogo opisaniya ikh funkcionirovaniya* [Lexical Units of Russian Colloquial Speech: Ways of Description of Their Functioning], Dissertation, St. Petersburg, 235 p. (in Russian)
- Plungyan, V.A. (2005), Zachem nuzhen Natsional'nyi korpus russkogo yazyka? Neformal'noe vvedenie [Why Do We Need the National Corpus of the Russian Language? Informal Introduction]. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: 2003-2005* [The National Corpus of the Russian Language: 2003-2005], collection of articles, Moscow, pp. 6-20. (in Russian)
- Podlesskaya, V.I. (2013), Vague Reference in Russian: Evidence from Spoken Corpora. Selegey, V.P. et al. (Eds.) *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*, papers from the Annual conference "Dialogue" (Bekasovo, May 29 – June 2, 2013), Iss. 12 (19), in 2 volumes, Moscow, RGGU Publ., 2013, Vol. 1. Main conference program, pp. 561-573 (in Russian)
- Popova, T.I. (2016), Complex pragmateme-reduplikates in spoken Russian: problems of description and options of solution. *Communication Studies*, No. 3(9), pp. 36-47. (in Russian)
- Rakhilina, E.V. (2010), *Lingvistika konstruktivnogo* [Linguistics of constructions], Moscow, Azbukovnik Publ., 584 p. (in Russian)
- Rathmayr, R. (1985), *Russian particles as pragmatical lexemes*, Munich, 352 p. (in German)
- Rozhansky, F.I. (2010), Reduplication sub specie linguistic typology. *Acta Linguistica Petropolitana*, Vol. 6, Pt. 3, pp. 192-211. (in Russian)
- Ryumin, R.V. (2008), Razgovornaya leksika v sotsiolektnoi leksikografii [Spoken Vocabulary in Sociolectal Lexicography]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina. Filologiya* [Pushkin's Leningrad State University Herald. Philology], Vol. 1(9), pp. 149-157. (in Russian)
- Shcherba, L.V. (1974), Foreword (to a Russian-French Dictionary). Shcherba, L.V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language System and Speech Activity], Leningrad, Nauka Publ., pp. 304-312. (in Russian)
- Sklyarevskaya, G.N. (2004), Leksikograficheskoe opisanie russkogo yazyka nachala 21 veka: problemy slovnika (k proektu "Sovremennogo tolkovogo slovaryazhivogo russkogo yazyka") [Lexicographic Description of Russian Language of the Beginning of the 21 Century: Problems of Vocabulary (to the Project of "Modern Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language")]. Krysin, L.P. (Ed.) *Problemy russkoi leksikografii* [Problems of Russian lexicography], Abstracts of the International conference 6th Shmelev's reading from February 24-26, 2004, Moscow, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences Publ., pp. 100-102. (in Russian)
- Skrebnev, Yu.M. (1985), *Vvedenie v kollokvialistiku* [Introduction to Colloquialistics], Saratov, Saratov University Publ., 210 p. (in Russian)
- Tomasello, M. (2003), *Constructing a Language: A Usage-Based Theory of Language Acquisition*, Harvard University Press, 388 p.
- Zakharov, V.P., Khokhlova, M.V. (2010), Study of effectiveness of statistical measures for collocation extraction on Russian texts. Kibrik, A.E. et al. (Eds.) *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*, Papers from the Annual Interna-

tional Conference "Dialogue" (Bekasovo, May 26-30, 2010), Iss. 9 (16), Moscow, RGGU Publ., pp. 137-143. (in Russian)

Zemskaya, E.A. (1979), *Russkaya razgovornaya rech': lingvisticheskii analiz i problemy obucheniya* [*Russian Colloquial speech: Linguistic Analysis and Study Issued*], Moscow, Russkii yazyk Publ., 239 p. (in Russian)

THE EXPERIENCE OF LEXICOGRAPHICAL DESCRIPTION OF ONE GROUP OF FUNCTIONAL SPEECH UNITS

T.I. Popova

St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

Abstract: The paper deals with development of the project of a vocabulary entry for the reduplicative functional units for the Dictionary of Pragmatemes of Russian Speech. Wide spread of descriptive lexicographic methods for describing Russian everyday speech led to formation of the separate area called speech lexicography. The specific features of oral speech at various levels influence on ways of their description. Within a special class of functional units of speech it is possible to separate a group, members of which have ability to go from lexical-grammar level to communicative and pragmatic level, expressing special intentions of speaker. The task (function in the discourse) of such way of using units, formed by a special word-internal reduplication (*tam-syam, tak-syak, tuda-syuda, tak-etak, takoi-syakoi*), is to replace a part of a statement (a fragment of the other's speech, a part of enumeration, and sometimes the whole situation which, generally, is standard or cliched on the linguistic level). Studied units have the general structural features, besides approximate function in oral colloquial speech. Linguistic understanding of these features will allow to see how this units help to structure a statement. Analysis is based on the material, provided by three corpuses of speech: Corpus of spoken Russian and Multimedia corpuses of the Russian National Corpus and also the block "One Speaker's day" of the Russian Speech Corpus. Corpus data allowed to define a degree of activity of studied units on which, as showed analysis of the material, their structural and functional variety largely depends.

Key words: colloquial speech, speech lexicography, functional speech units, pragmatema, approximators, reduplication.

For citation:

Popova, T.I. (2018), The experience of lexicographical description of one group of functional speech units. *Communication Studies*, No. 1 (15), pp. 56-72. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.1.56-72. (in Russian)

About the author:

Popova Tatiana Ivanovna, Bachelor of Philology, Master's degree student

Corresponding author:

Postal address: 11, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: tipopova13@gmail.com

Received: October 7, 2017

Раздел II

**СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУРСИВНЫЕ
ПРАКТИКИ УСТНОЙ РЕЧИ**

Part II

**MODERN DISCOURSE
PRACTICES OF ORAL SPEECH**

УДК 81'42

DOI 10.25513/2413-6182.2018.1.75-84

ХЕЗИТАЦИОННЫЕ ЯВЛЕНИЯ В УСТНЫХ МОНОЛОГАХ НИЗКОЙ СТЕПЕНИ СПОНТАННОСТИ

Е.М. Баева

*Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)*

Аннотация: Рассматриваются основные типы хезитационных явлений, встречающихся в устной речи. В первой части работы с помощью категорий спонтанности и подготовленности речи дается определение понятия спонтанной речи, а также рассматриваются точки зрения различных исследователей по этому вопросу. Далее рассматриваются различные типы хезитационных явлений, так называемых речевых сбоев, характерных для устной речи, например паузы хезитации, самокоррекции, лексические повторы и слова-паразиты. В практической части статьи описывается эксперимент по неподготовленному чтению, результат которого тоже можно считать устной речью низкой степени спонтанности, и классифицируются хезитационные явления, выявленные в ходе транскрибирования и анализа полученных монологов. Таким образом, хезитационные явления, закономерно проявляющиеся в любом типе устной речи, признаются одним из основных маркеров спонтанной речи.

Ключевые слова: устная речь, спонтанная речь, паузы хезитации, хезитационные явления, спонтанный монолог, чтение.

Для цитирования:

Баева Е.М. Хезитационные явления в устных монологах низкой степени спонтанности // Коммуникативные исследования. 2018. № 1 (15). С. 75–84. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.1.75-84.

Сведения об авторе:

Баева Екатерина Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка

Контактная информация:

Почтовый адрес: 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11

E-mail: e.baeva@spbu.ru

Дата поступления статьи: 20.10.2017

1. К определению понятия *спонтанная речь*

К устной диалогической речи понятие **спонтанности** было приложено еще Ш. Балли. Он квалифицирует его как незапланированность, непродуманность речи, отчасти обусловленную дефицитом времени, при этом утверждая, что даже импровизированное публичное выступление, даже беседа, выходящая за рамки повседневных тем, находятся за пределами устной речи [Балли 2009].

Е.А. Земская разграничивает понятия **неподготовленности** речи и ее **спонтанности** и **спонтанной** называет «речь, возникающую извне, без всяких внешних импульсов. При таком понимании неподготовленность и спонтанность называют разные признаки речи. Так, речь может быть неподготовленной, но и не спонтанной, если человека кто-то вынудил говорить. <...> Другими словами, речь может быть неспонтанной и неподготовленной, неспонтанной и подготовленной, спонтанной и неподготовленной, спонтанной и подготовленной» [Земская 1988: 8]. Автор выделяет полную и неполную подготовленность, между которыми существует множество промежуточных ступеней. При классификации разговорной речи ключевыми становятся параметры неподготовленности речевого акта и неофициальный характер общения.

О.Б. Сиротинина при определении разговорной речи учитывает несколько критериев, например форму речи (устная спонтанная), характер ее протекания (диалог) и ситуативные условия (персональное общение, а не массовая коммуникация). Главным объединяющим фактором является непринужденность как основное условие протекания разговорной речи [Сиротинина 1974: 26–29].

О.А. Лаптева считает, что всякая устная речь – спонтанна. Даже в публичных выступлениях, таких как, например, доклад или лекция, которые, как правило, подготавливаются заранее, присутствует элемент спонтанности [Лаптева 2003].

Ленинградская лингвистическая школа традиционно отличает **спонтанную речь** от **кодифицированного литературного языка** и определяет ее как «неподготовленную по форме, сиюминутно и свободно порождаемую устную речь» [Фонетика спонтанной речи 1988: 5]. Главным отличием спонтанной речи авторы называют ее неподготовленный характер.

Л.В. Бондарко выделяет следующие противопоставленные друг другу типы речи: монологическая – диалогическая, подготовленная – спонтанная, тщательная – непринужденная – и отмечает, что «подготовленная речь отличается от спонтанной тем, что говорящий еще до акта речевой коммуникации знает не только *что*, но и *как* он должен говорить. <...> Спонтанная речь порождается в момент коммуникации, ее форма не готовится заранее» [Бондарко 1998: 258–259].

И.Н. Борисова создает иную классификацию устной речи, опираясь в основном на критерий подготовленности / неподготовленности речи:

1. **Неподготовленная речь**, которой свойственны редуцированность замысла, нефиксированность темы, непродуманность стратегии или композиции, импровизированность языковой формы. Это неофициальные бытовые диалоги в непринужденной сфере коммуникации.

2. **Частично подготовленная речь**, при порождении которой в сознании говорящего существует замысел, а тема четко определяется ситуацией. Это диалоги, сопровождающие предметно-практическую деятельность, а также решение интеллектуальных и познавательных задач; диалоги в процессе принятия совместного решения в актуальной коммуникации; диалоги в игровых ситуациях, а также высказывания с монологической установкой.

3. **Подготовленная речь**, которой свойственна тщательная проработанность фаз замысла и планирования (вероятна опора на заранее подготовленный письменный план, записки, тезисы, конспект), но которая допускает некоторую импровизацию.

4. **Неспонтанная речь** (полностью лишенная спонтанности). К этой разновидности относится речь заученная (например, сценическая речь, речь дикторов радио и телевидения) и читаемая [Борисова 2001: 143–144].

Таким образом, большинство исследователей устной речи сходятся в том, что устная речь может обладать разной степенью спонтанности, и данный критерий можно применять в описании практически любого вида звучащей речи.

2. Виды хезитационных явлений в устной речи

2.1. Паузы хезитации

Паузы хезитации представляют собой «характернейшую особенность спонтанной устной речи (как непринужденной, разговорной, так и более официальной), отражающую ее сиюминутность, творческий характер» [Фонетика спонтанной речи 1988: 144].

Пауза – необходимое и обязательное речевое явление, в первую очередь служащее универсальным средством членения устной речи на фразы и синтагмы, а также средством выражения характера связи между частями высказывания и смыслового и эмоционального выделения одной из таких частей. С акустической точки зрения пауза хезитации – это фонационный участок в виде хезитации и физическая пауза, которая подчас заполняется различными фонетическими и лексико-семантическими средствами. Поэтому паузы хезитации принято подразделять на **незаполненные** (отсутствие акустического сигнала, ноль звука, перерыв в звучании) и **заполненные**.

Существует узкое и широкое понимание явления хезитации. В узком понимании под паузами хезитации подразумеваются «остановки в речи, во время которых говорящий осуществляет выбор слова, производя заполнение конкретной лексической единицей позиции в уже сформированной синтаксической схеме высказывания» [Фонетика спонтанной ре-

чи 1988: 147]. В более широком понимании к ним относят и всякого рода перестройки «на ходу» структуры высказывания – добавления, исправления, возвраты и т. д.

Некоторые исследователи рассматривают паузы хезитации в широком смысле слова. О.А. Александрова, например, обращает внимание на внешнюю и внутреннюю сторону процесса речепорождения и в связи с этим предлагает различать термины **пауза хезитации** и **пауза колебания**. **Колебание**, по О.А. Александровой, – это сомнения, нерешительность или затруднения, возникающие у говорящего в процессе речепорождения (внутренняя сторона), которые проявляются в речи в виде пауз колебания (внешняя сторона) [Александрова 2004].

В рамках современных корпусных исследований речи хезитация (наряду с коррекцией) называется формой так называемых **речевых сбоев** – нарушений плавного развертывания речевого потока. Подобные сбои считаются характерными особенностями устной спонтанной речи [Подлеская, Кибрик 2006]. В этом случае хезитация – это «перерыв, который говорящий использует для подготовки следующей порции и/или (при сочетании с коррекцией) – для обдумывания возможного способа исправления предшествующей порции» [Подлеская, Кибрик 2006: 8].

Представляется справедливым различать хезитационные явления в общем (например, паузы, нелексические звуки, слова-паразиты, повторы, самокоррекции, перестройки фразы), связанные с проблемой выбора и построения связного текста в процессе спонтанной речи, и паузы хезитации как одну из разновидностей этих самых явлений.

2.2. Слова-паразиты

Называемые в научной литературе словами-заменителями [Земская 1988], незнаменательной лексикой, лишними словами [Сиротинина 1974], **слова-паразиты** часто считаются примером лексического заполнения пауз хезитации и могут быть охарактеризованы как «слова и выражения, которые могут употребляться в спонтанной речи достаточно большого числа говорящих с неоправданно высокой с точки зрения слушающего частотой» [Разлогова 2003: 158].

Слова-паразиты имеют свойство характеризовать речь человека в целом, его психологическое состояние или социальный статус. Их употребление в речи имеет несколько функций. Одна из основных функций слов-паразитов – дискурсивная; к примеру, *вот* может служить маркером конца предложения или некоего смыслового единства, обозначать переход к новой синтагме. *Как бы* может означать, что говорящий отказывается делать резкие, конкретные заявления, проявляя тем самым некоторую вежливость или подчеркивая свою малозначимость по сравнению с собеседником. Например, М. Кронгауз отмечает, что подобное неуверенное *как бы* часто встречается в студенческих ответах на экзаменах [Кронгауз 2008].

2.3. Повторы

Повторы часто выделяются как внутрифразовое абсолютное лексическое тождество двух единиц – повтора и его антецедента, повторяемого слова. Повторы функционально неоднородны и обусловлены устным характером речепроизводства [Фонетика спонтанной речи 1988: 172]. Повтор может возникнуть как результат колебания в выборе последующей лексической единицы или семантико-синтаксической конструкции и, сознательно используемый говорящим, в устной речи служит текстообразующим и стилистическим средством. Различают повтор-хезитацию, повтор-подчеркивание, или актуализатор, повтор-паузу и разнонаправленный повтор-связку. Все эти виды повторов характерны для устной подготовленной речи (например, во время чтения лекции или доклада), однако наиболее частотен в спонтанной речи повтор-хезитация.

2.4. Самокоррекция (самоперебив)

Функционально близкий паузам хезитации, самоперебив по экспоненту сходен с неполным лексическим повтором-хезитацией: это своеобразное «заикание» говорящего, когда в потоке речи он по каким-либо причинам сбивается и повторяет определенную часть слова. Перебив в научной литературе часто рассматривается как показатель прерывности устной речи, когда говорящий не заканчивает фразу или слово, «перескакивает» с одной темы на другую, тем самым перебивая самого себя.

Можно выделять различные типы самокоррекции, основываясь на признаках структурного диапазона коррекции, ее линейного диапазона, типа операции и объема забракованного фрагмента. В отличие от пауз хезитации, которые являются «ретроспективной» реакцией на речевой сбой, самоперебив – это «ретроспективная» реакция, возникающая при обнаружении несоответствия изначальной программе и состоящая в «отбраковке» некоторого, уже артикулированного, фрагмента дискурса [Подлесская, Кибрик 2006].

Действительно, в процессе речепорождения, двигаясь от начала предложения к его концу и одновременно конкретизируя его содержание, говорящий может сталкиваться с затруднениями: то, что уже произнесено, иногда оказывается в том или ином конфликте с тем, что он планирует сказать далее. В результате самоперебива, т. е. коррекции предложения, его структура может оказаться настолько деформированной, что становится несовместимой с синтаксической нормой кодифицированного языка, однако вполне возможной в речи. Таким образом, особенно велико значение самоперебивов для исследований грамматической структуры устной речи (см., напр.: [Богуславский 2013]).

Итак, основными хезитационными явлениями, выделяемыми исследователями устной русской речи, можно назвать паузы хезитации (заполненные и незаполненные), повторы, самокоррекции (самоперебивы) и слова-паразиты, которые некоторыми описываются как разновидность

заполненных пауз хезитаций, однако представляется, что функционал данных единиц несколько шире, поэтому целесообразно выделять их как отдельный элемент.

3. Хезитационные явления в устных монологах низкой степени спонтанности (результаты исследования)

Среди разновидностей устной речи низкой степени спонтанности наиболее лингвистически мотивированным и наименее спонтанным традиционно считается пересказ [Звуковой корпус... 2014], так как первичный текст значительно обуславливает и лексическую, и синтаксическую структуру вторичного. Пересказ характеризуется крайне высокой степенью зависимости порождаемого текста от исходного материала. Также отмечается, что тип первичного текста имеет значение: сюжетный текст является более легким для пересказа, а описательно-рассужденческий – более трудным, требующим лучшего владения речью.

Неподготовленное чтение – еще один тип монолога очень низкой, но не нулевой степени спонтанности: участникам подобной речевой коммуникации заранее неизвестны ни форма, ни содержание текста, что и является залогом увеличения степени спонтанности. Подготовленное чтение можно поставить в один ряд с лекцией или докладом: зачастую устным выступлениям сопутствует заранее подготовленный письменный текст разной степени подробности, т. е. и форма текста, и его содержание известны информанту еще до момента говорения. В зависимости от темы и всей базы своих знаний, говорящий может либо только частично опираться на конспект, либо зачитывать его дословно. При этом, например, лекцию, читаемую на постоянной и регулярной основе, можно соотносить с монологом на знакомую тему, так как в обоих случаях говорящий хорошо ориентируется в предмете и имеет опыт неоднократных высказываний на означенную тему.

Можно заранее предположить, что характер хезитационных явлений при говорении и чтении будет различным. Считается, что «в чтении и других видах подготовленной речи паузы хезитации либо полностью отсутствуют, либо достаточно четко противопоставлены как по своим фонетическим характеристикам, так и по позиции в высказывании паузам межфразовым и межсинтагменным. В спонтанно порождаемой устной речи различие между хезитационным членением и членением на фразы и синтагмы во многих случаях оказывается ослабленным или вовсе даже снятым» [Фонетика спонтанной речи 1988: 147].

Одними из первых исследований, посвященных проблеме соотношения чтения и спонтанной речи, были работы С.Б. Степановой. Обращая внимание в первую очередь на перцептивный аспект, Степанова отмечает, что спонтанная речь отличается от чтения наличием пауз хезитации, пауз, нарушающих синтаксическое членение высказываний, быстрым темпом речи, эмоциональной окрашенностью речи, общей расслабленностью

артикуляции [Степанова 2006: 256]. Однако есть одна интересная деталь. Суть эксперимента, проведенного С.Б. Степановой, сводилась к следующему: группе аудиторов было предложено идентифицировать фрагменты спонтанной речи и чтения, предварительно записанных 10 дикторами. И эксперимент показал, что у информантов младшего возраста (< 20 лет) прочитанные фразы были верно определены аудиторами с очень низкой степенью достоверности, т. е. спонтанная речь и чтение таких информантов обладают многими сходными чертами.

Материалом настоящего исследования послужили 48 звучащих текстов, полученных в результате неподготовленного чтения 24 информантов младшей возрастной группы (20–25 лет). Испытуемым было предложено прочесть вслух два отрывка из «Повестей Белкина» А.С. Пушкина. Полученные устные монологи записывались на диктофон, а затем расшифровывались в орфографическом виде, с простейшей интонационной разметкой. При расшифровке текстов учитывались все хезитационные, а также девиантные явления, которые, однако, в данной работе не затрагиваются.

Всего в материале было отмечено 465 хезитационных явлений, из них 333 паузы хезитации (71,6 %), 24 повтора (5,2 %), 108 самоперебивов (23,2 %). Можно применить более дробную классификацию и разделить паузы хезитации на заполненные (103) и незаполненные (230). При этом паузы хезитации, сопровождающие случаи повторов, самоперебивов и исправленных ошибок, отмечались как зависимые элементы и не учитывались при подсчете, поскольку подобные паузы являются обязательными и всегда оформляют вышеупомянутые черты спонтанной речи. Слов-паразитов в речевом материале данного эксперимента не встретилось.

По экспоненту в исследованном материале чтения можно выделить следующие разновидности пауз хезитации:

1) незаполненные (ноль звука): *приятели из <...> почтенного со- словия смотрителей;*

2) заполненные:

- посторонним речеподобным звуком: *несколько м-м-м дворовых мальчишек с трещотками;*

- удлинением звука: *ос-с-сведомляясь / не ушибся ли он; заяц выско- чил из лесу и по-о-обежал полем;*

- паралингвистическими средствами: *платил <...> <кхм> прогоны за две лошади; в то же самое время Григорий Иванович Муромский / со- блазнясь хорошею погодою / велел <смех> оседлать <...> куцую свою ко- былку.*

В зафиксированном материале повторов встретилось не много, при этом значительно преобладают контактные повторы, состоящие из одного слова, – 79,1 % от всех отмеченных повторов: *взяв с собою пары <...> пары три борзых.*

Самоперебив может возникать в середине слова в виде повторения первой его части, в виде короткой незаполненной паузы хезитации, в других случаях происходит обрыв читаемого слова и некоторое возвращение назад – тогда повторяется подчас не только часть «перебитого» слова, но и слово или несколько слов, стоящих перед ним: **рассказал все / что случи<...> рассказал все / что случилось; но он наехал на Берестова во-все неожли<...> вовсе неожиданно.**

В качестве вывода стоит отметить, что для читающего главная функция хезитационных явлений – это время на обдумывание читаемого, а также отдых, передышка, в то время как для слушающего многие подобные явления будут являться скорее элементом, затрудняющим понимание, нарушающим плавное течение фразы. Однако в спонтанной устной речи хезитационные явления крайне частотны и практически неизбежны, поэтому можно говорить, что они в определенной степени являются одним из основных маркеров данного типа речи.

Список литературы

- Александрова О.А.* Речекommunikативный статус паузы колебания: дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2004. 208 с.
- Балли Ш.* Французская стилистика. М.: Либроком, 2009. 398 с.
- Богуславский И.М.* Грамматикализация способов разрешения синтаксических конфликтов: асимметричные конструкции // *Лужнословенски филолог*. 2013. LXIX. С. 115–135.
- Бондарко Л.В.* Фонетика современного русского языка. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1998. 275 с.
- Борисова И.Н.* Русский разговорный диалог: структура и динамика. Екатеринбург: Изд-во Ур. гос. ун-та, 2001. 408 с.
- Звуковой корпус как материал для анализа русской речи: коллективная монография: в 2 ч. / отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2013–2015. Ч. 2: Теоретические и практические аспекты анализа. Т. 1: О некоторых особенностях устной спонтанной речи разного типа. Звуковой корпус как материал для преподавания русского языка в иностранной аудитории. 2014. 396 с.
- Земская Е.А.* Городская устная речь и задачи ее изучения // *Разновидности городской устной речи: сб. науч. тр. / отв. ред. Д.Н. Шмелев, Е.А. Земская*. М.: Наука, 1988. С. 5–44.
- Кронгауз М.* Русский язык на грани нервного срыва. М.: Языки славянских культур, 2008. 232 с.
- Лантева О.А.* Русский разговорный синтаксис. М.: УРСС, 2003. 396 с.
- Подлесская В.И., Кибрик А.А.* Коррекция в устной русской монологической речи по данным корпусного исследования // *Русский язык в научном освещении*. 2006. № 12. С. 7–55.
- Разлогова Е.Э.* К вопросу о специфических употреблениях модальных слов: слова-паразиты в русской и французской речи // *Вестник Московского государственного университета*. Серия 9. Филология. 2003. № 6. С. 152–169.

- Сиротинина О.Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М.: Просвещение, 1974. 144 с.
- Степанова С.Б. Чтение vs спонтанная речь: перцептивный аспект // ...Слово отзвучивает: памяти Аллы Соломоновны Штерн и Александра Вольковича Сахарного: сб. ст. / редкол.: Т.И. Доценко и др. Пермь: Перм. ун-т, 2006. С. 250–256.
- Фонетика спонтанной речи / отв. ред. Н.Д. Светозарова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. 245 с.

References

- Aleksandrova, O.A. (2014), *Rechekommunikativnyi status pauzy kolebaniya* [Communicative and Speech Status of Hesitation Pauses], Dissertation, Veliky Novgorod, 208 p. (in Russian)
- Bally, Ch. (2009), *French Stylistics*, Moscow, Librokom Publ., 398 p. (in Russian)
- Bogdanova-Beglaryan, N.V. (Ed.) (2014), *Zvukovoi korpus kak material dlya analiza russkoi rechi* [Speech Corpus as a Base for Analysis of Russian Speech], Collective Monograph, in 2 parts, Pt. 2. Theory and Practice of Speech Analysis, Vol. 1. Some Features of Oral Spontaneous Speech of Various Types. Speech Corpus as a Base for Material for the Teaching of Russian as a Foreign Language, St. Petersburg, SPbGU Faculty of Philology Publ., 396 p. (in Russian)
- Boguslavsky, I.M. (2013), Grammaticalization of Syntactic Conflict Resolution: Asymmetric Constructions. *Juznoslovenski filolog*, Iss. 69, pp. 115-135. (in Russian)
- Bondarko, L.V. (1998), *Fonetika sovremennogo russkogo yazyka* [Phonetics of Modern Russian Language], St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 275 p. (in Russian)
- Borisova, I.N. (2001), *Russkii razgovornyi dialog: struktura i dinamika* [Russian Conversation: Structure and Dynamics], Yekaterinburg, Ural State University Publ., 408 p. (in Russian)
- Kronhaus, M. (2008), *Russkii yazyk na grani nervnogo sryva* [Russian Language on the Verge of a Nervous Breakdown], Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 232 p. (in Russian)
- Lapteva, O.A. (2003), *Russkii razgovornyi sintaksis* [Syntax of Russian Colloquial Speech], Moscow, URSS Publ., 396 p. (in Russian)
- Podlesskaya, V.I., Kibrik, A.A. (2006), Korrektsiya v ustnoi russkoi monologicheskoi rechi po dannym korpusnogo issledovaniya [Correction in Russian Spoken Monologues: A Corpus Study]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], No. 12, pp. 7-55. (in Russian)
- Razlogova, E.E. (2003), K voprosu o spetsificheskikh upotrebleniyakh modal'nykh slov: slova-parazyty v russkoi i frantsuzskoi rechi [Specific Usages of Modals: Filler Words in Russian and in French]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology], No. 6, pp. 152-169. (in Russian)
- Sirotinina, O.B. (1974), *Sovremennaya razgovornaya rech' i eyo osobennosti* [Modern Russian Speech and Its Features], Moscow, Prosveshchenie Publ., 144 p. (in Russian)
- Stepanova, S.B. (2006), Chtenie vs spontannaya rech': pertseptivnyi aspekt [Reading vs Spontaneous Speech: Perceptive Aspect]. Dotsenko, T.I. et al. (Eds.) ...*Slovo ot-*

- zovyotsya [...*The word will respond*], to the memory of Alla Stern and Alexander Sakharnyi, collection of articles, Perm, Perm University Publ., pp. 250-256. (in Russian)
- Svetozarova, N.D. (Ed.) (1988), *Fonetika spontannoi rechi [The Phonetics of Spontaneous Speech]*, Leningrad, Leningrad State University Publ., 245 p. (in Russian)
- Zemskaya, E.A. (1988), *Gorodskaya ustnaya rech' i zadachi ee izucheniya [Urban Russian Speech and the Research Goals]*. Shmelev, D.N., Zemskaya, E.A. (Eds.) *Raznovidnosti gorodskoi ustnoi rechi [Types of Urban Oral Speech]*, collection of articles, Moscow, Nauka Publ., pp. 5-44. (in Russian)

HESITATION PHENOMENA IN SPOKEN RUSSIAN SPEECH OF LOW SPONTANEITY

E.M. Baeva

St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

Abstract: In the first part of the work the definition of the concept of spontaneous speech is given using categories of spontaneity and preparedness of speech, as well as the views of various researchers on this issue are studied. The author proceeds to define the main hesitation phenomena in spontaneous speech, such as hesitation pauses, self-corrections, self-repetitions, and filler words. The practical part contains an experiment with unprepared reading. In the monologues which have been transcribed and thoroughly analyzed the author finds the same hesitation phenomena characteristic for spontaneous speech. Thus, the article suggests that hesitation is an essential part of any oral communication or monologue.

Key words: oral speech, spontaneous speech, hesitation pauses, hesitation phenomena, spontaneous monologues, reading.

For citation:

Baeva, E.M. (2018), Hesitation phenomena in spoken Russian speech of low spontaneity. *Communication Studies*, No. 1 (15), pp. 75-84. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.1.75-84. (in Russian)

About the author:

Baeva Ekaterina Mikhailovna, Dr., Associate Professor of the English Department

Corresponding author:

Postal address: 11, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: e.baeva@spbu.ru

Received: October 20, 2017

РУССКО-БЕЛОРУССКОЕ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ КОДОВ В г. МИНСКЕ

И.В. Лисковец

*Высшая школа печати и медиатехнологий
Санкт-Петербургского государственного университета
промышленных технологий и дизайна (Санкт-Петербург, Россия)*

Аннотация: Предпринимается попытка описания явления переключения кодов между тремя сосуществующими в устной речи жителей города Минска кодами: русским языком, белорусским языком и трасянкой – смешанной белорусско-русской языковой формой. Ставится цель рассмотреть проблему границ между переключением кодов, заимствованием и смешением кодов, что является наиболее актуальным в случае длительного близкородственного языкового контакта. Всего рассматривается 212 примеров, записанных автором в ходе лонгитюдного исследования языковой ситуации в Минске, ведущегося с 1999 г., а также примеры высказываний, зафиксированные средствами массовой коммуникации. В качестве примеров переключения кодов не рассматриваются включение в русскоязычный текст белорусскоязычной топонимики, а также случаи прямого цитирования и метаязыкового переключения кодов. Случаи переключения кодов проанализированы с точки зрения субъекта, объекта, ситуации, темы, цели. Отдельно изучены случаи немотивированного переключения кодов, или соскальзывания, а также скрытого цитирования. Затрагивается вопрос о границах между переключением кодов, заимствованием и включением элемента в территориальный диалект. Также названы социальные факторы, влияющие на использование стратегии переключения кодов.

Ключевые слова: переключение кодов, двуязычие, белорусский язык, близкородственное двуязычие, смешение кодов.

Для цитирования:

Лисковец И.В. Русско-белорусское переключение кодов в г. Минске // Коммуникативные исследования. 2018. № 1 (15). С. 85–96. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.1.85-96.

Сведения об авторе:

Лисковец Ирина Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры технического перевода и профессиональных коммуникаций

Контактная информация:

Почтовый адрес: 191180, Россия, Санкт-Петербург, пер. Джамбула, 13

E-mail: irina.liskovets@gmail.com

Дата поступления статьи: 01.11.2017

Введение

Одно из наиболее распространенных явлений, происходящих в условиях устойчивого двуязычия, – переключение кодов. Переключение кодов достаточно распространено в речи жителей Минска, но в силу близкородственности контактирующих языков и их явного неравноправия имеет ряд специфических черт. В таком переключении участвуют все три сосуществующие в речи жителей Минска коды: русский язык, белорусский язык и тряснянка, смешанный русско-белорусский код, представляющий собой, говоря упрощенно, белорусское фонетическое оформление слов русского языка (трактовку и описание этого явления см. в: [Головко 2001; Лисковец 2002]).

В качестве примеров переключения кодов не будет рассматриваться очень частотное, но не слишком интересное для анализа явление включения в русскоязычный текст белорусских названий кафетериев, ресторанов, станций метро, другой топонимики. Также в описание не включены случаи переключения кодов с целью выполнения метаязыковой функции (объяснение значения того или иного слова, примеры белорусских слов, которые давались в интервью), а также случаи прямого цитирования.

Грамматических ограничений на переключение кодов в случае белорусско-русского контакта практически нет вследствие близкородственности языков. По этой же причине момент совершения переключения не всегда ясен. Вот характерный пример: *Вось прычапілася, карова* (= *Вот пристала, корова*)¹. Первые два слова не относятся к русскому языку, *карова* произносится одинаково на обоих языках. Граница может проходить как между *прычапілася* и *карова*, так и между этим высказыванием и следующим за ним полностью русскоязычным высказыванием.

Переключение кодов, часто встречающееся в речи минчан, имеет смысл рассматривать с точки зрения всех компонентов речевой ситуации, а именно говорящего, адресата, ситуации, темы, коммуникативной интенции говорящего.

В силу имеющейся в Минске сильной социальной стратификации по фактору языка, наиболее существенным для анализа случаев переключения кодов, как и других языковых явлений, является фактор говорящего, с которым тесно коррелирует коммуникативная цель, для выполнения которой используется переключение кодов.

¹ При передаче нерусскоязычных элементов ударные гласные будут выделены заглавной буквой, фрикативный [г] будет обозначен знаком ʎ.

Для анализа явления уместным представляется разделить минчан на тех, чьим первым языком был белорусский, и тех, чьим первым языком был русский.

Переключение кодов информантами с первым белорусским языком

Для первой группы характерно «переключение по ошибке» или соскальзывание.

Человек, ранее говоривший на белорусском языке или трасянке (смешанном русско-белорусском коде) и перешедший на русский язык, иногда «забывается» и возвращается к родному для него языку. Для таких переключений характерна пауза для последующего возврата на русский язык.

(1) Женщина – пожилому мужчине: *Эй, дед, к вам пришли...* (громче). *Дедуля, да вас прыйшлі.* (Русскоязычной собеседнице) *Ніяк не чуе, стары, хоць бяў і за ім* (= *Дедуля, к вам пришли. Не слышит, старый. Хоть беги за ним*).

Есть еще и такой, тоже достаточно частотный, вариант для данного типа говорящего: человек, перешедший с трасянки на русский, иногда «оговаривается» и немедленно исправляет свою оговорку. Примеры такого рода вообще характерны для речи образованных и/или высокопоставленных людей, выходцев из белорусских деревень, особенно в официальной обстановке, примером чему могут служить высказывания А.Г. Лукашенко:

(2) Ты *потерАешь... ты потеряешь* рынок свой в Европе (<https://www.youtube.com/watch?v=dMYsiUco8KY>).

Такое переключение кодов представляется не несущим никакой коммуникативной цели и тем самым является немотивированным переключением кодов (подробнее об этом см.: [Головко 2001]).

Следует упомянуть, что люди, перешедшие с родного им белорусского языка на русский, крайне редко переключают коды мотивированно. Как объяснил в интервью такой информант, слишком тяжело ему далось избавиться от «белорусского акцента, чтобы сейчас этим баловаться». Хотя есть и исключения. Обычно таким исключением является переключение, вызванное темой разговора. Подавляющее число переключений кодов людьми с первым белорусским языком происходит в случае обращения непосредственно к их белорусскому опыту: жизни в деревне, разговору на белорусском языке и др., – что служит тем самым «триггером» (термин М. Клайна), который и вызывает переключение:

(3) Инф.: *В детстве... да, в маёй вёсцы* (= *в моей деревне*)... *в моей деревне говорили...*

Переключение кодов информантами с первым русским языком

Люди, чьим первым языком является русский, сознательно переключают коды с русского на белорусский или трасянку (провести границу не всегда представляется возможным) в ряде случаев.

Часто причиной переключения кодов является **конвергентное языковое поведение**, т. е. подстройка под адресата. Такое переключение особенно характерно для речи врачей и других работников медучреждений, продавцов и других работников сферы быта, так как им часто приходится общаться с говорящими на трясянке людьми; встречается это явление и в речи людей других профессий.

(4) Врач в поликлинике (молодой женщине): *Девушка, заходите, карточку вашу...* (пытающейся пройти в дверь пожилой женщине) **Бабуля, пачакАйце трОхі** (= *Бабуля, подождите немного*).

Такое же поведение встречается, правда в силу многих причин значительно реже, при общении с национально-ориентированными людьми, принципиально говорящими по-белорусски. Во всех таких случаях переключение совпадает со сменой адресата.

Язык, на который происходит переключение, также зависит от адресата. При обращении к пожилому, «деревенского» вида человеку скорее переключение происходит на трясянку, при обращении к белорусскоязычному интеллигенту – на белорусский язык, хотя в силу смешанного характера трясянки границу провести здесь очень тяжело.

Часто причиной переключения кодов является тема разговора – например, во время интервью, в котором обостряется внимание к проблеме своей белорусской идентичности.

(5) *А сейчас что-нибудь читаете по-белорусски?*

Инф.: *Пожалуй, только Быкова, да и то... Может, еще Рыгора Бардулина ці МАбуць кагО яшчЭ з паЭтаў* (= *или может быть еще кого-то из поэтов*).

Переключение может быть вызвано некоторым триггером, т. е. быть реакцией на некоторый написанный или произнесенный по-белорусски текст или на речь окружающих. Например, на минском рынке, где в большом количестве звучат и диалекты белорусского, и трясянка, в речи говорящих по-русски людей чаще, чем это в целом характерно для них, появляются белорусскоязычные элементы, что также можно рассматривать как конвергентное речевое поведение, только в данном случае переключение происходит в рамках обращения к одному и тому же адресату.

(6) Инф.: *Ну что, хУтка харчавАцца будем или пойдём куда дальше?* (возле кафе с надписью «Хуткое харчаванне» (= *быстрое питание*)).

Часто переключение происходит для наименования предметов, имеющих более точное название в белорусском языке, т. е. для заполнения лакуны, например:

- *млявы* = ‘расслабленный, без сил, сильно уставший’, или, соответственно, *млявасць*,
- *упарты* = ‘упрямый, упертый во что-то’,
- *памяркОўны* – ‘безразличный, спокойный’,
- *шчыры* – ‘настоящий, искренний’,

- *кіравАць* – ‘руководить, командовать’,
- *змагАцца* – ‘справляться, бороться’.

Характерно также вкрапление белорусских идиом («як вош да кажУха») и слов для обозначения данного явления в Республике Беларусь или на белорусском языке, например:

- *мастакI* = ‘белорусские художники’,
- *мОва* = ‘белорусский язык’,
- *беларускамОўны* = ‘говорящий только по-белорусски из идейных соображений’,
- *грОшы* = ‘белорусские деньги’,
- *бацька* = ‘А.Г. Лукашенко’,
- *адражЭнцы* = ‘сторонники белорусского национального возрождения’, по-белорусски «адражэньня»,
- *незалЕжнасць* = ‘независимость Беларуси’,
- *вЕршы* = ‘стихи, написанные по-белорусски’,
- *вЁска* = ‘белорусская деревня’,
- *свядОмыя* = ‘люди, осознающие свою белорусскую идентичность’,
- *радзIма* = ‘родная Беларусь’,
- *пераклАдчык* = ‘переводчик с/на белорусский язык’.

Очень часто коды переключаются для придания речи некоторой грубоватости, «мужицкого» колорита. Это явление очень характерно для речи людей с высшим образованием, никогда не говоривших ни на трясянке, ни по-белорусски. Важно отметить, что переключение в данном случае происходит не на белорусский язык, а на трясянку, которая и является, с точки зрения данных говорящих, тем самым «мужицким языком». Этой же цели, как нам кажется, служит периодический переход на фрикативное «г» молодыми женщинами – так звучит «маскулиннее». Представляется, что возможность такого использования трясянки сокращает количество ненормативной лексики, характерной для соответствующей прослойки в Санкт-Петербурге.

(7) Инф. 1: *Уф, холодно.*

Инф. 2: *Ня змЭрзнеш (= Не замерзнешь).*

Инф. 1: *А может змЭрзну.*

Можно даже отметить такую особенность, что иногда произнесенное по-белорусски слово кажется более «сильным», чем соответствующее русское. Обычно таким образом усиливают определяющие слова или глаголы.

(8) Инф.: *Вдруг пропал мужик, рАптам знік (= вдруг пропал). Смотри – а он уже в машине.*

Очень интересным является переключение кодов с целью скрытого цитирования.

Чаще всего белорусские, а если быть точным, то трясянкаязычные, вкрапления характеризуют людей, оцениваемых как занимающих более

низкое социальное положение, имеющих более примитивные представления о жизни, дурной вкус и т. д. (реальная языковая практика не учитывается). Здесь гораздо чаще можно видеть доказательства трасянокязычности переключения.

(9) Инф.: *У ўарОшак ей обои надо! Ты б еще у цвятОчак* (бел. – у *кветачку*) *наклеила* (мать информантки, о которой идет речь, русскоязычна).

Таким образом, можно сказать, что одной из коммуникативных задач, выполняемых трасяночными вкраплениями, является негативная оценочность.

Этот же прием используется и в политическом дискурсе, причем с обеих сторон, т. е. переключения с целью негативной оценочности как скрытое цитирование встретились и в белорусскоязычных текстах политического характера, например частое пейоративное именование Президента РБ *Рыгоравіч*, характерное для оппозиционного политического дискурса (см., например, статью «Рыгоравич, спаси Белсат» (<http://www.belgazeta.by/ru/1078/event/33933/>)). Аналогичные примеры приводит Н.Б. Мечковская [Мечковская 1996: 107–108].

Переключение / заимствование / белорусский диалект русского языка

Хочется затронуть еще один очень важный вопрос: всегда ли наличие в русскоязычном тексте белорусскоязычного элемента может говорить о переключении кодов?

Как представляется, не во всех случаях имеется сознательное переключение кодов, так как говорящий иногда может и не воспринимать данное слово как белорусское. Слова *упАрты*, *памяркОўны*, *шчЫры*, *кіравАць* безусловно воспринимаются как белоруссизмы. Что касается слова *млявы*, то возможны два варианта интерпретации слова информантом – либо оно воспринимается как русское, либо как белорусское (у одних информантов просьба автора объяснить данное слово встречала удивление, у других – нет).

Есть и более частотные случаи. Например, слова:

- *хАта* = ‘квартира’,
- *бурАк* = ‘свекла’,
- *бАцька* = ‘отец’,
- *дОбра* = ‘сильно’ (обычно в негативном смысле)

– воспринимаются как «не совсем русские, но мы так говорим». Можно предположить, что, согласно данному объяснению и частотности, подобные явления скорее относятся к белорусскому диалекту русского языка, а не к переключению кодов между русским и белорусским языками, хотя ниже будут упомянуты сомнения на этот счет. Сюда же можно отнести и употребление белорусских союзов и междометий:

- *бо* = ‘потому что’,
- *хай / няхАй* = ‘пусть’.

Это же касается некоторых других специфических слов, не воспринимаемых носителями «нерусскими», например:

- *малОй* = ‘сын, или младший брат, или ребенок вообще’ (соответственно, *малАя* = ‘дочь или младшая сестра или девочка вообще’),
- *парЕчка* = ‘красная смородина’,
- *стрАта* = ‘потеря хода в игре’ (от бел. «страта» – потеря),
- *квач* = ‘игра в салочки и водящий в этой игре’,
- *лЯснуться* = ‘упасть’ (от общеслав. «лясы» – зубы),
- *бурАк* = ‘свекла’,
- *занАдта* = ‘чересчур’ (от бел. «занадта» – с тем же значением),
- *сЁрбатъ* = ‘есть суп, обычно с шумом’.

И уж наверняка нет переключения кодов, когда житель Беларуси вставляет в свою речь следующие выражения:

- *с большего* = ‘главным образом, по большому счету’, явно произошедшее от белорусского «збольшага» с тем же значением,
- *за счастье* = ‘достаточно’.

Можно предположить, что здесь мы имеем дело не с переключением кодов, пусть даже немаркированным, а с белорусским диалектом русского языка.

Вероятно, к этому же диалекту можно отнести такие более редкие случаи отклонений от нормативного синтаксиса, как, например, повышенную частотность предлога *за* (*моя малая за бананы сама не своя*) и семантический сдвиг, проявляющийся, например, в таких явлениях, как выражение *быстрее всего* = ‘скорее всего’ (из белорусского *хутчэй за усе, хутчэй* = ‘скорей и быстрее’), придании глаголу *варить* значения *готовить* (*Кто у вас варит в доме?*). Эти явления отличает ограниченное употребление – они используются частью русскоязычного населения, но не подавляющим его большинством.

Вопрос о статусе вкрапления белорусских союзов и междометий *бо, хай* и употребления слов *хата, бацька, бурак* русскоязычными с детства людьми более сложен. Дело в том, что есть отличие между «хатой» в речи русскоязычного и «быстрее всего»: люди, употребляющие выражение «быстрее всего», не употребляют нормативное «скорее всего» в том же значении, а люди, вставляющие в свою речь слово «хата», достаточно часто употребляют слова «дом» и «квартира» с аналогичным значением. Можно предположить, что правильнее было бы отнести эти явления к переходным – от переключения кодов к белорусскому диалекту русского языка. Однозначного ответа на этот вопрос пока дать не представляется возможным.

Таким образом, не всегда можно утверждать о наличии переключения кодов, базируясь только на самом тексте. Нужно учитывать еще и различные другие, в основном социолингвистические, факторы.

Кто чаще всего переключает коды?

И наконец, несколько слов о характеристиках субъекта переключения кодов. Как мы уже говорили выше, в основном переключают коды русскоязычные минчане, причем надо подчеркнуть большую распространенность и устойчивость этого явления среди ряда возрастных, половых и социальных групп. Частотность этого явления и в советскую эпоху подтверждает исследование, проведенное Институтом Языкознания Академии Наук БССР в 1987–1988 гг. [Типология двуязычия... 1999: 227]. Более того, часто подобное переключение не является предметом рефлексии со стороны как говорящего, так и адресата. Многие из опрошенных, для речи которых характерно переключение кодов, отрицали его использование. Еще большее количество опрошенных отрицали использование переключения кодов их знакомыми.

Эти факты можно трактовать как свидетельство того, что переключение кодов с русского языка на белорусский вошло в узус. Хотя нельзя не отметить, что подобная стратегия не является обязательной, и поэтому языковую ситуацию в Минске нельзя рассматривать в одном ряду с ситуацией в Дакаре (см.: [Swigart 1992]) и Страсбурге (см.: [Gardner-Chloros 1991]), где, судя по публикациям, подобное переключение является нормой. В Минске это скорее не норма, а вариант, который может быть выбран говорящим в зависимости от его предпочтений, а также различных факторов коммуникативной ситуации, так как нормативным признается также и отсутствие русско-белорусского переключения.

В ситуации русско-белорусского переключения кодов очень трудным оказалось определить, какие именно социологические параметры влияют на выбор говорящим стратегии переключения кодов.

Ни профессия, ни пол не являются определяющими. Можно сказать о некотором влиянии происхождения на использование переключения кодов.

Как уже упоминалось выше, люди, которые говорили ранее на трясанке или в чьих семьях говорят / говорили на трясанке, обычно не переключают коды сознательно, по естественным психологическим причинам. Эти люди могут переключать коды под влиянием темы или адресата. Но чаще всего переключение кодов в речи таких людей происходит по причине соскальзывания, невозможного для тех, чьим первым языком был русский. (Для последних «соскальзывание» характерно при использовании белорусского языка.)

Наблюдается также некоторая корреляция частотности использования переключения кодов с возрастом. Это связано с различиями в отношении к белорусскому языку в разные эпохи.

В 1980-е гг. молодежь часто стремилась использовать в речи белорусскую лексику. Эта лексика считалась «мужичьей», так как в те времена в среде образованной (или получающей хорошее образование) русско-

язычной минской молодежи такой взгляд на белорусский язык, который в те времена полностью ассоциировался в сознании с трасянкой, был широко распространен. Поэтому белорусские элементы соседствовали в их речи с «блатными» словами и обценной лексикой. (О повышенной маскулинности и брутальности непрестижной трасянки уже говорилось выше.) Некоторые из них продолжают использовать эту стратегию и часто используют русско-белорусское (или русско-трасяночное) переключение кодов.

Насколько удалось заметить, сейчас минские школьники эту стратегию не используют. Можно предположить, что причиной является обостренность языкового вопроса. Кроме того, для настоящего момента характерно значительно более положительное отношение к белорусскому языку и безусловное различие белорусского языка и трасянки.

Именно поэтому маркированное переключение кодов с целью придания своему высказыванию грубости более характерно для родившихся в русскоязычных семьях и окончивших школу в период до 1992 г., т. е. до того момента, когда отношение к белорусскому языку изменилось в сторону более уважительного. Для этих групп в принципе переключение кодов значительно более характерно. Так, 111 из 212 (52 %) примеров были получены от людей в возрасте 40–50 лет, 41 пример (19 %) – от людей 50–60 лет, 39 (18 %) – от людей старше 60 (все – с высшим или средним специальным образованием).

Есть также некоторая зависимость частотности переключения кодов от уровня образования, т. е. бóльшая распространенность этого явления в речи более образованных людей: 134 из 212 примеров (64 %) получены из речи людей с высшим образованием. Это подтверждает вывод, сделанный Г.П. Нещименко: чем выше социальный статус говорящего, тем больше языковых вольностей он себе позволяет (см.: [Нещименко 1998]). Но было бы ошибкой считать переключение кодов явлением «образованной речи»: далеко не все люди с высшим образованием используют переключение кодов, и не все переключающие коды имеют высшее образование (в нашем эксперименте 62 примера (29 %) взяты из речи людей со средним образованием). В 16 случаях образование говорящего было неизвестно, и эти случаи в подсчет не включены.

Некоторое влияние на частотность переключения кодов оказывает место работы, точнее, языковое окружение на работе. Люди, работающие в сфере обслуживания и по долгу службы сталкивающиеся с говорящими на трасянке (или на литературном белорусском), чаще переключают коды, чем люди, работающие в полностью русскоязычных коллективах, работа которых не связана напрямую с общением. Особенно часто переключение кодов как конвергентное языковое поведение встречается среди медиков и продавцов.

Как представляется, самым важным фактором, влияющим на частотность переключения кодов в речи русскоязычных минчан, является

их чувство причастности к Беларуси, т. е. национальная идентификация. Этот же фактор коренным образом влияет на отношение к белорусскому языку. Похожие данные о зависимости частотности переключения кодов от уровня интереса и уважения к стране рождения приводит Шана Поплак [Poplack 2000: 250–251].

В заключение хотелось бы сказать о крайней сложности анализа явлений, происходящих при контактах близкородственных языков, и их важности как для контактологии, так и для социолингвистики в целом.

Список литературы

- Головко Е.В. Переключение кодов или новый код? // Труды факультета этнологии. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2001. Вып. 1. С. 298–317.
- Лисковец И.В. Трасянка: происхождение, сущность, функционирование // Антропология. Фольклористика. Лингвистика: сб. ст. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2002. Вып. 2. С. 329–343.
- Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. М.: Аспект-Пресс, 1996. 208 с.
- Нещименко Г.П. Значимость оппозиции «носитель – пользователь» языка (языкового идиома) для изучения специфики языковой ситуации и ее динамики // Славянское Языкознание: XII Международный съезд славистов. М., 1998. С. 460–474.
- Типология двуязычия и многоязычия в Беларуси / Л.П. Крысин и др. Минск: Беларуская навука, 1999. 246 с.
- Gardner-Chloros P. Language Selection and Switching in Strasbourg. Oxford: Oxford University Press, 1991. 218 p.
- Poplack S. Sometimes I'll start a sentence in Spanish y termino en español: toward a typology of code-switching // The Bilingualism Reader / Ed.: L. Wei. London: Routledge, 2000. P. 221–256.
- Swigart L. Two Codes or One? The Insiders' View and the Description of Codeswitching in Dakar // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 1992. Vol. 13, Iss. 1–2. P. 83–102. DOI: 10.1080/01434632.1992.9994485.

References

- Gardner-Chloros, P. (1991), *Language Selection and Switching in Strasbourg*, Oxford, Oxford University Press, 218 p.
- Golovko, E.V. (2001), *Pereklyuchenie kodov ili novyi kod? [Code-switching or A New Code]. Trudy fakulteta etnologii [Works of the Ethnology Faculty]*, Iss. 1, St. Petersburg, European University in St. Petersburg Publ., pp. 298-317. (in Russian)
- Krysin, L.P. et al. (1999), *Tipologiya dvuyazychiya i mnogoyazychiya v Belarusi [Typology of bilingualism and multilingualism in Belarus]*, Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 246 p. (in Russian)
- Liskovets, I.V. (2002), *Trasyanka: proiskhozhdenie, sushchnost', funktsionirovanie [Trasyanka: Origin, Essence, Functioning]. Antropologia. Folkloristika. Lingvistika [Anthropology. Folklore Studies. Linguistics]*, Iss. 2, St. Petersburg, European University in St. Petersburg Publ., pp. 329-343. (in Russian)

- Mechkovskaya, N.B. (1996), *Sotsial'naya linguistika [Social Linguistics]*, Moscow, Aspekt-Press Publ., 208 p. (in Russian)
- Neshchimenko, G.P. (1998), Znachimost' oppozitsii "nositel'-pol'zovatel'" yazyka (yazykovogo idioma) dlya izucheniya spetsifiki yazykovo situatsii i eyo dinamiki [Value of the Opposition "Native Speaker - User" of a Language (Language Idiom) for Studies of Specific Features of Language Situation and Its Dynamics]. *Slavyanskoe yazykoznanie [Slavonic Linguistics]*, 12th International Congress of Slavists, Moscow, pp. 460-474. (in Russian)
- Poplack, S. (2000), Sometimes I'll start a sentence in Spanish y termino en español: toward a typology of code-switching. Wei, L. (Ed.) *The Bilingualism Reader*, London, Routledge, pp. 221-256.
- Swigart, L. (1992), Two Codes or One? The Insiders' View and the Description of Codeswitching in Dakar. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, Vol. 13, Iss. 1-2, pp. 83-102. DOI: 10.1080/01434632.1992.9994485.

RUSSIAN-BELARUSIAN CODE-SWITCHING IN MINSK

I.V. Liskovets

*Higher School of Printing and Media Technologies
of Saint-Petersburg State University of Industrial Technologies and Design
(St. Petersburg, Russia)*

Abstract: In this article, an attempt is made to describe the phenomenon of code-switching between the three codes coexisting in Minsk residents' oral speech: the Russian language, the Belarusian language and the trasianka (a mixed Belarusian-Russian language form). The author aims to address the problem of the boundaries between code-switching, borrowing, and mixed codes, which is the most relevant in the case of a prolonged contact among closely related language. In total, 212 examples will be studied, recorded by the author during the longitudinal study of the language situation in Minsk, which has been conducted since 1999, as well as examples of utterings and statements recorded in mass media. Inclusion of Belarusian-language toponymics in a Russian text, as well as cases of direct citations and meta-language code-switching will not be considered as examples of code-switching. Cases of code-switching will be considered from the point of view of the subject, object, setting, topic, and communicative intention. Cases of unmotivated code-switching, as well as slipping, will be regarded separately as well as the cases of covert citing. The article deals with the problem of boundaries between code-switching, borrowing and inclusion of an element into the local dialect. Also, the article will touch the matter concerning social factors affecting the use of code-switching strategy.

Key words: code-switching, bilingualism, Belarusian language, closely related bilingualism, code-mixing.

For citation:

Liskovets, I.V. (2018), Russian-Belarusian code-switching in Minsk. *Communication Studies*, No. 1 (15), pp. 85-96. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.1.85-96. (in Russian)

About the author:

Liskovets Irina Valerievna, Dr., Associate Professor of the Chair of Technical Translation and Professional Communications

Corresponding author:

Postal address: 13, Dzhambula per., St. Petersburg, 191180, Russia

E-mail: irina.liskovets@gmail.com

Received: November 1, 2017

СТРАТЕГИИ НЕПОДГОТОВЛЕННОГО ЧТЕНИЯ ДЕЛОВОГО ТЕКСТА: АНАЛИЗ ИНТОНАЦИИ

Л.А. Пиотровская

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)*

Аннотация: Сравняется интонационное оформление в процессе неподготовленного чтения одного и того же делового текста из чуждой испытуемым предметной области. Интонационный анализ базируется на двух теоретических положениях: а) интонация выражает смысл; б) смысловые связи между синтагмами и предложениями формируются только в тексте. Материалом исследования послужил экономический текст (отрывок из официальной публикации), ранее апробированный другими лингвистами. Результаты экспериментального исследования интерпретировались с позиций двух альтернативных гипотез: 1) чуждая предметная область предопределяет восприятие текста всеми испытуемыми лишь на «поверхностном» уровне; 2) индивидуальные и групповые особенности испытуемых должны проявиться в разном уровне глубины восприятия речи, связанном с разным соотношением эмоциональной и рациональной оценки. Исследуется роль типа интонационной конструкции (по классификации Е.А. Брызгуновой), синтагматического членения, длины синтагм, способов синтагматического членения, места синтагматического ударения, особенностей словесного ударения, особенностей темпоральной организации, пауз хезитации, а также наличия оговорок. Результаты, полученные от 60 испытуемых, позволили выделить три стратегии: стратегию безразличия, стратегию делового чтения и стратегию личностной оценки, – в зависимости от установки на целостное восприятие, соотношения рациональной и эмоциональной оценки и опыта чтения деловых текстов. Полученные результаты свидетельствуют в пользу второй гипотезы: стратегия безразличия реализуется только при условии полного непонимания смысла текста; установка на понимание смысла текста всегда предполагает сочетание рациональной оценки с эмоциональной.

Ключевые слова: интонация, синтагматическое членение, синтагматическое ударение, компоненты интонации, стратегия чтения, эмоциональная оценка, рациональная оценка.

Для цитирования:

Пиотровская Л.А. Стратегии неподготовленного чтения делового текста: анализ интонации // Коммуникативные исследования. 2018. № 1 (15). С. 97–108. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.1.97-108.

Сведения об авторе:

Пиотровская Лариса Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка

Контактная информация:

Почтовый адрес: 191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48

E-mail: larisa11799@yandex.ru

Дата поступления статьи: 11.11.2017

Выбор в качестве объекта исследования текста, а не предложения и тем более не слова обусловлен особой ролью текста в речевой деятельности. В современной отечественной психолингвистике общепризнанным является положение о том, что текст является «основной единицей речевой коммуникации» [Белянин 2000: 6].

Кроме того, интонационное оформление текста зависит от общего смысла текста и от смысловых связей между отдельными предложениями, а также между синтагмами, образующими одну фразу. Положение о том, что и синтагма, и предложение-высказывание приобретают смысл только в тексте, разные лингвисты обосновывали при обсуждении различных вопросов.

В.В. Виноградов обращал на это внимание, выявляя природу вариантного синтагматического членения: «Если взять одно какое-либо предложение, вырванное из контекста, то по отношению к нему можно лишь экспериментально, так сказать, ставить вопрос: как оно может быть расчленено на синтагмы в зависимости от своей семантики, от своего социального назначения и своего осмысления; какие значения и оттенки значений в этом предложении связываются с тем или иным возможным его синтагматическим членением» [Виноградов 1950: 248]. Иными словами, так как синтагма представляет собой минимальную интонационно-смысловую единицу, то просодическое выражение смысла высказывания осуществляется в пределах более крупного целого, чем предложение. В отечественной интонологии это положение последовательно отстаивает Т.М. Николаева: «Будучи даже изолированным, высказывание входит – в своем актуальном воплощении – в некий законченный коммуникативный комплекс – текст» [Николаева 1977: 29]. В.А. Звегинцев делает этот же вывод при обсуждении теоретического вопроса о сущности предложения как единицы языка и речи. Поскольку «речевое» предложение, извлеченное из текста, теряет смысл, В.А. Звегинцев называет его «псевдопредложением», имеющим «псевдосмысл» [Звегинцев 2001: 193].

В качестве текста, нейтрального по эмоциональной окраске и максимально нового (неизвестного) для испытуемых по содержанию, использовался экономический текст – отрывок из официальной публикации «Закон об иностранных инвестициях во Вьетнаме и нормативные акты,

изданные на его основе». Этот текст был апробирован в экспериментах, которые проводились в Лаборатории восприятия речи при факультете филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета под руководством доктора филологических наук, профессора В.Б. Касевича.

В исследовании приняли участие 60 студентов I курса двух вузов Санкт-Петербурга: 30 студентов факультета иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена и 30 студентов Санкт-Петербургской театральной академии. В данной статье представлен фрагмент коллективного исследования, которое проводилось в сотрудничестве с учеными из Института мозга человека РАН (С.Г. Данько) и Санкт-Петербургской театральной академии (Л.В. Грачева и др.).

Как было доказано еще в конце 1970-х гг. в исследованиях Т.М. Дридзе, интерпретация содержания текста в значительной степени определяется мерой приобщенности человека, воспринимающего текст, к описанному в тексте реальному объекту [Дридзе 1976]. При восприятии текста из чуждой испытуемым предметной области возможность опираться на предварительные знания о предмете речи минимальна. Важным является также положение об органическом единстве процесса понимания текста и эмоционально-оценочного переживания понимаемого, подчеркиваемое А.А. Залевской [Залевская 2001: 61].

На этом основании в представленной части исследования были сформулированы две альтернативные гипотезы.

(1) Поскольку предметная область текста является одинаково чуждой для всех испытуемых, то различия в просодическом оформлении будут минимальными. Чуждая для испытуемых предметная область должна предопределить восприятие речи в основном на «поверхностном», а не на «смысловом» уровне (содержательная характеристика поверхностного уровня восприятия речи дана В.Б. Касевичем [Венцов, Касевич 2003: 53–54, 63–64]), или, иначе, на уровне «понимания речи», а не на уровне «понимания действительности» (выражение Н.И. Жинкина [Жинкин 1982: 82]). В этом случае эмоциональная оценка должна быть сведена к нулю.

(2) Различия в уровне глубины восприятия речи, объеме читательского опыта и другие индивидуальные и групповые особенности должны отразиться в просодическом оформлении любого текста. При разном уровне глубины восприятия речи, согласно А.А. Залевской, в просодических характеристиках должна отразиться разная степень эмоционально-оценочного переживания понимаемого.

Использовался слуховой метод анализа цифровых записей, направленный на оценку интонационных и, шире, просодических характеристик по следующим параметрам.

1. Тип интонационной конструкции. При выполнении интонационной разметки использовалась классификация интонационных кон-

струкций русского языка, разработанная Е.А. Брызгуновой [Брызгунова 1980].

2. Синтагматическое членение. Минимальной интонационной единицей, в соответствии с концепцией Л.В. Щербы, является синтагма, представляющая собой «фонетическое единство, выражающее единое смысловое целое в процессе речи-мысли» [Щерба 1953: 8]. Оценивались фонетические признаки межсинтагменной границы: пауза (обозначается двумя косыми линиями) или только перепад кривой мелодического и динамического контуров (обозначается одной косой линией).

Принципиально важным, с учетом целей исследования, является положение о том, что в основе синтагматического членения лежит понимание смысла высказывания, из чего следует тезис о вариативности синтагматического членения одного и того же предложения, в зависимости от понимания его смысла.

Ср., например, две разные реализации одного и то же предложения в произнесении разных дикторов:

а) *“Стороны, / участвующие в реализации “договора / о деловом “сотрудничестве, / и “предприятия / с иностранным “капиталом / имеют право самостоятельно устанавливать “программы / и планы своей производственно-хозяйственной “деятельности // – семь синтагм;*

б) *Стороны, участвующие в реализации договора о деловом “сотрудничестве, / и предприятия с иностранным “капиталом / имеют право самостоятельно устанавливать “программы / и “планы / своей производственно-хозяйственной “деятельности // – пять синтагм.*

Оценка места синтагматической границы осуществлялась в соответствии с положением о тесной связи между интонацией и синтаксисом. Сущность этой зависимости, вслед за Т.М. Николаевой, трактуется как признание неравнозначности разных видов синтаксической связи: одни синтаксические связи (сильные) жестко задают границы между синтагмами, другие (слабые) допускают вариативность [Николаева 2000: 210].

3. Длина синтагм. Размер синтагм, измеряемый в количестве фонетических слов, определяется объемом оперативной памяти человека, который, как было показано в середине XX в. американским психологом Дж. Миллером, равен 7 ± 2 единицам [Miller 1956]. Экспериментально-фонетические исследования, выполненные на материале спонтанной устной речи и чтения, показали, что средняя длина синтагм составляет три фонетических слова. Большая длина синтагм (пять и более фонетических слов) характерна для делового стиля речи, а меньшая, напротив, для разговорного стиля.

4. Синтагматическое ударение. Для целей проведенного исследования важно было определить, является ли синтагматическое ударение автоматизированным, т. е. падает на последнее слово синтагмы, или неавтоматизированным, которое обусловлено намерением говорящего под-

черкнуть смысл определенного слова. Синтагматическое ударение, как автоматизированное, так и неавтоматизированное, в приводимых примерах обозначается двойным знаком ударения перед словом, стоящим под синтагматическим ударением. Особое внимание обращалось на наличие двувершинных синтагм, в которых одно ударение автоматизированное, а другое неавтоматизированное. Кроме того, для разграничения эмоциональной и рациональной оценки следовало также дифференцировать обычное, сильное, слабое, а также усиленное синтагматическое ударение (последнее обозначается нами четырехкратным повторением знака ударения перед соответствующим словом).

5. **Особенности словесного ударения.** Дополнительно нами фиксировалось словесное ударение на клитиках (обозначено одинарным знаком ударения перед соответствующим словом).

6. **Частотный диапазон.** Для данного исследования достаточно было различать средний, узкий и широкий диапазон.

7. **Особенности темпоральной организации.** Оценивался общий темп речи: средний, медленный, быстрый, а также убыстренный или замедленный; обращалось также внимание на относительный темп в отдельных синтагмах и при прочтении отдельных слов. Кроме того, фиксировалось увеличение длительности отдельных звуков / слогов, а также произнесение отдельных слов по слогам.

8. **Наличие пауз hesitation** (обозначаются многоточием).

9. Кроме собственно просодических характеристик, значимым оказалась **точность воспроизведения печатного текста**: наличие оговорок – исправляемых или не исправляемых диктором, а также повторы отдельных слов, фрагментов синтагм, целых синтагм.

Анализ интонационного оформления делового текста в ситуации неподготовленного чтения позволил выделить четыре неварьируемых просодических коррелята делового текста:

1) просодические признаки, в которых отражается чуждая предметная область:

– оговорки (как исправляемые, так и не исправляемые), например: *...расчёты за эти товары производятся в иностранной или **ответственной** (вм. отечественной) валютах в зависимости от характера товара;*

– произнесение отдельных слов почти по слогам, например: *Стороны, участвующие в реализации договора о деловом сотрудничестве, и **пред-при-я-тия** с иностранным капиталом...;*

– полное прочтение слова со второй или с третьей попытки, например: ***импор- импортные** квоты на оборудование...;*

2) наличие длинных синтагм (более 5 фонетических слов), границы между которыми задаются синтаксической структурой предложения, например: *Импортные квоты на оборудование, машины, запасные части, транспортные средства, природное сырьё, топливо, материалы и т. д., //*

ввозимые на цели производства в соответствии с договором о деловом сотрудничестве, // утверждённым Государственным комитетом по сотрудничеству и инвестициям, // устанавливаются один раз на весь срок действия договора или ежегодно по заявкам сотрудничающих сторон // (соответственно 13, 7, 5, 11 фонетических слов);

3) использование интонации пояснения для оформления синтаксических конструкций, выражающих, как правило, атрибутивные отношения, например: *Импортные квоты на оборудование, машины, запасные части, транспортные средства, природное сырьё, топливо, материалы и т. д., // ввозимые на цели производства в соответствии с договором о деловом сотрудничестве, // утверждённым Государственным комитетом по сотрудничеству и инвестициям, // устанавливаются один раз на весь срок действия договора //.*

В то же время проведенное исследование показало, что интонационное оформление неподготовленного чтения делового текста достаточно вариативно.

Сравнение чтения этого текста всеми дикторами позволяет выделить **три** основные **стратегии чтения**, отражающие разную глубину понимания его смысла и, следовательно, разную степень эмоциональности.

Первую стратегию условно можно охарактеризовать как **стратегию безразличия**. Отличительными признаками этой стратегии являются следующие:

- 1) убыстренный или быстрый темп;
- 2) частое отсутствие физической паузы как маркера межсинтагменной границы, что обусловлено быстрым темпом;
- 3) наличие большого количества неисправляемых оговорок, ср.: *производительственно-хозяйственной (вм. производственно-хозяйственной) деятельности; импортные квоты на оборудование <...> устанавливающим (вм. устанавливаются) один раз на весь срок действия договора; разрешение на импорт выдаётся в соответствии с установлением (вм. установленным) порядком управления экспортно-импортной деятельностью; показательно, что диктор не замечает или игнорирует нарушение смысловых и/или грамматических связей слов вследствие оговорки;*
- 4) суженный диапазон, проявляющийся прежде всего в преобладании неглубокого понижения тона в синтагмах с ИК-1, что свидетельствует об отсутствии членения текста на фрагменты, большие, чем предложения, и, следовательно, об отсутствии смысловой организации текста;
- 5) неуместное понижение тона (использование ИК-1) в неконечных синтагмах, которые, с учетом синтаксической структуры всего предложения, не могут трактоваться даже как относительно завершённые по смыслу, например: *В этих случаях / закупки производятся у хозяйственных организаций ик-1 // посредством заключаемых в соответствии с законодательством договоров //...;*

6) монотонное интонационное оформление, проявляющееся в минимальном использовании возможностей фонетической системы русского языка: из трех типов повышения тона (ИК-3, ИК-4 и ИК-6) и двух типов понижения тона (ИК-1, ИК-2а), возможных в деловом тексте, используется в основном один: в неконечных синтагмах преобладает плавное повышение тона (ИК-6), подчеркивающее незавершенность, а в конечных – эмоционально нейтральное понижение (ИК-1);

7) отсутствие маркированного понижения тона (ИК-2а), с помощью которого может выражаться эмоциональная оценка;

8) преобладание автоматизированных синтагматических ударений, т. е. ударений, падающих на последнее фонетическое слово синтагмы (за исключением местоимения).

Все выделенные просодические признаки, характерные для стратегии безразличия, имеют общую природу: на наш взгляд, после прочтения начала текста диктор оценивает его как выходящий за пределы его понимания, вследствие чего данный диктор в принципе отказывается понять текст. Следствием этого является полное отсутствие просодических коррелятов эмоциональной оценки.

Следовательно, причиной, обуславливающей эмоционально немаркированное чтение делового текста в соответствии со стратегией безразличия, является отказ от понимания смысла текста. Можно предположить, что дикторы, применявшие данную стратегию чтения текста, в своем опыте речевой деятельности минимально имели дело с текстами такого рода.

Вторую стратегию предлагаем назвать **стратегией делового чтения**. Диктор без особого труда понимает смысл текста; квалифицирует его как текст соответствующего стиля и выбирает такие просодические характеристики, которые максимально адекватно передают его стилистическую маркированность.

Данная стратегия проявляется в просодических признаках, противоположных названным выше:

1) темп средний или замедленный – такая скорость чтения позволяет диктору, на основе бокового зрения, просмотреть следующую часть текста, что является обязательным условием смыслового прогнозирования при восприятии текста, характеризующегося чуждой предметной областью;

2) не менее половины межсинтагменных границ маркируется не только перепадом в мелодическом и динамическом контурах, но и паузой;

3) количество оговорок минимально;

4) диапазон средний;

5) понижение тона используется либо только в синтагмах, занимающих позицию абсолютного конца в высказывании, либо в середине высказывания на месте максимально слабых синтаксических связей (такой является связь между предикативными единицами бессоюзного сложно-

го предложения), ср.: *В этих "случаях" ик-4/1 // закупки "производятся" ик-6 // у хозяйственных ... организаций ик-4 // посредством заключаемых ... в соответствии с "законодательством" ик-4 // "договоров; ик-1 // "расчёты за эти товары" ик-3 // производятся в цезура "иностранной" ик-3, средний диапазон // или отечественной "валютах" ик-2а, средний регистр // в "зависимости" ик-6 // от характера "товара" ик-1;*

6) в просодическом оформлении текста максимально используются возможности интонационной системы русского языка, при этом чередование разных типов повышения и понижения тона осуществляется не «механически», а с учетом смысла соответствующих синтагм; так, плавное повышение тона (ИК-6), подчеркивающее незавершенность, используется прежде всего в сочинительном ряду (...могут "продавать" ик-4/1 // самостоятельно ик-6 // или через хозяйственные "организации" ик-6 ...) или в предпоследних синтагмах (см. пример, приведенный в п. (5));

7) в части неконечных синтагм обязательно используется нисходяще-восходящий тон (ИК-4), подчеркивающий официальный характер текста (см. пример, приведенный в п. (5));

8) маркированное понижение тона (ИК-2а) реализуется в синтагмах для выражения эксплицитного или имплицитного сравнения / противопоставления, ср.: *При "равных ... коммерческих" условиях ик-3 // "преимущество" ик-6 / имеют закупки "товаров" ик-6 // по сравнению с цезура их импортом ик-2а //;*

9) наличие двувершинных синтагм (см., например, первую синтагму в п. (8));

10) в тексте обязательно представлены логическое ударение и/или акцентное выделение, например: ... **"расчёты за эти товары"** ик-3 // производятся в цезура "иностранной" ик-3, средний диапазон // или отечественной "валютах" ик-2а, средний регистр //;

11) размер синтагм не достигает предельного объема оперативной памяти и составляет от трех до пяти фонетических слов (в отдельных случаях – одно-два слова).

Еще одной отличительной особенностью стратегии делового чтения является использование цезуры между неслововым предлогом и следующим знаменательным словом, например: *по сравнению с цезура их "импортом; и предприятия с цезура иностранным" капиталом.*

С психолингвистической точки зрения сущность стратегии делового чтения обусловлена наличием у диктора «презумпции осмысленности» (выражение В.Б. Касевича) всякого текста. Кроме того, глубокое понимание смысла предложенного текста свидетельствует о том, что данный носитель языка имел достаточно большой опыт восприятия различных текстов. Вследствие этого рациональная оценка органично сочетается с оценкой эмоциональной.

Третья стратегия чтения делового текста – **стратегия личностной оценки**.

К наиболее характерным просодическим признакам чтения в соответствии с этой стратегией можно отнести следующие:

1) наличие оговорок, замечаемых диктором и обязательно исправляемых – по этому параметру стратегия личностной оценки отличается и от первой, и от второй стратегии;

2) разнообразие типов интонационных конструкций, используемых как в конечных, так и в неконечных синтагмах – в этом отношении стратегия личностной оценки сближается со стратегией делового чтения, однако отличается от нее тем, что чередование разных типов повышения или понижения тона не всегда мотивировано смыслом;

3) преобладание эмоционально маркированного (ИК-2а), а не эмоционально нейтрального (ИК-1) понижения тона в конечных синтагмах;

4) доминирование в неконечных синтагмах резкого восходяще-нисходящего тона (ИК-3), являющегося отличительной особенностью живого, непосредственного общения, предполагающего личностную оценку содержания высказывания;

5) убыстренный общий темп чтения, обусловленный частым использованием ИК-3, которая, по сравнению с двумя другими типами повышения тона (ИК-4 и ИК-6), реализуется в более быстром темпе;

6) небольшое количество синтагм, включающих более трех-четырёх фонетических слов;

7) наличие эмфатического (иногда немотивированного) ударения, например: *В технико-экономическом "" обосновании, ИК-3, легкая усмешка / прилагаемом к "" заявке с просьбой о выдаче разрешения ИК-2а / на вложение "" инвестиций, ИК-3 // или на деловое "" сотрудничество, ИК-3 / стороны "договора ... о деловом сотрудничестве ИК-6 / и учредители предприятий с иностранным "капиталом ИК-6 должны включать / соответствующие "показатели ИК-1, глубокое понижение тона //;*

8) широкий диапазон, обусловленный высокой частотностью ИК-3 и наличием эмфатического ударения – по этим просодическим характеристикам стратегия личностной оценки существенно отличается от двух других.

С психолингвистической точки зрения, третья стратегия сходна со стратегией делового чтения: она также базируется на презумпции осмысленности всякого текста, что проявляется и в сходных просодических признаках. Отличие стратегии личностной оценки состоит в том, что в процессе осмысления текста рациональная оценка конкурирует с эмоциональной. С учетом сказанного эта стратегия может быть также названа **стратегией эмоциональной оценки**. Эта стратегия чтения делового текста, характеризующегося чуждой для диктора предметной областью, проявляется в противоречии между психологической установкой прело-

мать содержание текста через собственный опыт и отсутствием соответствующего опыта, что обуславливает не всегда адекватное (естественное) интонирование.

С психолингвистической точки зрения, понимание текста предполагает «постоянное взаимодействие языковых и энциклопедических знаний человека, постоянный “выход” на образ мира», что А.А. Залевская считает «обязательной основой, вне которой понимание и взаимопонимание попросту невозможны» [Залевская 2001: 63]. Проведенное исследование показало, что отсутствие личностного, эмоционально-оценочного отношения к воспринимаемому возможно только при условии полного непонимания смысла текста. Понимание же смысла текста обязательно предполагает ту или иную степень выражения эмоциональной оценки.

Список литературы

- Белянин В.П.* Основы психолингвистической диагностики (Модели мира в литературе). М.: Триволта, 2000. 248 с.
- Брызгунова Е.А.* Интонация // Русская грамматика: в 2 т. / глав. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Н.С. Авилова и др. С. 96–122.
- Венцов А.В., Касевич В.Б.* Проблемы восприятия речи. 2-е изд. М.: УРСС, 2003. 240 с.
- Виноградов В.В.* Понятие синтагмы в русском языке // Вопросы синтаксиса современного русского языка / под ред. В.В. Виноградова. М.: Учпедгиз РСФСР, 1950. С. 183–256.
- Дридзе Т.М.* Интерпретационные характеристики и классификация текстов (с учетом специфики интерпретационных сдвигов) // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации) / под ред. Т.М. Дридзе, А.А. Леонтьева. М.: Наука, 1976. С. 34–45.
- Жинкин Н.И.* Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. 158 с.
- Залевская А.А.* Текст и его понимание. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. 177 с.
- Звегинцев В.А.* Предложение и его отношение к языку и речи. 2-е изд., стер. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 312 с.
- Николаева Т.М.* От звука к тексту. М.: Языки русской культуры, 2000. 680 с.
- Николаева Т.М.* Фразовая интонация славянских языков. М.: Наука, 1977. 278 с.
- Щерба Л.В.* Фонетика французского языка. 7-е изд. М.: Высшая школа. 1953. 308 с.
- Miller G.A.* The Magical Number Seven: Plus or Minus Two: Some Limits on Our Capacity for Processing Information // Psychological Review. 1956. Vol. 101. № 2. P. 343–353.

References

- Belyanin, V.P. (2000), *Osnovy psikholingvisticheskoi diagnostiki (Modeli mira v literature)* [Fundamentals of Psycholinguistic diagnostics (The Patterns of World in Literature)], Moscow, Trivolta Publ., 248 p. (in Russian)

- Bryzgunova, E.A. (1980), Intonatsiya [The Intonation]. Shvedova, N.Yu. (Ed.) *Russkaya grammatika [The Russian Grammar]*, in 2 volumes, Moscow, Nauka Publ., Vol. 1, pp. 96-122. (in Russian)
- Dridze, T.M. (1976), Interpretatsionnye kharakteristiki i klassifikatsiya tekstov (s uchytom spetsifiki interpretatsionnykh sdvigov) [The Properties of Interpreting and the Classification of Texts (in Furtherance of Specific Interpreting Change)]. Dridze, T.M., Leont'ev, A.A. (Eds.) *Smyslovoe vospriyatie rechevogo soobshcheniya (v usloviyakh massovoi kommunikatsii) [Sense Perception in Speech Communication (in the Context of Mass Communication)]*, Moscow, Nauka Publ., pp. 34-45. (in Russian)
- Miller, G.A. (1956), The Magical Number Seven: Plus or Minus Two: Some Limits on Our Capacity for Processing Information. *Psychological Review*, Vol. 101, No. 2, pp. 343-353.
- Nikolaeva, T.M. (2000), *Ot zvuka k tekstu [From Sound to Text]*, Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 680 p. (in Russian)
- Nikolaeva, T.M. (1977), *Frazovaya intonatsiya slavyanskikh yazykov [Phrasal Intonation in Slavonic Languages]*, Moscow, Nauka Publ., 278 p. (in Russian)
- Shcherba, L.V. (1953), *Fonetika frantsuzskogo yazyka [The French Phonetics]*, 7th ed., Moscow, Vysshaya shkola Publ., 308 p. (in Russian)
- Ventsov, A.V., Kasevich, V.B. (2003), *Problemy vospriyatiya rechi [The Problems of Speech Perception]*, 2nd ed., Moscow, URSS Publ., 240 p. (in Russian)
- Vinogradov, V.V. (1950), Ponyatie sintagmy v russkom yazyke [The Notion of Syntagma in Russian]. Vinogradov, V.V. (Ed.) *Voprosy sintaksisa sovremennogo russkogo yazyka [Issues on Modern Russian Syntax]*, Moscow, Uchpedgiz RSFSR Publ., pp. 183-256. (in Russian)
- Zalevskaya, A.A. (2001), *Tekst i ego ponimanie [Text and Its Perception]*, Tver, Tver State University Publ., 177 p. (in Russian)
- Zhinkin, N.I. (1982), *Rech' kak provodnik informatsii [Speech as an Information Carrier]*, Moscow, Nauka Publ., 158 p. (in Russian)
- Zvegintsev, V.A. (2001), *Predlozhenie i ego otnoshenie k yazyku i rechi [The Sentence and its Attitude to Language and Speech]*, 2nd ed., Moscow, Editorial URSS Publ., 312 p. (in Russian)

THE STRATEGIES OF BUSINESS TEXT UNREHEARSED READING: THE ANALYSIS OF INTONATION

L.A. Piotrovskaya

Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia)

Abstract: The study compares the intonation arrangement during unrehearsed reading of the same business text with unknown content for research participants. The intonation analysis is based on two theories: a) intonation expresses the sense; b) sense relations between syntagmas and sentences are formed only in a text. The economic text (a fragment from an official document) that was tried by other linguists before was used as the data for the study. The results of the experimental research were interpreted taking into account two alternative hypotheses: 1) unknown con-

tent would predetermine the text perception by all research participants only on a “superficial level”; 2) both individual and group particular qualities of research participants should manifest in different degree of speech perception that is associated with different correlation of emotional and rational evaluation. It explores the role of intonation type (in accordance with the E. Bryzgunova’s classification), syntagmatic division, length of syntagma, means of syntagmatic division, position of syntagmatic stress, word stress peculiarities, dimension of melodic diapason, temporal peculiarities, hesitation pauses, and occurrence of reservations too. The data collected from 60 research participants indicate that there are three strategies: the indifference strategy, the business reading strategy and the strategy of personal evaluation that depends on integrative attitude, correlation of rational and emotional evaluation, and experience in reading business texts. The obtained results support the second hypothesis: the indifference strategy is realized only on conditions that the research participant doesn’t comprehend the text; the integrative attitude always assumes a combination of emotional and rational evaluation.

Key words: intonation, syntagmatic division, syntagmatic stress, intonation components, reading strategy, emotional evaluation, rational evaluation.

For citation:

Piotrovskaya, L.A. (2018), The strategies of bussines text unrehearsed reading: the analysis of intonation. *Communication Studies*, No. 1 (15), pp. 97-108. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.1.97-108. (in Russian)

About the author:

Piotrovskaya Larisa Alexandrovna, Prof., Professor of the Department of the Russian Language

Corresponding author:

Postal address: 48, reki Moiki nab., St. Petersburg, 191186, Russia

E-mail: larisa11799@yandex.ru

Received: November 11, 2017

Раздел III

**АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
В ИССЛЕДОВАНИИ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА**

Part III

**ACTUAL DIRECTIONS
IN THE FICTION AND POETRY
TEXTS RESEARCH**

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СТИХИИ *ОГОНЬ* В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

О.В. Балонкина

*Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники
(Томск, Россия)*

Аннотация: Представлено лингвокультурологическое исследование фразеологических единиц (ФЕ) русского языка, содержащих компонент *огонь*. Исследование строится с опорой на общепризнанный в языкознании факт о построении значений фразеологизмов на основе коннотаций их слов-компонентов. Отмечается очевидность наличествования коннотаций у слов – компонентов ФЕ, являющихся символами. Компонент *огонь* выбран для исследования в составе ФЕ, поскольку, являя собой одну из четырех первостихий (*огонь, вода, земля, воздух*), сохраняющих в своем значении элемент сакральности из представлений народностей древнейших эпох, интересен для исследования в символическом плане. Учитывая значимость символического аспекта в процессе возникновения фразеологизмов, приводится детальное рассмотрение данного понятия в работах ученых-исследователей. На основе проведенного анализа выявляются основополагающие, с точки зрения автора, характеристики понятия *символ*, которые учитываются при дальнейшем использовании данного термина. Признается мотивированность значений фразеологизмов, возникающая не только на основе символических воплощений стихии *огонь*, но также и существующая в результате переосмысления вещных свойств *огня*. Практическая часть работы содержит авторскую классификацию символических / вещных характеристик стихии *огонь*, мотивирующих возникновение фразеологических образов, созданную по результатам параллельного анализа внутренней формы и актуального значения фразеологизмов. В заключение обосновывается культурная значимость выявленных характеристик.

Ключевые слова: фразеологизм, огонь, образ, символ, характеристики символа, символические / вещные свойства.

Для цитирования:

Балонкина О.В. Фразеологическое представление стихии *огонь* в русской лингвокультуре // Коммуникативные исследования. 2018. № 1 (15). С. 111–121. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.1.111-121.

Сведения об авторе:

Балонкина Ольга Викторовна, старший преподаватель кафедры иностранных языков

Контактная информация:

Почтовый адрес: 634050, Россия, Томск, пр. Ленина, 40

E-mail: olya.balonkina@yandex.ru

Дата поступления статьи: 24.08.2017

Антропоцентрическая направленность современного языкознания обуславливает повышенное внимание к проблеме соотношения языка и культуры. Лингвокультурология – активно развивающееся направление лингвистики, которое непосредственно занимается изучением данного соотношения, исследует языковые единицы разных уровней, но приоритетным представляется описание фразеологического состава языка. Фразеологические единицы языка в исследованиях лингвокультурологической направленности занимают значимое место как наиболее насыщенные культурными смыслами фрагменты языковой системы. Присущая им устойчивость и воспроизводимость образов, способствующая хранению и транслированию культурной информации, является одной из форм коллективной культурной памяти (см.: [Телия 1996; Брагина 2007; Ковшова 2013] и др.). Культурно-национальная коннотация фразеологизмов «усваивается вместе с овладением языком, навязывает через мировидение, отраженное в характерных для данного народа образах фразеологизмов, обыденное для данной лингвокультурной общности культурно-национальное самосознание и способствует его межпоколенной трансляции вместе с использованием языка» [Телия 1996: 271].

Особенный интерес для изучения представляют фразеологизмы, содержащие имена – названия стихий, первоэлементов бытия (*огонь, вода, земля, воздух*), принадлежащие к наиболее архаическим, древним пластам национального состава языка. В настоящей статье представлено описание фразеологических единиц (далее – ФЕ) русского языка, содержащих компонент *огонь*, репрезентирующих набор устойчивых культурных образов.

Наряду с исследованиями других первостихий имеется ряд работ, посвященных изучению образа *огня*. Концепт «огонь» как совокупность ментальных структур исследуется на материале русского языка [Трофимова 2005; Верхотурова 2009], германских и древнегерманских языков [Галаева 2004; Протасова 2004], а также в сопоставительном аспекте на материале неродственных языков [Хайруллина 2009]. Образ *огня* исследовался вместе с другими именами стихий и на материале фразеологии английского языка [Литвинова 2006].

Изучения концепта характеризуются привлечением полевого подхода к описанию, проявляющегося в формировании различного рода полей (лексико-семантических, метафорических и др.), включающих помимо имени концепта и другие множественные языковые единицы, собранные в соответствии с целями исследований.

Отличительной особенностью предпринятого описания представляется направленность на выявление различных образных проявлений стихии *огня*, обозначенной непосредственно лексемой «огонь». Рассматривается, как понятие «стихия огня» закрепилось в русской фразеологии, как оно в составе фразеологизмов с компонентом *огонь* функционирует в русской лингвокультуре, какие демонстрирует семантические, семиотические проявления, с какими аспектами существования и жизнедеятельности человека соотносится.

Настоящее исследование исходит из общепризнанного в лингвистике факта, что значение фразеологизмов строится на основе коннотаций слов – компонентов ФЕ (либо всей ситуации, описываемой ФЕ в целом). Очевидным представляется, что коннотации, способные служить мотивом возникновения ФЕ, в первую очередь наличествуют у слова, если это слово является символом в рамках данной культуры. «Устойчивые стереотипические словосочетания и фразы часто представляют собой структуры, отражающие определенные периоды состояния и развития каждого конкретного языка, его историю. Жизнь этих языковых единиц в речи позволяет наблюдать формирование и рождение новых знаков, благодаря использованию собственных ресурсов, накопившихся в языке, а также проливает свет на роль символизации в процессе образования новых значений и даже новых слов» [Черданцева 1996: 58].

Отмечая значимость символьного аспекта в процессе возникновения фразеологизмов, необходимым представляется более детальное рассмотрение данного явления в настоящем исследовании.

Понятие *символ* не единожды подвергалось глубинному анализу в рамках гуманитарных изысканий, в том числе лингвистических. Так, А.Ф. Лосев отмечает следующие существенные для понимания понятия символа характеристики: «всякий символ вещи есть ее отражение» («отражение, но уже в сознании и мышлении»); «символ указывает на некоторый предмет, выходящий за пределы его непосредственного содержания. Он всегда содержит в себе некоторого рода смысл, но не просто смысл самих вещей, отражающих друг друга. Смысл всегда указывает на нечто иное»; «всякий символ вещи в какой-то мере есть ее изображение»; «всякий символ всегда есть некоторого рода обобщение»; «без момента знаковости решительно невозможно добиться существенного определения символа»; «смысл, перенесенный с одного предмета на другой, настолько глубоко и всесторонне сливается с этим вторым предметом, что их уже становится невозможно отделять один от другого. Символ в этом смысле есть полное взаимопроникновение идейной образности вещи с самой вещью. В символе мы обязательно находим тождество, взаимопроникновенность означаемой вещи и означающей ее идейной образности», т. е. «в символе означающее и означаемое обязательно смыкаются в одной точ-

ке, как бы они различны ни были сами по себе. По своему субстрату они разные, а по своему смыслу – одно и то же» [Лосев 1976: 36–61].

Изучением понятия *символ* занимается Ю.М. Лотман, который выявляет следующие характерные для символа черты: безусловная принадлежность семиотической сфере, т. е. знаковая природа; наличие иконического элемента – определенного подобия между планами выражения и содержания; «представление о символе связано с идеей некоторого содержания, которое, в свою очередь, служит планом выражения для другого, как правило, культурно более ценного, содержания»; «символ... и в плане выражения, и в плане содержания всегда представляет собой некоторый текст, т. е. обладает некоторым единым замкнутым в себе значением и отчетливо выраженной границей, позволяющей ясно выделить его из окружающего семиотического контекста»; «в символе всегда есть что-то архаическое»; за символами сохранилась «способность сохранять в свернутом виде исключительно обширные и значительные тексты»; «символ никогда не принадлежит какому-либо одному синхронному срезу культуры – он всегда пронзает этот срез по вертикали, приходя из прошлого в будущее», так «символы представляют собой один из наиболее устойчивых элементов культурного континуума» [Лотман 1987: 10–13].

Н.Д. Арутюнова исследует понятие *символ* наряду с *метафорой*, *образом*, *знаком*. На основе параллельного анализа сущности *символа* и указанных семиотических понятий ученый выявляет следующие его особенности: образное основание символа, ведущее свою смысловую составляющую «в сторону стабилизации формы», и именно этот путь «в конечном счете и приводит к собственно семиотическому концепту знака»; в отличие от метафоры, «*символ* почти в одинаковой мере способен синонимизироваться и с именем *образ*, и с существительным *знак*»; в иерархическом отношении символ занимает высшую позицию, «до символов возвышаются, поднимаются, вырастают», в линейном же отношении «посредничает между образом и знаком»; символ «приобретает способность к постоянному смысловому углублению и обогащению»; «если *образ* опирается на предметный мир, то *символ* перенес точку опоры на мир смыслов, ср.: образ матери и символ материнской любви, образ героя и символ героизма»; переход от образа «к символу (и от образа, и даже от знака) определяется факторами экстралингвистического порядка», «символ унаследовал власть от образа, трансформировав ее в социальную и культурную функцию» [Арутюнова 1999: 337–340].

М.Л. Ковшова приводит следующее определение: «Символы – это знаки, избранные в процессе мировосприятия и осознания мира для устойчивого, регулярного воплощения в них ценностного содержания культуры, ее основных категорий, ее смыслов» [Ковшова 2013: 211].

Подробное изучение работ, посвященных символу, а также символьному значению единиц языка (см.: [Лосев 1976; Лотман 1987; Арутюнова

1999; Ковшова 2013; Тодоров 1999; Медведева 2000; Тараканова 2012], позволяет выделить следующие взаимосвязанные, основополагающие, по нашему мнению, характеристики, в своей сумме отличающие понятие *символ*: знаковость; принадлежность к сфере культуры; обобщенность (в том числе способность символов вбирать в себя множество смыслов и оттенков значения); иконичность (наличие подобия между планом выражения и планом содержания); узнаваемость для носителей языка (подробнее см.: [Балонкина 2017]). Далее, используя термин *символ*, будем учитывать перечисленные свойства.

Отмечая характеристики символа, разделяем взгляды А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского и соглашаемся с их мнением в том, что особенностью символа можно выделить и его «вещность», т. е. прямую или опосредованную принадлежность миру вещей. Символом, по мнению ученых, «может быть вещь или ее свойство, наделенные в вещном мире специфическими функциями» [Баранов, Добровольский 1995: 85].

Имена – названия стихий в составе ФЕ представляют интерес для изучения в символическом аспекте, так как они сохраняют свое символическое значение «первостихий» из представлений народностей древнейших эпох. С другой стороны, *огонь*, *вода*, *земля* и *воздух* обладают определенными физическими свойствами, это «вещные сущности», способные мотивировать создание ФЕ, не будучи символами.

Настоящее описание представляет анализ фразеологических единиц русского языка с компонентом *огонь* с целью определения набора символических либо вещных значений *огня*, бытующих в русской лингвокультуре. Анализу подлежала 21 идиома русского языка, отобранная приемом сплошной выборки из различных фразеологических словарей¹. С помощью параллельного анализа внутренней формы и актуального значения фразеологизмов, учитывая историко-этимологические данные, были выделены классы фразеологизмов с компонентом *огонь*, объединенные тем или иным символическим либо вещным значением. Обратимся к результатам исследования.

Следующие группы ФЕ содержат идиомы, в которых компонент *огонь* проявляет символьные характеристики:

1. Огонь – как символ опасности. В данную группу вошли такие фразеологизмы, как: *между двух огней* – ‘в таком положении, когда опасность или неприятность угрожает с двух сторон’, *играть (шутить) с огнем* – ‘поступать неосмотрительно, неосторожно, не думая о последствиях’, *из огня да в полымя* – ‘из одной неприятности в другую, еще большую’, *как огня (бояться)* – ‘очень сильно, панически (бояться кого-либо, чего-либо)’.

¹ Большой фразеологический словарь русского языка / [авт.-сост. И.С. Брилева и др.]; отв. ред. В.Н. Телия. М., 2009. 781 с.; Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX вв.: Около 7000 словарных статей / под ред. А.И. Федорова. М., 1995. 608 с.; Фразеологический словарь русского языка: свыше 4 000 словарных статей / сост. Л.А. Войнова [и др.]; под ред. А.И. Молоткова. М., 1978. 543 с.

В образах приведенных ФЕ *огонь* представляется **опасной стихией** (в некоторых случаях вместе со *стихией воды*), способной причинить неприятности, боль, вред, вселяющей опасения и даже страх. С такой стихией не шутят, ее боятся и опасаются. Работа (выполнение каких-либо действий), связанная с пребыванием в непосредственной близости с *огнем*, также считается опасной и трудной, что отражается в образе фразеологизма *тащить каштаны из огня* – ‘выполнять очень трудную работу, результатами которой пользуется другой’.

В то же время прошедшие *огонь* (опасное испытание *огнем*), либо намеренно готовые пройти такое испытание, принять на себя встречу с опасной стихией, вызывают уважение: *(идти, пойти) в огонь и в воду* – ‘(идти, пойти) на все, на любые самоотверженные поступки, не раздумывая, жертвуя всем’, *пройти (сквозь) огонь и воду (и медные трубы)* – ‘испытать, перенести в жизни многое, побывать в различных трудных положениях, переделках’.

К данной группе отнесем и два фразеологизма, в образах которых *огонь* представляется неким орудием, создающим опасность: *огнем и мечом* (книжн.) – ‘с беспощадной жестокостью, применяя самые крайние меры насилия, принуждения’, *предавать (предать) огню и мечу* – ‘беспощадно разорять, уничтожая и сжигая все (о земле, стране, народе)’; такой образ создается при использовании лексемы «огонь» в сочетании с лексемой «меч», который являет собой оружие – орудие, несущее смерть.

Действительно, с глубокой древности *огонь* в русской культуре почитали, уважали, боялись разгневать. Почтительным отношением к *огню* определялись различные запреты. В *огонь* нельзя плевать, мочиться, бросать ничего «нечистого», «нельзя было ругать, проклинать *огонь*, “посылать” его к дьяволу. Одним из самых страшных проклятий было пожелание никогда не увидеть *огонь* в своем доме» [Белова, Узенёва 2004: 514].

Вместе с тем стихия *огня* наделялась неоднозначной символикой: «На одном полюсе – образ грозного, яростного, мстительного пламени, грозящего смертью и уничтожением. На другом – стихия очищающего пламени, несущего свет и тепло, воплощающего творческое, активное начало» [Топорков 1995: 284]. Образ *огня*, символизирующего такое активное, творческое начало, находит отражение в следующей группе фразеологизмов.

2. Огонь – как символ душевного стремления, душевного пыла, задора, творческой активности. К данной группе относим следующие ФЕ: *с огоньком* – ‘с интересом, с увлечением, с подъемом (делать что-либо)’, *с огнем (делать, исполнять что-либо)* – ‘испытывая душевный подъем, с вдохновением’, *гореть (пылать, зажигаться и т. п.) огнем* – ‘ярко блеснуть от возбуждения, страсти (о глазах, взгляде), (разжечь, разжигать, раздувать) *огонь любви, желаний, мести* и т. п. – ‘создавать условия (прикладывать усилия) для возникновения любви, мести и т. п.’, *Прометеев огонь* (книжн.) – ‘неугасающее стремление к достижению высоких, бла-

городных целей'. В приведенных фразеологизмах образ *огня* отображает аспекты внутреннего мира человека, когда стихия (страсть) бушует не во внешнем мире, а в душе индивида, побуждая на какие-либо свершения, достижения как в профессиональной либо бытовой сфере, так и в любовной.

Далее приведены группы ФЕ, содержащие идиомы, в которых компонент *огонь* проявляет вещные характеристики:

1. Огонь создает свет, яркость. К данной группе относим фразеологизмы: *днем с огнем* – 'очень трудно, с большим трудом (можно найти, отыскать и т. п.)'. О ком-либо или о чем-либо редком, выдающемся', *на огонек* – 'мимоходом (зайти, завернуть к кому-либо)', *потешные огни* – 'фейерверки', *блестеть (блистать, сверкать и т. п.) огнем (как огонь)* – 'об очень блестящих, сверкающих предметах'. В образе фразеологизма *днем с огнем* воплощается идея добавления света (света от *огня*) для облегчения каких-либо поисков, туда, где его достаточно (день – светлая часть суток), что характеризует такие поиски как невероятно трудные: *днем с огнем* не найти! Образ идиомы *на огонек* создается в большой степени за счет словоформы *огонек*, рисуя в сознании адресата некий приглашающий, дружелюбный, приветливый *свет* (в окошке либо от костра и т. п.), создающий элемент спонтанности в семантике данной ФЕ. Образ фразеологизма *потешные огни* передает идею цветных, ярких, задорных огней, созданных, зажженных для увеселения публики.

2. Огонь несет тепло, жар. Сюда относим фразеологизм *гореть как в огне* – 'быть очень горячим (о болящем, недомогающем человеке)'.

3. Огонь имеет свойство гореть сильнее, если в него попадают горючие вещества. Образ фразеологизма *подливать масла в огонь* – '1) обострять отношения, углублять какие-либо чувства, настроения и т. п.; 2) разжигать, повышать интерес, внимание к чему-либо' – мотивирован именно этим свойством *огня*.

4. Огонь имеет свойство сжигать, превращать предметы в пепел. В данную группу отнесены идиомы: *предать (предавать) огню* – 'сжечь', *как на огне горит* – 'что-либо быстро изнашивается, приходит в негодность'.

Результаты проведенного исследования показали, что значения фразеологических единиц могут быть мотивированы как символическими свойствами компонента *огонь* в их составе, так и вещными. Наиболее разработанной, многочисленной является символическая группа фразеологизмов. Основной образ-символ, переданный компонентом *огонь* в составе собранных идиом, – это «опасность, опасная стихия», который является преваляющим. Также стихия *огня* предстает в составе ФЕ в образе «огонька, огня», символизирующего задор, душевное стремление. Группы идиом, мотивированные вещными характеристиками *огня*, являются менее наполненными и представлены в основном одной-двумя ФЕ. Это такие характеристики, как свет; тепло, жар; свойство гореть сильнее при попада-

нии в *огонь* горючих веществ; свойство сжигать, превращать предметы в пепел.

Таким образом, в русской лингвокультуре стихия *огня* связывается с двумя сферами существования человека: физической, где *огонь* воспринимается прежде всего как символ опасности, грозящей уничтожением, и духовной, где *огонь* символизирует внутренний, в большей степени созидательный жар.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 895 с.
- Балонкина О.В.* Лингвокультурная значимость имени первостихии вода в составе русских и английских фразеологизмов // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 423. С. 5–14. DOI: 10.17223/15617793/423/1.
- Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Знаковые функции вещных сущностей // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность: к 60-летию Ю.Н. Караулова: сб. ст. / ред.: Ю.С. Степанов, Е.А. Земская, А.М. Молдован. М.: Ин-т рус. яз. РАН, 1995. С. 80–90.
- Белова О.В., Узенёва Е.С.* Огонь // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого; Российская академия наук, Институт славяноведения. М.: Международные отношения, 1995–2012. Т. 3: К–П. 2004. С. 513–519.
- Брагина Н.Г.* Память в языке и культуре. М.: Языки славянских культур, 2007. 514 с.
- Верхотурова К.С.* Огонь в зеркале русского языка: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009. 213 с.
- Галаева М.Н.* Лексико-семантическая мотивированность слов со значением «огонь» в германских языках: дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 145 с.
- Ковшова М.Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. 2-е изд. М.: Либроком, 2013. 453 с.
- Литвинова С.А.* Фразеологические единицы, содержащие компоненты, обозначающие названия стихий (вода, воздух, огонь, земля) в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 185 с.
- Лосев А.Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1976. 367 с.
- Лотман Ю.М.* Символ в системе культуры // Труды по знаковым системам. 21 / ред. тома Ю.М. Лотман. Тарту: Тартус. гос. ун-т, 1987. С. 10–21.
- Медведева А.В.* Символическое значение как тип значения слова (на материале русских и английских обозначений обиходно-бытовых ситуаций, предметов и явлений материальной культуры): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2000. 190 с.
- Протасова А.К.* Вербализация концепта «огонь» в древнегерманских языках: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2004. 139 с.
- Тараканова Д.А.* Символический компонент значения диалектного слова (на материале говоров Среднего Приобья): дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2012. 192 с.

- Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 284 с.
- Тодоров Ц. Теории символа / пер. с фр. Б. Нарумова. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 384 с.
- Топорков Л.А. Огонь // Славянская мифология: энциклопедический словарь / науч. ред.: В.Я. Петрухин и др. М.: Эллис Лак, 1995. С. 284–285.
- Трофимова А.В. Концепт «ОГОНЬ» в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 212 с.
- Хайруллина Д.Д. Бинарные концепты «Огонь» и «Вода» как фрагмент языковой картины мира: на примере английского и татарского языков: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2009. 237 с.
- Черданцева Т.З. Идиоматика и культура (постановка вопроса) // Вопросы языкознания. 1996. № 1. С. 58–70.

References

- Arutyunova, N.D. (1999), *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the world of a person], 2nd ed., Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 895 p. (in Russian)
- Balonkina, O.V. (2017), Linguocultural Value of the Element Water as a Component of Russian and English Idioms. *Tomsk State University Journal*, No. 423, pp. 5-14. DOI: 10.17223/15617793/423/1. (in Russian)
- Baranov, A.N., Dobrovolskii, D.O. (1995), *Znakovye funktsii veshchnykh sushchnostei* [Sign functions of material essence]. Stepanov, Yu.S., Zemskaya, E.A., Moldovan, A.M. (Eds.) *Yazyk – sistema. Yazyk – tekst. Yazyk – sposobnost'* [Language is a system. Language is a text. Language is an ability], to the 60th anniversary of Yu.N. Karaulov, collection of articles, Moscow, Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences Publ., pp. 80-90. (in Russian)
- Belova, O.V., Uzenyova, E.S. (2004), *Ogon'* [Fire]. Tolstoi, N.I. (Ed.) *Slavyanskije drevnosti* [Slavic ancientry], The ethnolinguistic dictionary, in 5 volumes, Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., Vol. 3, pp. 513-519. (in Russian)
- Bragina, N.G. (2007), *Pamyat' v yazyke i kul'ture* [Memory in Language and Culture], Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 514 p. (in Russian)
- Čerdanceva, T.Z. (1996), Idiomatic phrases and culture. *Topics in the study of language*, No. 1, pp. 58-70. (in Russian)
- Galaeva, M.N. (2004), *Leksiko-semanticheskaya motivirovannost' slov so znacheniem "ogon'" v germanskikh yazykakh* [Lexico-semantic motivation of words with value of "fire" in the German languages], Dissertation, Moscow, 145 p. (in Russian)
- Khairullina, D.D. (2009), *Binarnye kontsepty "Ogon'" i "Voda" kak fragment yazykovoi kartiny mira: na primere angliiskogo i tatarskogo yazykov* [Binary concepts "Fire" and "Water" as fragment of a language picture of the world: on the example of the English and Tatar languages], Dissertation, Kazan, 237 p. (in Russian)
- Kovshova, M.L. (2013), *Lingvokul'turologicheskii metod vo frazeologii: kody kul'tury* [Linguistic and cultural method in phraseology: culture codes], 2nd ed., Moscow, Librokom Publ., 453 p. (in Russian)
- Litvinova, S.A. (2006), *Frazeologicheskie edinitsy, sodержashchie komponenty, oboznachayushchie nazvaniya stikhii (voda, vozdukh, ogon', zemlya) v sovremennom angliiskom yazyke* [The phraseological units containing the components designating the elements of nature (water, air, fire, earth) in modern English]

- nating names of elements (Water, Air, Fire, Earth) in modern English*], Dissertation, Moscow, 185 p. (in Russian)
- Losev, A.F. (1976), *Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo [The problem of the symbol and realistic art]*, Moscow, Iskusstvo Publ., 367 p. (in Russian)
- Lotman, Yu.M. (1987), *Simvol v sisteme kul'tury [Symbol in the system of culture]*. Lotman, Yu.M. (Ed.) *Trudy po znakovym sistemam. 21 [Proceedings on sign systems. 21]*, Tartu, Tartu State University Publ., pp. 10-21. (in Russian)
- Medvedeva, A.V. *Simvolicheskoe znachenie kak tip znacheniya slova (na materiale russkikh i angliiskikh oboznachenii obikhodno-bytovykh situatsii, predmetov i yavlenii material'noi kul'tury) [Symbolical value as word meaning type (on material of the Russian and English designations of everyday situations, objects and phenomena of material culture)]*, Dissertation, Voronezh, 2000, 190 p. (in Russian)
- Protasova, A.K. (2004), *Verbalizatsiya kontsepta "ogon'" v drevnegermanskikh yazykakh [Verbalization of a concept of "fire" in Old-German languages]*, Dissertation, Tomsk, 139 p. (in Russian)
- Tarakanova, D.A. (2012), *Simvolicheskii komponent znacheniya dialektного slova (na materiale govorov Srednego Priob'ya) [A symbolical component of value of a dialectal word (on material of dialects of the Middle Ob Region)]*, Dissertation, Tomsk, 192 p. (in Russian)
- Teliya, V.N. (1996), *Russkaya frazeologiya: Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvo-kul'turologicheskii aspekty [Russian phraseology: Semantic, pragmatic and linguo-cultural aspects]*, Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 284 p. (in Russian)
- Todorov, Tz. (1999), *Theories of the Symbol*, Moscow, Dom intellektual'noi knigi Publ., 384 p. (in Russian)
- Toporkov, L.A. (1995), *Ogon' [Fire]*. Petrukhin, V.Ya. (Ed.) *Slavyanskaya mifologiya [Slavic mythology]*, encyclopedic dictionary, Moscow, Ellis Lak Publ., pp. 284-285. (in Russian)
- Trofimova, A.V. (2005), *Kontsept "OGON'" v sovremennom russkom yazyke [Concept "FIRE" in modern Russian]*, Dissertation, Moscow, 212 p. (in Russian)
- Verkhoturova, K.S. (2009), *Ogon' v zerkale russkogo yazyka [Fire in the mirror of Russian]*, Dissertation, Yekaterinburg, 213 p. (in Russian)

PHRASEOLOGICAL REPRESENTATION OF THE ELEMENT *FIRE* IN RUSSIAN LANGUAGE CULTURE

O.V. Balonkina

Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russia)

Abstract: The article represents linguoculturological research of phraseological units of the Russian language with the component *fire*. The study is based on the generally accepted in linguistics view that meaning of idioms is founded in terms of connotations of their words-components. It's obvious for symbolic words-components of phraseological units to possess connotations. The item *fire* was not accidentally chosen for studying as an idiom component. Representing one of the four elements (*Fire, Water, Earth, Air*), preserving in their meanings an element of sacred significance from the ancient nations beliefs, *fire* as an idiom compo-

ment is attractive for investigating in the symbolic scope. Considering the significance of symbolic aspect in the process of idioms appearance the detailed evaluation of notion of *symbol* in the works of scientists is provided. Based on the conducted analysis essential characteristics of *symbol*, from author's viewpoint, are revealed and taken to account in further narration. Motivation of idioms meanings based not only on symbolic embodiments of the element *fire* but also as existed reinterpretation of the result of property qualities of *fire* is accepted. The practical part of the paper represents author's classification of symbolic / property characteristics of the element *fire* motivating the appearance of phraseological images. The classification was created as the result of parallel analysis of the inner form and actual meaning of idioms. In conclusion cultural value of the revealed characteristics is justified.

Key words: idiom, fire, image, symbol, characteristics of symbol, symbolic / property characteristics.

For citation:

Balonkina, O.V. (2018), Phraseological representation of the element *fire* in Russian language culture. *Communication Studies*, No. 1 (15), pp. 111-121. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.1.111-121. (in Russian)

About the author:

Balonkina Olga Victorovna, senior lecturer of the Department of Foreign Languages

Corresponding author:

Postal address: 40, Lenina pr., Tomsk, 634050, Russia

E-mail: olya.balonkina@yandex.ru

Received: August 24, 2017

УДК 81'38

DOI 10.25513/2413-6182.2018.1.122-134

**ПЕРСПЕКТИВЫ КОММУНИКАТИВНОЙ СТИЛИСТИКИ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ МИХАИЛА БУЛГАКОВА)**

И.П. Зайцева

*Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
(Витебск, Беларусь)*

Аннотация: С позиций коммуникативной стилистики художественного текста анализируются особенности образного осмысления авторами (повествователем в прозе и драматургом в пьесе) соотносимых персонажей в словесно-художественных дискурсах различной родо-литературной принадлежности: прозаическом и драматургическом. Исследовательская значимость проведенных наблюдений возрастает в связи с тем, что рассматриваемые словесно-художественные произведения принадлежат перу одного автора, являясь компонентами его творческого дискурса. Осуществленный анализ подтверждает, что в прозе и драматургии, в связи с различными конструктивными параметрами каждого жанрового феномена, фигура автора имеет различную степень представленности, а также художественно воплощается в разных формах, в значительной степени обусловленных своеобразием идиолекта художника слова.

Ключевые слова: коммуникативная стилистика художественного текста, эпос, драматургия, автор, повествователь, дискурс, идиостиль.

Для цитирования:

Зайцева И.П. Перспективы коммуникативной стилистики художественного текста (на материале произведений Михаила Булгакова) // Коммуникативные исследования. 2018. № 1 (15). С. 122–134. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.1.122-134.

Сведения об авторе:

Зайцева Ирина Павловна, доктор филологических наук, профессор

Контактная информация:

Почтовый адрес: 210038, Беларусь, Витебск, Московский пр., 33

E-mail: irinazaj91@mail.ru

Дата поступления статьи: 16.09.2017

В современных исследованиях по проблемам художественной речи, в связи с утверждением в гуманитарной науке антропоцентрической парадигмы в качестве ведущей, лингвопрагматический и коммуникативно-стилистический аспекты закономерно вошли в число наиболее значимых как при комплексном, так и при фрагментарном анализе своеобразия словесного пространства литературных произведений.

Так, к примеру, в рамках активно развивающейся сегодня **коммуникативной стилистики текста** и ее ответвления – **коммуникативной стилистики художественного текста** (см., в частности: [Болотнова 2003, 2009]) – сформировались дополнительные, и при этом весьма широкие, возможности для более глубокого и многоаспектного осмысления **образа автора** в словесно-художественном произведении, прежде всего в качестве **адресанта**, коммуницирующего с **адресатом-читателем** и, соответственно, привлекающего в процессе этого общения целый арсенал разного рода средств воздействия на читательское сознание, донесения до него своей авторской концепции.

Представляется, что при анализе литературно-художественных произведений в русле основных идей коммуникативной стилистики необходимо, среди прочих, принимать во внимание тот факт, что в художественных дискурсах различной родо-литературной принадлежности (наиболее традиционная точка зрения, как известно, предполагает деление литературных родов на *эпос*, *лирику* и *драму*) автор имеет неодинаковые как формы, так и меру представленности, что, безусловно, предопределяет и различные идиостилевые проявления в каждой словесно-художественной структуре (напомним, что идиостиль входит в число приоритетных для изучения коммуникативной стилистикой текста категорий – подробнее об этом см.: [Болотнова 2003; Болотнова, Болотнов 2012]). Н.С. Болотнова отмечает, что «идиостиль проявляется как в “доминантных личностных смыслах”, характерных для автора (эту особенность идиостиля впервые отметила В.А. Пищальникова...), так и в **специфике смыслового развертывания текста, в характере моделирования их смысловой структуры**. Этот аспект коммуникативной стилистики художественного текста остается неизученным, составляя особое направление исследований, осуществляемых на стыке с филологической герменевтикой. При этом характер смыслового развертывания текста на основе его комплексного лингвостилистического изучения **значим не только сам по себе, но и для выявления идиостиля автора и приобщения к его взгляду на мир** (выделено мною. – И. З.). Знание идиостиля автора открывает новые смысловые глубины его творений. В лингвостилистическом анализе текста коммуникативная стилистика художественного текста преимущественное внимание уделяет его лексическому уровню как наиболее значимому в выражении смысла» [Болотнова 2003: 160].

Необыкновенно «выгодным» исследовательским материалом для рассмотрения с означенных позиций (как, впрочем, и для изучения во многих других аспектах) в этом случае оказываются, по нашему мнению, произведения одного автора, сходные (иногда – практически идентичные) по сюжетно-фабульной основе, но принадлежащие при этом к разным литературным родам (и, соответственно, к различным жанровым формам). Такие случаи нечасты в истории литературного процесса, однако тем большую ценность представляют для исследователя словесно-художественные структуры подобного рода, позволяющие проследить за процессом создания писателем эстетических феноменов, своеобразии которых обусловлено, с одной стороны, спецификой отражения действительности в том или ином роде литературы, а с другой – безусловным влиянием особенностей идиолекта конкретного художника слова.

В одной из предыдущих публикаций нам уже приходилось обращаться к заявленной проблеме, устанавливая некоторые особенности воплощения сходных (практически тождественных) сюжетов одним и тем же автором в ипостасях прозаика и драматурга – при сопоставлении произведений, принадлежащих перу современной писательницы Виктории Токаревой: рассказа «Рарака» и пьесы «Ну и пусть», – что позволило, как представляется, прийти к ряду довольно любопытных выводов (см.: [Зайцева 2016]).

Настоящая публикация содержит некоторые наблюдения над своеобразием форм художественного воплощения автора в словесно-художественных структурах, также созданных одним автором и при этом принадлежащих к разным литературным родам – эпическому и драматическому. Материалом исследования в данном случае послужили два произведения Михаила Афанасьевича Булгакова: созданный на протяжении 1922–1924 гг. **роман** «Белая гвардия» и написанная в 1925–1926 гг. **пьеса** «Дни Турбиных».

Между романом «Белая гвардия» и пьесой «Дни Турбиных», на первый взгляд, существует весьма незначительная для творчества автора в целом временная дистанция (оба произведения были созданы писателем на протяжении пяти лет), однако принципы освещения в них одних и тех же событий (как общественных, так и личного характера) не во всем совпадают, а иногда и довольно существенно разнятся. Отчасти это обусловлено принадлежностью словесно-художественных структур к разным литературным родам, отчасти – причинами иного свойства; ср., например, высказывание одного из исследователей творчества М.А. Булгакова: «Между романом “Белая гвардия” и пьесой “Дни Турбиных” пролегает огромная дистанция, не слишком долгая по времени, но весьма значительная в содержательном отношении. Промежуточным звеном этого пути явилась инсценировка, представленная писателем в Художественный театр, которая в дальнейшем была подвергнута существенной переработке. Процесс превращения романа в пьесу, в который были вовлече-

ны многие лица, протекал в условиях двойного “нажима”: со стороны “художественников”, добивавшихся от писателя большей (в их понятиях) сценичности, и со стороны цензуры, инстанций идейного слежения, требовавших показать со всей определенностью “конец белых” (один из вариантов названия). Окончательная редакция пьесы явилась следствием серьезного художественного компромисса. Оригинальный авторский слой в ней покрыт множеством посторонних наслоений. Более всего это заметно в образе полковника Турбина, который периодически скрывает свое лицо под маской резонера и как бы выходит из роли, чтобы заявить, обращаясь более к партеру, чем к сцене: “Народ не с нами. Он против нас”» [Стахорский 1988: 415–416].

В романе «Белая гвардия» автором избран объективированный тип повествования (от третьего лица), уже изначально дистанцирующий повествователя от своих персонажей, что а priori превращает автора в «стороннего наблюдателя», который рассказывает об изображаемых событиях, стараясь при этом сохранять своего рода нейтралитет (по выражению В.Е. Хализева, «повествователь рассказывает о событиях с невозмутимым спокойствием. Ему внятно всё, присущ дар всеведения» [Хализев 1999: 301]).

Точка зрения автора на происходящее в создаваемом им словесно-художественном пространстве концентрируется в этом случае не столько на характеристиках, которые даются им персонажам и сопровождают события (т. е. принадлежащих повествователю), сколько на художественно воплощаемых позициях (по тому или иному поводу) других героев произведения, а также на их взаимоотношениях, через посредство которых писатель и имеет в первую очередь возможность передать свое отношение и к выведенным в произведении лицам, и ко всем происходящим с ними событиям.

Сравним способы художественного осмысления в двух произведениях М. Булгакова одного из подаваемых – несмотря на очевидный трагизм изображенных в этих произведениях событий – явно комически как в романе, так и в пьесе образов: образа Иллариона Илларионовича (Ларион Ларионыч) Суржанского, двадцати одного года (информация из пьесы), племянника мужа Елены Васильевны Тальберг (в девичестве Турбиной), Сергея Ивановича Тальберга. Впрочем, этот персонаж куда более известен как **Лариосик** либо **кузен из Житомира** (примечательно, что в списке действующих лиц пьесы он именно так и представлен: «**Лариосик** – житомирский кузен, 21 года», что уже само по себе является характеристикой). Даже при поверхностном сопоставлении анализируемых произведений М. Булгакова очевидно, что роль образа Иллариона в смысловом развертывании текстов романа и пьесы отлична.

В романе Ларион появляется в один из самых драматических и, безусловно, трагических моментов: Елена и Николка, предчувствуя беду,

всю ночь напрасно ожидали каких-либо известий об их пропавшем брате Алексее. К утру Николку сморил тревожный сон, при переходе из которого в действительность он был так поражен увиденным наяву, что принял это за продолжение ночного кошмара: *Николка в ужасе прижался к стене и уставился на видение. Видение было в коричневом френче, коричневых же штанах-галифе и сапогах с жёлтыми жокейскими отворотами. Глаза, мутные и скорбные, глядели из глубочайших орбит невероятно огромной головы, коротко остриженной. Несомненно, оно было молодо, видение-то, но кожа у него была на лице старческая, серенькая, и зубы глядели, кривые и жёлтые. В руках у видения находилась большая клетка с накинутым на неё чёрным платком и распечатанное голубое письмо...*

«Это я ещё не проснулся», – сообразил Николка и сделал движение рукой, стараясь разодрать видение, как паутину, и пребольно ткнулся пальцами в прутья (здесь и далее выделено мною. – И. З.). *В чёрной клетке тотчас, как взбесилась, закричала птица и засвистала, и затарахтела.*

– Николка! – где-то далеко-далеко прокричал Еленин голос в тревоге.

«Господи Иисусе, – подумал Николка, – нет, я проснулся, но сразу же сошёл с ума, и знаю от чего – от военного переутомления. Боже мой! И вижу уже чепуху... а пальцы? Боже! Алексей не вернулся... ах да... он не вернулся... убили... ой, ой, ой! (М. Булгаков. Белая гвардия).

Первое появление в романе Лариона – крайне несимпатичного «видения», погрузившего Николку в ужас и оказавшегося впоследствии именно «кузеном из Житомира», – изображено в романе явно сатирически, даже гротескно и уж никак не способно вызвать у читателя симпатию: *Глаза, мутные и скорбные, глядели из глубочайших орбит невероятно огромной головы, коротко остриженной. Несомненно, оно было молодо, видение-то, но кожа у него была на лице старческая, серенькая, и зубы глядели, кривые и жёлтые.*

Все использованные в приведенном фрагменте художественно-образительные средства: эпитеты (*глаза, мутные и скорбные; кожа старческая, серенькая*), метафора в сочетании с эпитетами (*зубы глядели, кривые и жёлтые*), гиперболы (*глубочайшие орбиты (глаз); невероятно огромная голова*) и др. – во-первых, совершенно не вяжутся с возрастом личности, для характеристики которой они употреблены; во-вторых, беспощадно, в явно преувеличенном виде демонстрируют читателю все недостатки внешности характеризуемого. И хотя в смысловом развертывании романа читатель впервые знакомится с Ларионом через «посредника» – Николку, в приведенной характеристике явно проглядывает автор (именно Николка, как выяснится в дальнейшем, относится к Лариону лояльнее всех других Турбиных).

Странный, нелепый, совершенно некстати явившийся человек, Ларион вызывает у всех Турбиных исключительно негативное отношение –

от недоумения у Николки до явного, граничащего с неприятием, раздражения у Елены и Алексея, которое они, несмотря на свою интеллигентность и воспитанность, не в силах скрыть: *Слабенькая краска выступила на скулах раненого, и глаза упёрлись в невысокий белый потолок, потом он перевёл их на Елену и, поморщившись* (здесь и далее выделено мною. – И. З.), спросил:

– Да, позвольте, а что это за **головастик**?

Елена наклонилась в розовый луч и вздёрнула плечами.

– Понимаешь, ну, только что перед тобой, минутки две не больше, явление: Серёжин племянник из Житомира. Ты же слышал: Суржанский... Ларион... Ну, знаменитый Лариосик.

– Ну?..

– Ну, приехал к нам с письмом. Какая-то драма у них. Только что начал рассказывать, как она тебя привезла.

– Птица какая-то, бог его знает...

Елена со смехом и ужасом в глазах наклонилась к постели:

– Что птица!.. Он ведь жить у нас просится. Я уже не знаю, как и быть.

– Жи-ить?

– Ну, да... Только молчи и не шевелись, прошу тебя, Алёша... Мать умоляет, пишет, ведь этот самый Лариосик кумир её... Я **такого балбеса, как этот Лариосик, в жизнь свою не видала**. У нас он начал с того, что всю **посуду расхлопал**. Синий сервиз. Только две тарелки осталось.

– Ну, вот. Я уж и не знаю, как быть... (М. Булгаков. Белая гвардия).

Образ кузена из Житомира, выписанный автором явно гротескно, шаржированно (ср., в частности, выделенные в приведенной цитате лексические средства, использованные писателем для его характеристики – причем и в речи авторской, и в высказываниях персонажей), словно бы подчеркивает в смысловом развертывании романного повествования абсурдность, несурязицу и вместе с тем трагическую реальность событий, происходящих в это время в жизни общества.

Совершенно нелепой и даже ничтожной представляется в этой ситуации и причина, побудившая Лариона приехать из Житомира жить к родственникам в Киев: он поясняет Николке (и об этом же идет речь в письме его матери, адресованном Елене Турбиной), что бежал от вероломной сурруги Милочки, разбившей своей изменой его сердце:

– С любовником на том самом диване, – сказало видение трагическим голосом, – на котором я читал ей стихи.

Видение оборачивалось к двери, очевидно, к какому-то слушателю, но потом окончательно устремилось к Николке:

– Да-с, на этом самом диване... Они теперь сидят и целуются... после векселей на семьдесят пять тысяч, которые я подписал не задумываясь, как джентльмен. Ибо джентльменом был и им останусь всегда. Пусть целуются! (М. Булгаков. Белая гвардия).

И даже птица, которую Ларион «захватил с собой», воспринимается всеми Турбиными как лишнее, навязчивое и даже злобное существо, только подчеркивающее нелепость и несуразность ее обладателя, – достаточно, к примеру, обратить внимание на глаголы, с помощью которых птица охарактеризована в романе: *Николка... сделал движение рукой, стараясь разодрать видение, как паутину, и пребольно ткнул пальцами в прутья. В чёрной клетке тотчас, как **взбесилась, закричала** птица и **засвистала, и затарахтела**; – Трики, фит, фит, трики! – протяжно **заорала** птица* (выделено мною. – И. З.) и т. д. Примечательно, что в пьесе Лариосик появляется у Турбиных вообще без птицы, а «с чемоданом и узлом» в руках, где, как выяснится впоследствии, у него, в основном, книги и рукописи.

В пьесе «Дни Турбиных» первое появление «кузена из Житомира» также, безусловно, выглядит комично, однако это отнюдь не сатира либо гротеск, а ирония и мягкий юмор (еще раз обратим внимание на то, что в списке действующих лиц он представлен как *Лариосик*, что уже само по себе свидетельствует об определенном, не столь негативном, как в романе, его восприятии и автором, и другими персонажами):

Начинается непрерывный звонок.

Николка. Ну вот он-он! (Бежит в переднюю.)

Алексей. Господи, что это за звонок?

Николка открывает дверь.

Появляется в передней Лариосик с чемоданом и узлом

(выделено мною. – И. З.).

Лариосик. Вот я и приехал. Со звонком у вас я что-то сделал.

Николка. Это вы кнопку вдавили. (Выбегает за дверь, на лестницу.)

Лариосик. Ах, Боже мой! Простите, ради Бога! (Входит в комнату.) Вот я и приехал. Здравствуйте, глубокоуважаемая Елена Васильевна, я вас сразу узнал по карточкам. Мама просит вам передать её самый горячий привет.

Звонок прекращается. Входит Николка.

А равно также и Алексею Васильевичу.

Алексей. Моё почтение.

Лариосик. Здравствуйте, Николай Васильевич, я так много о вас слышал. (Все.) Вы удивлены, я вижу? Позвольте вам вручить письмо, оно вам всё объяснит. Мама сказала мне, чтобы я, даже не раздеваясь, дал вам прочитать письмо.

Елена. Какой неразборчивый почерк! (М. Булгаков. Дни Турбинных).

В пьесе, где, как известно, возможности для автора проявить себя по сравнению с прозаическими произведениями сведены к минимуму, мы составляем свое представление о действующих лицах прежде всего на основе их собственных речевых характеристик и речевых же характеристик их другими персонажами. Отношение всех Турбиных к Лариону, кото-

рое совсем не столь неприязненное, как в аналогичной ситуации в романе, выясняется в первом же полилоге с участием «житомирского кузена»:

Алексей. Позвольте узнать, с кем я имею честь говорить?

Лариосик. Как – с кем? Вы меня не знаете?

Алексей. К сожалению, не имею удовольствия.

Лариосик. Боже мой! И вы, Елена Васильевна?

Николка. И я тоже не знаю.

Лариосик. Боже мой, это прямо колдовство! Ведь мама послала вам телеграмму, которая должна вам всё объяснить. Мама послала вам телеграмму в шестьдесят три слова.

Николка. Шестьдесят три слова!.. Ой-ой-ой!..

Елена. Мы никакой телеграммы не получали.

Лариосик. Не получали? Боже мой! Простите меня, пожалуйста. Я думал, что меня ждут, и прямо, не раздеваясь... Извините... я, кажется, что-то раздавил... Я ужасный неудачник!

Алексей. Да вы, будьте добры, скажите, как ваша фамилия?

Лариосик. Ларион Ларионович Суржанский.

Елена. Да это Лариосик?! Наш кузен из Житомира? (здесь и далее выделено мною. – И. З.).

Лариосик. Ну да.

Елена. И вы... к нам приехали?

Лариосик. Да. Но, видите ли, я думал, что вы меня ждёте... Простите, пожалуйста, я наследил вам... Я думал, что вы меня ждёте, а раз так, то я поеду в какой-нибудь отель...

*Елена. Какие теперь отели?! Погодите, вы прежде всего раз-
давайтесь.*

Алексей. Да вас никто не гонит, снимайте пальто, пожалуйста.

Лариосик. Душевно вам признателен.

*Николка. Вот здесь, пожалуйста. Пальто можно повесить в
передней.*

Лариосик. Душевно вам признателен. Как у вас хорошо в квартире!

*Елена (шёпотом). Алёша, что же мы с ним будем делать? Он сим-
патичный. Давай поместим его в библиотеке, всё равно комната
пустует.*

*Алексей. Конечно, поди скажи ему, Елена. Вот что, Ларион Ла-
рионович, прежде всего в ванну... Там уже есть один – капитан Мышла-
евский... А то, знаете ли, после поезда... (М. Булгаков. Дни Турбиных).*

Следует отметить, что образ Лариона в пьесе наделен самоиронией, что, конечно, делает его более привлекательным (реплика в полилоге: *Извините... я, кажется, что-то раздавил... Я ужасный неудачник!*; комментарий при чтении маминого письма: «*Мальчуган поступает в Киевский университет. С его способностями...*» – *ах уж эта мама!..* и под.). В том числе и поэтому он чаще всего воспринимается окружающими не

как неизбежное зло, а как милый рассеянный, слегка неуклюжий, но несомненно добрый, старающийся всем услужить и никому не причинять неудобств человек. Над ним часто подшучивают, но в целом относятся очень тепло – как, например, капитан Мышлаевский:

Лариосик. Я, собственно, водки не пью.

Мышлаевский. Помилуйте, я тоже не пью. Но одну рюмку. Как же вы будете селёдку без водки есть? Абсолютно не понимаю.

Лариосик. Душевно вам признателен.

Мышлаевский. Давно, давно я водки не пил.

<...>

Мышлаевский. Ух, хорошо! Освежает водка. Не правда ли?

Лариосик. Да, очень! (М. Булгаков. Дни Турбинных).

Надо отметить, что и причина, по которой Ларион приехал в Киев, в пьесе сформулирована иначе, чем в романе, и выглядит куда более естественно (а не столь мелодраматично-опереточно, как в «Белой гвардии»): из письма, так же, как и в романе, адресованного матерью Лариона Елене Турбиной, следует, что ее сын намерен обучаться в киевском университете и она просит родственников позволить будущему студенту, как человеку, «привыкшему к семье», проживать у них:

Лариосик. Да, ужасно! Позвольте, лучше я сам прочитаю. У мамы такой почерк, что она иногда напишет, а потом сама не понимает, что она такое написала. У меня тоже такой почерк. Это у нас наследственное. (Читает.) «Милая, милая Леночка! Посылаю к вам моего мальчика прямо по-родственному; приютите и согрейте его, как вы умеете это делать. Ведь у вас такая громадная квартира...» Мама очень любит и уважает вас, а равно и Алексея Васильевича. (Николке.) И вас тоже. (Читает.) «Мальчуган поступает в Киевский университет. С его способностями...» – ах уж эта мама!.. – «...невозможно сидеть в Житомире, терять время. Содержание я буду вам переводить аккуратно. Мне не хотелось бы, чтобы мальчуган, привыкший к семье, жил у чужих людей» (М. Булгаков. Дни Турбинных).

С учетом всего изложенного вполне логичным в смысловом развитии драматургического сюжета видится произнесение именно Ларионом одной из чрезвычайно значимых в концептуальном отношении фраз – о «кремовых шторах», которые из элемента обычного интерьера превращаются в пьесе в символ не только домашнего уюта, но и мирной жизни в принципе; символа, противопоставляемого ужасам и нелепости гражданской войны:

Лариосик. Многоуважаемая Елена Васильевна! Не могу выразить, до чего мне у вас хорошо...

Елена. Очень приятно.

Лариосик. Многоуважаемый Алексей Васильевич... Не могу выразить, до чего мне у вас хорошо...

Алексей. Очень приятно.

Лариосик. Господа, кремовые шторы... за ними отдыхаешь душой... забываешь о всех ужасах гражданской войны. А ведь наши израненные души так жаждут покоя... (здесь и далее выделено мною. – И. З.).

Мышлаевский. Вы, позвольте узнать, стихи сочиняете?

Лариосик. Я? Да... пишу.

Мышлаевский. Так. Извините, что я вас перебил. Продолжайте.

Лариосик. Пожалуйста... Кремовые шторы... Они отделяют нас от всего мира... Впрочем, я человек не военный... Эх!.. Налейте мне ещё рюмочку.

Мышлаевский. Bravo, Ларион! Ишь, хитрец, а говорил – не пьёт. Симпатичный ты парень, Ларион, но речи произносишь, как глубокоуважаемый сапог.

Лариосик. Нет, не скажите, Виктор Викторович, я говорил речи и не однажды... в обществе сослуживцев моего покойного папы... в Житомире... Ну, там податные инспектора... Они меня тоже... ох как ругали!

Мышлаевский. Податные инспектора – известные звери (М. Булгаков. Дни Турбиных).

Кремовые шторы упоминаются и в романе «Белая гвардия», однако в этих упоминаниях они выглядят не столько символом уюта, сколько одной из неуместных в контексте происходящих страшных и трагических событий милых бытовых деталей, отсылающих к предыдущей жизни, которая уже так далека от героев романа, что представляется им нереальной (об этом достаточно красноречиво свидетельствует реакция на размышления Лариосика капитана Мышлаевского – в особенности показательна в этом плане его последняя реплика в приводимой ниже цитате):

– Вы играете? – спросил Мышлаевский у Лариосика.

Лариосик покраснел, у сразу всё выговорил, и что в винт он играет, но очень, очень плохо... Лишь бы его не ругали, как ругали в Житомире податные инспектора... Что он потерпел драму, но здесь, у Елены Васильевны, и в квартире у них тепло и уютно, в особенности замечательные кремовые шторы на всех окнах, благодаря чему чувствуешь себя оторванным от внешнего мира... А он, этот внешний мир... согласитесь сами, грязен, кровав и бессмыслен.

– Вы, позвольте узнать, стихи сочиняете? – спросил Мышлаевский, внимательно всматриваясь в Лариосика.

– Пишу, – скромно, краснея, произнёс Лариосик.

– Так... Извините, что я вас перебил... Так бессмыслен, вы говорите... Продолжайте, пожалуйста...

– Да, бессмыслен, а наши израненные души ищут покоя вот именно за такими кремовыми шторами...

– Ну, знаете, что касается покоя, не знаю, как у вас в Житомире, а здесь, в городе, пожалуй, вы его не найдёте... Ты щётку смочи водой, а то пы-

лишь здорово. Свечи есть? Бесподобно. Мы вас выходящим в таком случае запишем... Внятером именно покойная игра (М. Булгаков. Белая гвардия).

В заключение отметим, что проведенный – безусловно не исчерпывающий, а лишь фрагментарный – анализ, который, на наш взгляд, целесообразно продолжить и в отношении образов других персонажей (прежде всего ключевых и для романа, и для пьесы – членов семьи Турбиных), как представляется, достаточно убедительно демонстрирует **взаимовлияние** особенностей авторского идиостиля в сочетании с конструктивными для определенного литературного рода идейно-эстетическими параметрами, реализующееся в процессе смыслового развертывания сюжета как в прозаическом, так и в драматургическом произведениях.

Именно в процессе этого взаимовлияния в значительной степени формируется концептуально-эстетическое своеобразие каждой из словесно-художественных структур, в том числе и своеобразие идиостилистического свойства, какое при искусной подаче автором не только становится для адресата-читателя более очевидным, но и воспринимается как органичный элемент авторского почерка, адекватное восприятие, «усвоение» которого необходимы для постижения авторской точки зрения на изображаемое, подаваемой в соответствии с конструктивными родо-жанровыми параметрами литературного произведения.

Список литературы

- Болотнова Н.С.* Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. М.: Флинта: Наука, 2009. 384 с.
- Болотнова Н.С.* Коммуникативная стилистика художественного текста // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 157–162.
- Болотнова Н.С., Болотнов А.В.* Когнитивный стиль языковой личности в структуре модели идиостиля: к постановке проблемы // Сибирский филологический журнал. 2012. № 4. С. 187–193.
- Зайцева И.П.* Автор в драматургии и прозе с позиций коммуникативной стилистики художественного текста // Коммуникативные исследования. 2016. № 3 (9). С. 102–114.
- Стахорский С.В.* Турбин // Энциклопедия литературных героев. М.: Аграф, 1988. С. 415–416.
- Хализев В.Е.* Теория литературы. М.: Высшая школа, 1999. 398 с.

Источники

- Булгаков М.А.* Белая гвардия // Булгаков М.А. Белая гвардия. Жизнь господина де Мольера. Рассказы / сост., вступ. ст. И.Ф. Бэлзы. М.: Правда, 1989. С. 27–294.
- Булгаков М.А.* Дни Турбиных [Ист.: Булгаков М.А. Собр. соч. Т. 2. СПб.: Азбука-Классика, 2002]. URL: <http://www.ilibrary.ru/text/1287/index.html> (дата обращения: 10.08.2017).

References

- Bolotnova, N.S. (2009), *Kommunikativnaya stilistika teksta [Literary Stylistics]*, Dictionary-thesaurus, Moscow, Flinta Publ., 384 p. (in Russian)
- Bolotnova, N.S. (2003), *Kommunikativnaya stilistika khudozhestvennogo teksta [Literary stylistics]*. Kozhina, M.N. (Ed.) *Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian language*, Moscow, Flinta Publ., pp. 157-162. (in Russian)
- Bolotnova, N.S., Bolotnov, A.V. (2012), The cognitive style of a language personality in the structure of an idiostyle model: on the statement of the problem. *Siberian Journal of Philology*, No. 4, pp. 187-193. (in Russian)
- Khalizev, V.E. (1999), *Teoriya literatury [Theory of Literature]*, Moscow, Vysshaya shkola Publ., 398 p. (in Russian)
- Stakhorskii, S.V. (1988), Turbin. *Encyclopedia of Literary Heroes*, Moscow, Agraf Publ., pp. 415-416. (in Russian)
- Zaitseva, I.P. (2016), Author in drama and prose from the stand point of the communicative stylistics of a literary text. *Communication Studies*, No. 3 (9), pp. 102-114. (in Russian)

Sources

- Bulgakov, M.A. (1989), *Belaya gvardiya [White Guard]*. Bulgakov, M.A. *Belaya gvardiya. Zhizn' gospodina de Mol'era. Rasskazy [White Guard. The life of Monsieur de Moliere. Stories]*, Moscow, Pravda Publ., pp. 27-294. (in Russian)
- Bulgakov, M.A. (2002), *Dni Turbinykh [Days of the Turbins]*, available at: <http://www.ilibrary.ru/text/1287/index.html> (accessed August 10, 2017). (in Russian)

**PERSPECTIVES OF COMMUNICATIVE STYLISTICS
OF A LITERARY TEXT (STUDY CASE OF MIKHAIL BULGAKOV)****I.P. Zaitseva***Vitebsk State University named after P.M. Masherov (Vitebsk, Belarus)*

Abstract: From the standpoint of communicative stylistics of the literary text this article analyses the features of authors' (narrator in prose and playwright in the play) figurative comprehension of correlative characters in verbal and literary discourses of various genre and literature belongings both prose and dramaturgy. The research significance of the observations is increasing due to the fact that the verbal and literary works under consideration belong to the pen of one author, being components of his creative discourse. The conducted analysis confirms that in prose and dramaturgy, in connection with various constructive parameters of each genre's phenomenon, the author's figure has a different degree of representation, and also literary embodiment in different forms, largely due to the originality of the artist's individual style.

Key words: communicative stylistics of a literary text, epic, dramaturgy, author, narrator, discourse, individual style.

For citation:

Zaitseva, I.P. (2018), Perspectives of communicative stylistics of a literary text (study case of Mikhail Bulgakov). *Communication Studies*, No. 1 (15), pp. 122-134. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.1.122-134. (in Russian)

About the author:

Zaitseva Irina Pavlovna, Prof.

Corresponding author:

Postal address: 33, Moskovskii pr., Vitebsk, 210038, Belarus

E-mail: irinazaj91@mail.ru

Received: September 16, 2017

УДК 811.111'42(045)

DOI 10.25513/2413-6182.2018.1.135-141

СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВОПЛОЩЕНИЯ ПЕРСОНАЖА АВТОРОМ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ КОРОТКОМ РАССКАЗЕ

А.Г. Клокова

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

Аннотация: На примере рассказа Р. Тремейн «Сезон охоты» рассматривается вопрос о взаимодействии автора и персонажа в художественном тексте. Существуют различные точки зрения на проблему отражения образа автора в произведении. Весь языковой инвентарь короткого рассказа изучается с точки зрения его соотношения с такими параметрами личности персонажа, как психотип, экстраверсия / интроверсия и модель общения. Так, в фокусе настоящего исследования находятся тактики авторского воплощения персонажа, которые выражаются в использовании специфической лексики, особых грамматических форм, фигур речи и т. д., а также стратегия автора, понимаемая как общий замысел построения рассказа: автор осознанно строит план, в соответствии с которым он представляет образ персонажа в произведении. В настоящем исследовании авторская стратегия определяется качеством и количеством совпадений, выявленных в речи героя и словах автора.

Ключевые слова: автор, слова автора, персонаж, тактики, языковые приемы, стратегия.

Для цитирования:

Клокова А.Г. Стратегия и тактики художественного воплощения персонажа автором в англоязычном коротком рассказе // Коммуникативные исследования. 2018. № 1 (15). С. 135–141. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.1.135-141.

Сведения об авторе:

Клокова Анна Герардовна, кандидат филологических наук, старший преподаватель

Контактная информация:

Почтовый адрес: 220030, Беларусь, Минск, пр. Независимости, 4

E-mail: kafedraeng@bsu.by

Дата поступления статьи: 12.10.2017

Существуют различные точки зрения на проблему отражения в тексте образа автора. Например, В.В. Виноградов разграничивает образ автора-рассказчика и образ автора-писателя и считает, что эти образы реализуются в художественном произведении по-разному [Виноградов 1971: 41]. М.М. Бахтин говорит о личности реального человека, создавшего текст, и отмечает, что образ писателя стоит за рамками этого текста [Бахтин 1994: 23]. В то же время другие ученые, изучая феномен языковой личности, полагают, что избранные автором языковые средства характеристики персонажа всегда несут в себе информацию об авторе этого текста. Мы полагаем, что за такими средствами стоит определенная стратегия автора. Другими словами, при создании текста автор создает некоторый план, в соответствии с которым он представляет героев и в целом воплощает свой замысел.

В работе А.А. Аслановой исследуются коммуникативные стратегии А. Мёрдок, отражающие особенности языковой личности автора и своеобразие авторского диалога с читателем [Асланова 2013: 34]. Т.Ф. Плеханова также рассматривает стратегию автора как общение с адресатом, говоря о «проблеме диалога как дискурсивной стратегии» [Плеханова 2011: 159]. Диалогическая стратегия авторского дискурса реализуется, по мнению ученого, с помощью режиссерских, судейских, философских, лирических и металингвистических тактик [Плеханова 2011: 190].

Коммуникативная стратегия понимается О.С. Иссерс как планирование процесса речевого общения и реализация этого плана с помощью коммуникативных тактик. Автор также отмечает, что планирование речевого поведения (выбор речевой стратегии и тактики) во многом зависит от образа адресата [Иссерс 2006: 71]. По отношению к художественному тексту данный аспект, на наш взгляд, может быть связан с особыми языковыми средствами, зафиксированными в системе языка, на котором написано произведение. Ведь язык, отражающий менталитет народа, сам в некоторой степени предлагает писателю определенные пути решения его задач. Эти средства должны быть понятны читателю и, соответственно, используются автором для изображения персонажа. Именно в тактике выбора тех или иных лингвостилистических приемов заключается, с нашей точки зрения, особая стратегия автора.

Мы исходим из того, что слова писателя дают основания соотнести художественный образ с типом личности, сопровождаемым определенной установкой (типология грузинской психологической школы, на которую опирается данное исследование), найти информацию о его экстравертивности / интровертивности и предпочтительной модели речевого взаимодействия. Исходя из этих характеристик, в исследовании определяются авторские **тактики** изображения гармоничного, конфликтного, смешанного гармонично-конфликтного, импульсивного типов личности, экстравертов / интровертов, персонажей, предпочитающих кооперативную или конфликтную модель общения. Наиболее общие языковые приемы (вы-

бор лексики, употребление специфических грамматических форм, особых фигур речи), используемые авторами для описания каждого параметра исследования личности героя, составляют ту или иную тактику авторов англоязычных коротких рассказов.

Рассмотрим отражение авторских тактик и объединяющей их стратегии на примере авторского воплощения главного персонажа в рассказе «Сезон охоты» (A Shooting Season) Р. Тремейн. Образ Маркуса воспринимается читателем как весьма негативный, так как он бросил жену и двоих детей, которых сейчас даже не навещает. Авторское описание героя содержит в себе лексику с отрицательной коннотацией: *craggy* 'грубый', *untidy look* 'неопрятный вид', *faded jacket he was wearing* 'выцветший пиджак на нём', *looked pale* 'выглядел бледным', *unfaithful* 'неверный', *the novel annoys him* 'роман раздражает его', *her writing bored him* 'написанное ею наскучило ему'¹. Во внутреннем мире Маркуса царит хаос и дискомфорт: *he looked as if he'd been locked up* 'он выглядел так, как будто попал в ловушку' (р. 163), *he's not adored successful granite he always thought he was* 'он уже не тот успешный, обожаемый герой' (р. 164). Персонаж предстает эгоистом, лишенным способности любить (черта конфликтной личности): *he doesn't even bother to see the children. He's got a new family and they take all his love – the little there ever was in him to give* 'он даже не беспокоится о том, чтобы увидеться с детьми. У него новая семья, и они забирают всю его любовь' (р. 161). Автор подчеркивает, что Маркус нуждается в своей бывшей жене, а ее переживания ему безразличны: *he needed her presence, not her thoughts* 'ему нужна была она сама, а не ее мысли' (р. 167). Таким образом, языковыми приемами, составляющими тактику описания конфликтного типа персонажа, являются следующие:

- использование негативно окрашенной эмоциональной лексики для передачи внутренних переживаний героя (*annoys* 'раздражает', *bored* 'удрученный', *locked up* 'закрытый');

- использование негативно-оценочной лексики для описания внешнего вида персонажа (*untidy look* 'неопрятный вид', *scraggy* 'тощий', *pale* 'бледный');

- употребление отрицательной формы глаголов (*doesn't bother* 'не волнуется', *is not adored* 'его не обожают').

Герой рассказа A Shooting Season улыбчив и часто смеется: *Anna had always been enchanted by his laugh, it was a boy's giggle* 'Анна всегда была очарована его смехом, он смеялся подобно мальчишке' (р. 169); *he laughed* 'он засмеялся' (р. 160); *he smiled* 'он улыбнулся'; *she sensed his boyish laughter* 'она почувствовала его детский смех' (р. 164). Маркус явно направлен на

¹ Здесь и далее рассматриваемый рассказ цитируется по изданию: *Tremain R. A Shooting Season // Contemporary British Stories / Ed. by K. Hewitt. Oxford: Perspective Publications Ltd, 1994. P. 154–166.* В круглых скобках указываются номера цитируемых страниц.

партнера по общению: *he took her strong wrist and held her hand to his face* 'он прикоснулся ее сильным запястьем к своей щеке' (р. 160); *Marcus had helped her prepare the food* 'Маркус помог ей приготовить еду' (р. 167); *he kissed her cheek...* 'он поцеловал ее в щеку' (р. 171). В данном случае слова автора дают основания предположить, что персонаж является экстравертом и предпочитает кооперативную модель общения с партнером. Тактическими приемами, используемыми автором для художественного воплощения этих характеристик героя, являются следующие:

– использование слов и словосочетаний, обозначающих тактильный контакт с партнером (*to kiss one's cheek* 'поцеловать в щеку', *to take one's wrist* 'взять за руку');

– использование глаголов и существительных, описывающих поведение персонажей как вежливое, деликатное, доброжелательное (*to smile* 'улыбнуться', *to laugh* 'смеяться', *tactfully* 'тактично').

По нашему мнению, изучение качественного и количественного характера совпадений в речи авторов и героев позволяет выявить авторские стратегии воплощения личности в произведении. Качественный анализ совпадений в авторской и персонажной партиях показал, что выявленные соответствия относятся в основном к лексическому уровню языка (см. табл.). При статистическом анализе учитывалось соотношение между общим количеством высказываний героя и числом соответствий этих высказываний с авторской речью. Первая стратегия (максимальное сближение автора и героя) отражает обилие совпадений в словах автора и речи персонажа: одно совпадение приходится в среднем на каждые 11 высказываний. Такая стратегия выявляется в изученном рассказе.

Соответствия в авторской и прямой речи в рассказе *A Shooting Season*

Речь автора	Речь героя
<i>Not while she bore his children and made rugs while he wrote and they slept</i> 'ни в то время, пока она растила детей и вышивала ковры, а он писал, пока они спали' (р. 160)	<i>And I wanted to ask you, where are those rugs you made while I worked?</i> 'и я хотел спросить тебя, где те ковры, которые ты вышивала, пока я работал?' (р. 167)
<i>He doesn't even bother to see the children</i> 'он даже не беспокоится о том, чтобы увидеться с детьми' (р. 161)	<i>You know perfectly well why I don't see the children</i> 'ты прекрасно знаешь, почему я не вижу с детьми' (р. 162)
<i>He's got a new family (Evan 4, Lucy 3)</i> 'у него новая семья (Эван, 4, Люси, 3)' (р. 161)	<i>Because I have two newer, young and infinitely more affectionate children</i> 'потому что у меня есть двое младших детишек, нуждающихся во мне больше' (р. 162)
<i>They had been together for ten years</i> 'они были вместе десять лет' (р. 161)	<i>Because ten years is, after all, a large chunk of our lives</i> 'потому что десять лет, в конце концов, значительный отрезок жизни' (р. 167)

Окончание табл.

<i>Речь автора</i>	<i>Речь героя</i>
<i>He sees the ground shifting under him</i> 'он чувствует, как земля уходит из-под ног' (р. 164)	<i>Because I'm floundering, Anna</i> 'потому что я на грани краха, Анна' (р. 169)
<i>He's not adored, successful granite...</i> 'он уже не тот успешный, обожаемый герой' (р. 164)	<i>You see, I'm not a poet any more</i> 'видишь ли, я больше не поэт' (р. 169)
<i>While she was gone, he sat at the table in the sunshine..., reading her novel</i> 'пока ее не было, он сел за стол в лучах солнца, читая ее роман' (р. 166)	<i>I read the novel, as far as you've gone</i> 'я прочитал роман, поскольку ты ушла' (р. 168)
<i>He needed her presence...</i> 'он нуждался в ней' (р. 167)	<i>I need more</i> 'мне нужно больше' (р. 167)

Как явствует из сказанного, представленный в словах автора образ героя конфликтного типа, экстравертивно направленный и демонстрирующий кооперативную модель поведения, реализуется в его языковой личности. Большое число совпадений в речи автора и героя свидетельствует, на наш взгляд, о том, что автор абсолютно уверен в качествах, которыми он наделяет Маркуса. Как отмечает В.П. Белянин, «выражая свой замысел речевыми средствами, писатель стремится использовать такие языковые структуры, которые в наибольшей степени соответствовали бы его замыслу» [Белянин 1988: 107].

Таким образом, стратегия автора Роуз Тремейн заключается в максимальном сближении с описываемым ею персонажем и свидетельствует, с нашей точки зрения, о стремлении передать свои взгляды и чувства через своего героя. Другими словами, через речь героя можно в определенной мере реконструировать образ автора. Данная стратегия демонстрирует эксплицитную манеру изложения писателя, с помощью которой «автор сам недвусмысленно оценивает персонажей... открыто приглашает читателя разделить его точку зрения» [Кухаренко 1998: 180]. Очевидно, автор во многом разделяет взгляды героя и положительно относится к нему.

Список литературы

- Асланова А.А. Коммуникативные стратегии автора в постмодернистском художественном дискурсе (на материале произведения Айрис Мердок): дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2013. 197 с.
- Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Киев: Next, 1994. 318 с.
- Белянин В.П. Психолингвистические аспекты художественного текста. М.: МГУ, 1988. 120 с.
- Виноградов В.В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. 235 с.
- Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: КомКнига, 2006. 434 с.
- Кухаренко В.А. Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1998. 192 с.
- Плеханова Т.Ф. Дискурс-анализ текста. Минск, 2011. 368 с.

References

- Aslanova, A.A. (2013), *Kommunikativnye strategii avtora v postmodernistskom khudozhestvennom diskurse (na materiale proizvedenii Airis Myordok)* [Communicative Author's Strategies in a Postmodernist Literary Discourse (on material of works of Iris Murdoch)], Dissertation, Rostov-on-Don, 197 p. (in Russian)
- Bakhtin, M.M. (1994), *Problemy tvorchestva Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky Works], Kyiv, Next Publ., 318 p. (in Russian)
- Belyanin, V.P. (1988), *Psikholingvisticheskie aspekty khudozhestvennogo teksta* [Psycholinguistic Aspects of a Literary Text], Moscow, MSU Publ., 120 p. (in Russian)
- Issers, O.S. (2006), *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech], Moscow, Komkniga Publ., 434 p. (in Russian)
- Kukharensko, V.A. (1998), *Interpretatsiya teksta* [The Interpretation of a Text], Moscow, Prosveshchenie Publ., 192 p. (in Russian)
- Plekhanova, T.F. (2011), *Diskurs-analiz teksta* [Discourse-Analysis of a Text], Minsk, 368 p. (in Russian)
- Vinogradov, V.V. (1971), *O teorii khudozhestvennoi rechi* [About the Theory of Literary Speech], Moscow, Vysshaya shkola Publ., 235 p. (in Russian)
-

**THE STRATEGY AND TACTICS
OF A CHARACTER'S LITERARY EMBODIMENT BY THE AUTHOR
IN AN ENGLISH SHORT STORY**

A.G. Klokova

Belarusian State University (Minsk, Belarus)

Abstract: A problem of interaction between an author and a character in a literary text is studied on the example of the story "A Shooting Season" by T. Tremain in the article. There are various points of view on the author's image reflection in the work. All the linguistic means of a short story are studied according to its correlation with such personality characteristics as psychotype, extraversion / introversion and a communication model. Consequently, in the center of the research there are tactics of the author's embodiment of the character, which are realized in the using specific vocabulary, special grammar forms, figures of speech, etc. and there is also the author's strategy which is considered as a general idea of the story. The author in some respect consciously builds up a plan according to which he represents the character's image in the work. In the present research the strategy is determined by the correlation between the author's and the character's speech.

Key words: author, author's speech, character, tactics, linguistic means, strategy.

For citation:

Klokova, A.G. (2018), The strategy and tactics of a character's literary embodiment by the author in an English short story. *Communication Studies*, No. 1 (15), pp. 135-141. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.1.135-141. (in Russian)

About the author:

Klokova Anna Gerardovna, Dr., senior lecturer

Corresponding author:

Postal address: 4, Nezavisimosti pr., Minsk, 220030, Belarus

E-mail: kafedraeng@bsu.by

Received: October 12, 2017

ИНСТРУМЕНТЫ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В ТРАНСМЕДИЙНОМ ПРОЕКТЕ И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ БРИТАНСКОГО СЕРИАЛА «ШЕРЛОК»)

Е.Д. Малёнова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия)

Аннотация: В современной массовой культуре всё большую популярность набирают трансмедийные проекты – продукты художественного творчества, реализованные на различных медийных платформах и ориентированные на различные целевые аудитории. Такие проекты могут включать в себя литературные произведения, компьютерные игры, аудиовизуальные произведения (телевизионные сериалы, кинофильмы, мультфильмы, театральные постановки и т. п.), графические романы, интернет-сайты и многое другое. Основной характеристикой любого трансмедийного проекта является его интертекстуальность: своеобразная «перекличка» текстов в широком смысле слова, обеспечивающая связь всех элементов проекта и формирующая так называемую «вселенную» проекта. Настоящее исследование посвящено выявлению инструментов интертекстуальности, использованных создателями одного из элементов крупного трансмедийного проекта – британского сериала «Шерлок». Выделяются наиболее продуктивные инструменты интертекстуальности, обуславливающие связь сериала с каноническим прототекстом, а также рассматривается функционирование полученных в результате интертекстуальных индексов в свете аудиовизуального перевода. Выделяя основные факторы, препятствующие распознаванию, декодированию и передаче интертекстуальных знаков в процессе перевода, автор, используя богатый иллюстративный материал, рассматривает влияние данных факторов на результат перевода и, как следствие, сохранение интертекстуальности сериала при его переносе в целевую культуру языка перевода.

Ключевые слова: интертекстуальность, аудиовизуальный перевод, трансмедийный проект, медиаплатформа.

Для цитирования:

Малёнова Е.Д. Инструменты интертекстуальности в трансмедийном проекте и проблемы перевода (на материале британского сериала «Шерлок») // Коммуникативные исследования. 2018. № 1 (15). С. 142–164. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.1.142-164.

Сведения об авторе:

Малёнова Евгения Дмитриевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии

Контактная информация:

Почтовый адрес: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: malenovae@mail.ru

Дата поступления статьи: 15.09.2017

1. Телевизионный сериал в современной культуре

Довольно сложно представить современную жизнь в отрыве от аудиовизуального контента. Активная деятельность кинопроизводителей и кинопрокатчиков, обилие телевизионных каналов, появление потоковых сервисов – всё это обеспечивает зрителей огромным объемом аудиовизуальной продукции. В прошлое ушли времена, когда российские зрители выбирали между двумя «кнопками» на телевизионном приемнике, а программа телепередач была неизменным атрибутом в жизни любой семьи. Сейчас разнообразие платформ для просмотра аудиовизуальной продукции, а также форм и жанров аудиовизуальных произведений настолько велико, что для привлечения внимания потенциального потребителя недостаточно использовать банальные формы и клишированные сюжеты. Сценаристам, продюсерам, режиссерам приходится искать новые пути взаимодействия со зрительской аудиторией, новые «крючки», которые позволят «подсадить» зрителя на просмотр очередной франшизы. Не обошла эта тенденция и такой немолодой жанр, как телевизионные сериалы.

Концепт телевизионных сериалов давно перешагнул определение, которое можно найти в словаре («некое количество эпизодов телевизионной программы, транслируемых с определенным временным интервалом»). За последние годы качество и количество производимых в мире сериалов существенно возросло, некоторые сериалы по уровню актерской игры, режиссерской и операторской работы не уступают широкоэкранному блокбастерам и более не воспринимаются как «мыльные оперы». Многие зрители считают сериалы неотъемлемой частью своей жизни, не ограничиваясь однократным просмотром полюбившихся телевизионных саг. Создаются огромные транснациональные «фандомы», участники которых идентифицируют себя с героями полюбившихся телесериалов, участвуют в инсценировках самых интересных эпизодов, создают «фанфики» – любительские литературные произведения, написанные по мотивам телесериалов. Появляется новое направление современного искусства – «фан арт» – создание произведений живописи (включая все возможные техники рисования), героями которых становятся персонажи любимых сериалов.

Подобные фандомы довольно часто представляют собой организованные сообщества, в которых происходит как виртуальное, так и реаль-

ное общение их членов, идентифицирующих себя в зависимости от того сериала, который они предпочитают: Whovians – фанаты британского телевизионного сериала «Доктор Кто» (Doctor Who), Thronies – фанаты американского сериала в жанре фэнтези «Игра престолов» (Game of Thrones), Schwiftites – поклонники американского анимационного сериала «Рик и Морти» (Rick and Morty) и т. п. Фанаты обсуждают любимые эпизоды на соответствующих форумах, состоят в тематических группах в социальных сетях, принимают участие в различных мероприятиях, таких как «Комик-кон» (Comic-Con) – крупнейшем в мире событии, объединяющем фанатов и производителей комиксов, сериалов и компьютерных игр, являющихся обязательной составляющей современной поп-культуры. Не стал исключением британский сериал «Шерлок» (Sherlock), вышедший в 2010 г. и стремительно завоевавший сердца миллионов зрителей по всему миру.

2. Феномен «Шерлока» как трансмедийного проекта

Телевизионный сериал «Шерлок», основанный на произведениях сэра Артура Конан Дойла и повествующий о приключениях знаменитого английского сыщика Шерлока Холмса и его друга доктора Ватсона, был снят британской компанией Hartswood Films по заказу BBC Wales. Первый сезон был показан в августе 2010 г. и вызвал настоящий ажиотаж среди зрителей. Впоследствии было отснято еще три сезона (2012, 2014 и 2017 гг.), а также рождественский спецвыпуск. Сериал был встречен одобрением критиков, получив большое количество разнообразных телевизионных премий, и полным восторгом зрительской аудитории. В социальных сетях существует огромное количество групп, посвященных сериалу, отдельный фан-сайт Sherlockology, также существуют фандомы сериала, участники которых называют себя Sherlockians, фандом ведущего актера Бенедикта Камбербетча (Benedict Cumberbatch), участницы которого называют себя Cumberbitches, а компании Belstaff пришлось срочно вновь наладить производство шерстяных пальто, аналогичных тому, в которое был одет Шерлок – персонаж Бенедикта Камбербетча (<https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2010/sep/04/sherlock-fashion-mens-coats>). Возможно, секрет такой грандиозной популярности кроется не только в игре актеров и мастерстве операторов, но в самой идее сериала как трансмедийного проекта, понятного всем категориям зрителей.

Под трансмедийным проектом чаще всего понимается некий продукт художественного творчества (кинофильм, сериал, книга, графический роман и т. п.), реализуемый одновременно на нескольких медиаплатформах. Традиционно медиаплатформами называют как программно-технические цифровые устройства (мобильный телефон, планшет и т. п.), так и субъекты информационно-коммуникационных процессов, т. е. все «виды масс-медиа, виды СМИ в Интернете и все веб-сервисы, предназначенные для производства контента для массовой аудитории» [Красноярова 2016: 51]. Однако в рамках данного исследования медиаплатформа понимается

как канал трансляции медиаконтента, предназначенного для широкого потребления массовой аудиторией (литературные издания, СМИ, кино и телефильмы, телевизионные и интернет-сериалы, графические романы, игры и т. п.).

О трансмедийности как реалии современного мира шоу-бизнеса и телевидения впервые упомянула М. Киндер (M. Kinder), понимая под ней такое свойство медийного продукта, которое позволяет зрителям (в рассматриваемой ею ситуации – конкретно детям) «узнавать, выделять и комбинировать различные популярные жанры и их иконографию, функционирующие в кинофильмах, телевизионных программах, комиксах, рекламных роликах, видеоиграх и игрушках» [Kinder 1991: 47]. Автор также оговаривается, что трансмедийность (или, в терминах М. Киндер, «трансмедийная интертекстуальность») формирует у зрителей некую ответную реакцию, заставляя их в своем воображении «идентифицировать себя с вымышленным персонажем и вымышленным пространством» [Kinder 1991: 47].

Данная мысль получила свое развитие в работах Г. Дженкинса (H. Jenkins), который ввел термин «трансмедийное повествование» (trans-media storytelling), понимая под ним повествование, которое «разворачивается на нескольких медийных платформах, где каждый новый текст вносит свой важный и отличный от других вклад в трансмедийное целое» [Jenkins 2006: 95]. Важно понимать, что трансмедийное повествование – это не просто повторение одного и того же текста, сюжета, ситуации с использованием различных медиаплатформ. Подключение новой платформы предусматривает обязательную трансформацию исходного материала, привлечение иной целевой аудитории, использование новых сюжетных ходов и персонажей в рамках одного проекта. О трансмедийности, по мнению Г. Дженкинса, позволяет говорить сочетание «радикальной интертекстуальности», понимаемой как движение текстов и текстовых культур в пределах одной медиасреды, и «мультимодальности», т. е. различных способов репрезентации одного и того же персонажа, локации и т. п. на разных медиаплатформах [Jenkins 2011]. Совокупность продуктов, отвечающих вышеуказанным требованиям, можно назвать трансмедийным проектом – медийным продуктом, в котором «связанные между собой элементы истории определенным образом распределены между разными медиаканалами с целью создания единого и управляемого культурного опыта. В идеале каждое медиа делает собственный уникальный вклад в развитие истории» [Jenkins 2011].

В несколько иных терминах эту же мысль высказывает и К. Дена (C. Dena), выделяющая два важных процесса, задействованных при создании трансмедийного проекта: распространение (expansion) и адаптацию (adaptation). «Важное значение имеет распространение элементов вымышленного мира в иных художественных формах и сюжетах на иных медиа-

платформах, однако, возможно, еще более важным представляется явление, когда одна художественная форма или сюжет получают свое выражение на различных медиаплатформах» [Dena 2009: 175]. Таким образом, эти два процесса позволяют создать связный континуум (вселенную), сплетенный из различных смысловых и сюжетных линий, реализованных на различных медиаплатформах. Необходимо отметить, что обязательным условием существования любого трансмедийного проекта является наличие канона – неизменного элемента вселенной проекта, информационной и художественной константы, переходящей с одной платформы на другую и являющейся основным маркером, который позволяет идентифицировать конкретный трансмедийный проект вне зависимости от степени его адаптации. В качестве канона может выступать герой, локация, артефакт, любой вербальный или иконический элемент и т. п.

Таким образом, представляется возможным выделить основные черты, присущие трансмедийному проекту и отличающие его от других проектов подобного рода:

1. Трансмедийный проект – повествование, которое последовательно или параллельно разворачивается на нескольких различных медиаплатформах.

2. Реализация трансмедийного проекта на новой медиаплатформе подразумевает обязательную трансформацию исходного материала, приращение новых идей и смыслов, позволяющих привлечь внимание новых целевых аудиторий.

3. В процессе реализации трансмедийного проекта создается его «вселенная», включающая различные сюжетные линии и ходы, связанные единством персонажей, локаций, артефактов и т. п., – т. е. информационной и художественной константой, называемой канон.

Сериал «Шерлок» соответствует всем ключевым характеристикам трансмедийного проекта. Он существует в различных формах, локализованных на различных медиаплатформах: книга (рассказы и повести о Шерлоке Холмсе А.К. Дойла), телевизионный сериал (эпизоды, специальные выпуски и сопутствующие телепрограммы), графический роман (манга), блог Джона Ватсона (реально существующий интернет-блог, который ведет в сериале доктор Джон Ватсон) и фандом (интернет-сообщества, форумы, фанатские энциклопедии). Это далеко не первая экранизация произведений о великом английском сыщике: известны классические и современные экранизации А. Веркера (1939 г.), Р.У. Нейла (1940-е гг.), И. Масленникова (1980-е гг.), Г. Ричи (2009, 2011 гг.), М. Куэста (2012 г.), – однако впервые Шерлок Холмс и доктор Ватсон стали героями трансмедийного проекта, снискавшего единодушное признание и любовь зрителей во всем мире.

Видимо, секрет такой популярности кроется в том, что создатели «Шерлока» мастерски использовали две другие ключевые характеристи-

ки трансмедийного проекта: классическая история о сыщике-любителе и его друге перенесена в иной хронотоп, однако даже в новой реальности зритель угадывает следы известного всем канона, отсылающие к произведениям сэра А.К. Дойла. Шерлок Холмс и доктор Ватсон выступают в сериале нашими современниками: живут в реалиях XXI в., используют мобильные телефоны, расследуют заговоры террористов и убийство ученого-генетика, но в то же время во всех сюжетных ходах и мельчайших деталях угадывается канон: отсылки, намеки и аллюзии на рассказы о Шерлоке Холмсе. Сериал представляет собой яркий пример художественного произведения в духе постмодернизма, в котором прошлое не просто оживает – оно переосмысливается «иронично, без наивности» [Эко 2007: 77], а сохранению связи прошлого с новым произведением способствует явление интертекстуальности.

3. Интертекстуальность в свете проблем аудиовизуального перевода

Феномен интертекстуальности как одного из условий порождения, бытования и взаимосвязанности всех текстов, которые были или будут когда-либо созданы, изучен в современной лингвистике довольно подробно. Еще М.М. Бахтин отмечал, что «два высказывания, отдаленные друг от друга и во времени и в пространстве, ничего не знающие друг о друге, при смысловом сопоставлении обнаруживают диалогические отношения, если между ними есть хоть какая-то смысловая конвергенция» [Бахтин 1986: 321]. Таким образом, никакие высказывания не могут существовать изолированно друг от друга: любое высказывание является как реакцией на предыдущее высказывание, так и стимулом, вызывающим ответную реакцию реципиента.

Концепцию М.М. Бахтина развивает в своих работах Ю. Кристева, непосредственный автор термина «интертекстуальность». По мнению Кристевой, пространство текста является трехмерным, включая в себя субъекта (автора), адресата и неопределенное количество внешних по отношению к авторскому текстам. Элементы в данном пространстве взаимодействуют по двум осям: горизонтальной (субъект – адресат) и вертикальной (текст – контекст). Отсюда напрашивается вывод, что любое слово или текст обладает свойством интертекстуальности, ведь в результате «каждое слово (текст) представляет собой пересечение слов (текстов), а в точке их пересечения можно прочесть, по меньшей мере, еще одно слово (текст)» [Kristeva 1986: 37]. Таким образом, слово можно рассматривать как в качестве медиатора, связывающего структурные модели с их культурным (историческим) окружением, так и в качестве регулятора, управляющего процессом перехода от диахронии к синхронии [Kristeva 1986: 37]. Подобной точки зрения придерживается Р. Барт, утверждая, что «всякий текст есть между-текст по отношению к какому-то другому тексту» [Барт 1989: 418].

В самом широком смысле слова интертекстуальность представляет собой бесконечное количество возможностей, генерируемых всеми дискурсивными практиками в рамках культуры, всю матрицу коммуникативных высказываний, в которую помещается художественный текст и которая проникает в текст не только посредством узнаваемых отсылок, но и в процессе менее выраженной диссеминации [Kinder 1991: 2]. Н.А. Кузьмина рассматривает явление интертекстуальности еще шире. По ее мнению, «интертекст – это объективно существующая информационная реальность, являющаяся продуктом творческой деятельности Человека, способная бесконечно самогенерировать по стреле времени» [Кузьмина 2007: 20], а интертекстуальность – это «глубина текста, обнаруживающаяся в процессе его взаимодействия с субъектом» [Кузьмина 2007: 26]. Глубина текста актуализируется исключительно в процессе восприятия текста его реципиентом, причем чем больше когнитивных усилий тот прикладывает в процессе выявления и декодирования интертекстуального знака, тем большее интеллектуальное удовлетворение он получает.

Говоря об интертекстуальности, необходимо также отметить дуальную природу текста: он может существовать как прототекст – базовый текст, с опорой на который создается новый текст [Кузьмина 2007: 26], и как метатекст, интерпретирующий или эксплицирующий смысл прототекста [Смирнов 1995: 8]. В случае рассматриваемого трансмедийного проекта в особые динамические диалогические отношения триединства вступает автор прототекста (автор оригинального произведения), автор метатекста (сценарист, режиссер, актер) и конечный реципиент (зритель). Реакция зрителя, его интеллектуальное удовлетворение от узнавания интертекста и является тем элементом, который конституирует всю ткань метатекста и является триггером, запускающим постепенное «развертывание» смыслов, вектор которого противоположен вектору «стрелы времени».

В случае, когда метатекст подвергается процессу перевода, то в диалог текстов «вклинивается» дополнительный интерпретатор – переводчик; в результате в пространство текста добавляется четвертое измерение. Процесс взаимодействия текста с субъектом в рамках коммуникативной ситуации перевода существенно осложняется: интерпретация реципиентом прототекста, вплетенного в ткань метатекста, производится через призму восприятия переводчика. Таким образом, интенсивность интеллектуального удовлетворения реципиента напрямую зависит не только от собственных когнитивных усилий, но и от интертекстуальной компетенции переводчика, который выступает в данной системе в качестве «промежуточного» реципиента и автора.

Для того чтобы реципиент мог распознать интертекстуальную интенцию автора, «текст должен содержать определенные интертекстуальные индексы, сигнализирующие о наличии “чужого слова”» [Терских 2003:

23]. Для создания подобных индексов авторы, иногда сознательно, иногда нет, используют различные инструменты интертекстуальности: явную или скрытую цитацию, паратекст, аллюзии, аллегории, метафоры и т. п. Таким образом, основной задачей переводчика становится распознавание подобных индексов, которые маркируют интертекстуальность метатекста, эксплицитно или имплицитно указывают на наличие в метатексте «анонимных, неуловимых и вместе с тем уже читанных цитат... цитат без кавычек» [Барт 1989: 418]. На структурном уровне Г. Денисова выделяет три способа сигнификации и маркирования метатекстовых компонентов: референциальный (когда маркерами служат явные или скрытые аллюзии и реминисценции); экспрессивно-номинативный (маркерами являются метафорические имена собственные и заголовки); цитатный (в качестве маркеров выступают прямые, скрытые или трансформированные цитаты, парафразы, имитации, крылатые слова и выражения) [Денисова 2001: 114].

Любое аудиовизуальное произведение представляет собой полисемиотическое единство, и для маркирования интертекстуальности используются не только языковые знаки, но и знаки других семиотических систем: визуальные образы, иконические знаки, значимые шумы, музыкальные вставки и т. п. Именно поэтому аудиовизуальный перевод относится к интерсемиотическому переводу: посредством вербальных знаков переводчик интерпретирует знаки невербальных семиотических систем. Актуализация значимой информации в аудиовизуальном (креолизованном, поликодовом) тексте происходит на четырех уровнях: вербально-аудиальном (речь персонажей), вербально-визуальном (значимые надписи, субтитры), невербально-визуальном (значимые изображения, действия персонажей в кадре, визуальные эффекты) и невербально-аудиальном (музыкальное сопровождение, значимые шумы). Интертекстуальные индексы могут присутствовать на любом из этих уровней. Также внутри метатекста аудиовизуального произведения может происходить «интертекстуальная переключка» различных уровней, знаки одного уровня могут выступать в качестве дополнительных маркеров, позволяющих интенсифицировать интертекстуальность знаков другого уровня и задать определенный вектор когнитивному усилию реципиента.

Особенности аудиовизуального перевода как процесса декодирования и передачи средствами языка перевода вербального компонента полисемиотического единства аудиовизуального произведения, в результате которого создается новый вербальный компонент, пригодный к дальнейшей обработке (субтитрированию, озвучиванию, локализации и т. п.) с учетом общего контекста произведения и функциональных ограничений, накладываемых коммуникативной ситуацией перевода, обуславливают наличие факторов, которые могут препятствовать успешному распознаванию, декодированию интертекстуальных знаков и использованию оптимального способа их передачи средствами языка перевода:

1. Герменевтический фактор. Переводчик аудиовизуального произведения принципиально отличается от обычного зрителя, сидящего в зале кинотеатра или у экрана телевизора и получающего в первую очередь определенное впечатление от аудиовизуального произведения, так как восприятие переводчика – «это глубочайший лингвистический, культурологический, эстетический философский и... иной анализ текста» [Гарбовский 2007: 119]. Перевод представляет собой в первую очередь герменевтическую деятельность, в процессе которой переводчик сначала занят толкованием оригинального текста, декодированием смыслов, в него заложенных. Только после этого он приступает к созданию текста перевода. Залогом успеха в расшифровке смыслов, скрытых за интертекстуальными индексами, является интертекстуальная компетентность самого переводчика и категория известности прототекста. Переводчику важно не только распознать прототекст, но и решить, будет ли он признан читателем перевода [Гусева 2009: 6]. В случае, когда переводчик решает, что читатель не сумеет самостоятельно «разгадать» интеллектуальную загадку автора и увидеть смысл, скрытый за маркером интертекстуальности, он (переводчик), по мнению А.А. Гусевой, может снабдить такие интертекстуальные знаки переводческим комментарием, так как «неверная или недостаточно полная интерпретация интертекстуальных элементов может привести к существенным смысловым потерям» [Гусева 2009: 6]. В случае аудиовизуального перевода такая возможность отсутствует в связи с наличием большого количества ограничений, связанных с технологией процесса выполнения того или иного вида аудиовизуального перевода, о чем и пойдет речь ниже.

2. Технологический фактор. Аудиовизуальный перевод называют также «ограниченным» (constrained) переводом, так как технологический процесс выполнения различных видов аудиовизуального перевода серьезно регламентируется общими правилами, условиями заказчика, требованиями других участников процесса создания аудиовизуального произведения на языке перевода: студий озвучивания, актеров, укладчиков и т. п. Так, при переводе субтитров заказчики предъявляют четко сформулированные требования к количеству строк в субтитре (максимум 2 строки), количеству символов в строке (от 36 до 42), скорости чтения (от 12 до 17 символов в секунду). При дубляже-липсинке основное требование – сохранение фонетической эквивалентности текста оригинала и перевода: текст перевода должен вписываться в артикуляцию актеров, находящихся в кадре. При таких строгих ограничениях переводчику довольно часто приходится жертвовать возможностью передать интертекстуальные знаки оригинала в угоду требованиям технологического процесса, что снижает художественную ценность аудиовизуального произведения, но делает его более комфортным для просмотра.

3. Правовой фактор. Данный фактор напрямую связан с законом об авторском праве, который, в некоторых случаях, запрещает использование прототекста в связи с тем, что права на его публичную демонстрацию не были приобретены студией-прокатчиком. Довольно часто студии требуют создать новый перевод фраз, которые представляют собой прямую цитату прототекста, не обращая внимания на то, что данная фраза в переводе хорошо известна реципиенту, входит в его когнитивную базу и будет воспринята как интертекстуальный индекс. Новый перевод осуществляется в тех случаях, когда персонаж на экране цитирует стихи или произносит иной прецедентный текст, перевод которого охраняется законом об авторском праве. Бывает, что зрители, не принимая во внимание данный фактор, обвиняют переводчиков в невежестве, неумении распознать и передать интертекстуальные знаки, но в действительности переводчики не имеют права на использование общеизвестного и устоявшегося варианта перевода.

Таким образом, аудиовизуальный перевод диктует свои собственные правила передачи интертекстуальности аудиовизуального произведения. Учитывая то, что в случае трансмедийного проекта интертекстуальность является основной характеристикой, определяющей суть трансмедийного повествования, рассмотрение инструментов интертекстуальности в свете особенностей аудиовизуального перевода представляется интересной задачей.

4. Инструменты интертекстуальности в сериале «Шерлок» в аспекте перевода трансмедийного проекта

В ходе данного исследования были просмотрены четыре сезона сериала «Шерлок», в результате было отобрано 180 индексов интертекстуальности, реализованных на всех уровнях актуализации информации в аудиовизуальном произведении. Все индексы были проанализированы в соответствии со способами маркирования интертекстуальности, предложенными Г. Денисовой, отдельному анализу подвергся перевод соответствующих фрагментов сериала на русский язык, выполненный специалистами «Первого канала». Необходимо отметить, что сериал переведен в технике дубляжа, под которой подразумевается «укладка» текста перевода в артикуляцию актеров, находящихся в кадре. Задача передать фонетическую форму отдельных слов или фраз имеет в дубляже приоритет над передачей смысла высказывания, который, тем не менее, должен соответствовать визуальному и семантическому контексту конкретной сцены или всего произведения. О наличии правовых ограничений на воспроизведение текста перевода информации получить не удалось, однако, по словам руководителя отдела предэфирной подготовки «Первого канала» А. Ивановой, при переводе к источнику прототекста – произведениям А.К. Дойла – канал не обращался (https://www.gazeta.ru/culture/2013/12/28/a_5823209.shtml). В связи с этим в переводе были допущены неточно-

сти, повлиявшие на понимание некоторых отсылок к каноническому прототексту. Интересно, что прототекст, функционирующий в сериале, часто подвергается различным трансформациям с целью создания дополнительного эффекта (чаще всего комического); анализ таких фрагментов представлял особый интерес.

Как показали результаты исследования, наименее продуктивным способом маркирования интертекстуальности стал экспрессивно-номинативный способ (8 примеров, 4,4 %). Большая часть таких примеров – названия серий, представляющие собой трансформированные названия соответствующих рассказов и повестей о Шерлоке Холмсе. Основным инструментом интертекстуальности в данном случае стало переосмысление прототекста и создание игры слов, основанной на сходствах и различиях сюжетов исходных произведений и соответствующих серий. Так, название первой серии второго сезона *A Scandal in Belgravia* («Скандал в Белгравии») является прямой отсылкой к рассказу А.К. Дойла *A Scandal in Bohemia* («Скандал в Богемии»), который повествует о деле короля Богемии, имевшего неосторожность влюбиться в известную авантюристку Ирэн Адлер. В доказательство этой связи у Ирэн осталась фотография, на которой она была запечатлена вместе с королем и которой теоретически могла его шантажировать. Шерлок Холмс вызвался помочь монарху и обещал заполучить компрометирующее фото. Интересно, что топоним «Белгравия» не просто созвучен топониму «Богемия»: это название фешенебельного района Лондона, расположенного недалеко от Букингемского дворца. Так как жертвой Ирэн Адлер в данном эпизоде становится некая особа королевских кровей, то рассматриваемый интертекстуальный индекс выступает, с одной стороны, как намек на сюжет соответствующего рассказа о Шерлоке Холмсе, а с другой стороны, предвосхищает развитие сюжета эпизода: Шерлока просят добыть фотографии, компрометирующие одного из членов королевской семьи, для этого его доставляют непосредственно в резиденцию британских монархов. В соответствии с каноном Шерлок переодевается в священника и проникает в дом Ирэн Адлер, однако по закону трансмедийного проекта сюжет прототекста трансформируется: Ирэн Адлер из актрисы и светской *femme fatale* превращается в профессиональную госпожу, практикующую БДСМ, компрометирующие фото хранятся в ее мобильном телефоне, а Джон Ватсон не кидает в окно Ирэн Адлер дымовую шашку, как это описано у Дойла – он поджигает газету, в результате чего в доме срабатывает пожарная сигнализация. В переводе серия называется «Скандал в Белгравии», что, с одной стороны, сохраняет интертекстуальный посыл (оригинальный рассказ в переводе называется «Скандал в Богемии»), и зритель, знакомый с творчеством А.К. Дойла, сумеет этот посыл расшифровать. С другой стороны, топоним «Белгравия», скорее всего, ничего не скажет российскому зрителю, поэтому данная аллюзия в переводе утеряна.

Еще одним примером переосмысления прототекста можно считать название второй серии четвертого сезона *The Lying Detective* («Шерлок при смерти»). Сюжет эпизода повторяет сюжет рассказа *The Adventure of the Dying Detective* («Шерлок Холмс при смерти»), в котором Шерлоку Холмсу приходится притвориться умирающим, чтобы вывести на чистую воду врача-отравителя Калвертона Смита. Трансформация прототекста заключается в замене лексемы *dying* – умирающий созвучной лексемой *lying*. Интересно, что в английском языке данное причастие настоящего времени, в зависимости от контекста, может иметь два значения: *лежащий* и *лгущий, обманывающий*. В результате каламбур полностью соответствует контексту эпизода: в финале Шерлок «прикован» к постели в палате клиники, принадлежащей Калвертону Смиту, но в то же время он притворяется смертельно больным, чтобы разоблачить Смита, спровоцировав его на попытку убийства. В переводе эпизод получил название «Шерлок при смерти», что не позволило передать суть английского каламбура, но практически соответствует переводу названия соответствующего рассказа («Шерлок Холмс при смерти»). Потеря фамилии знаменитого сыщика в переводе обусловлена особенностью взаимоотношений главных героев сериала: если у Дойла, в соответствии с викторианскими традициями, герои называют друг друга исключительно по фамилии, то в современном Лондоне они обращаются друг к другу по именам – Шерлок и Джон.

Вторым по продуктивности способом маркирования интертекстуальности в рассматриваемом сериале стал **цитатный способ** (45 примеров, 25 %). Основными инструментами интертекстуальности в данном случае стали использование канонической вербальной цитаты, трансформированной вербальной цитаты, а также использование визуальной цитаты.

При использовании канонической цитаты авторы сериала, как правило, обращаются к таким элементам прототекста, которые прочно вошли в британскую культуру и ассоциируются зрителями исключительно с конкретным произведением или персонажем. Одной из ключевых фраз Шерлока является своего рода присказка: *You see, but you do not observe*. У Дойла эта фраза появляется в рассказе «Скандал в Богемии», когда Холмс объясняет основы своего дедуктивного метода своему другу, доктору Ватсону¹. В переводе Н. Войтинской фраза звучит следующим образом: *Вы смотрите, но вы не наблюдаете* (с. 211)². Создатели сериала в свойственной им манере сохранили форму цитаты, но поместили ее в иную коммуникативную ситуацию. В первой серии четвертого сезона Шерлок гово-

¹ Во всех переводах рассказов о Шерлоке Холмсе фамилия доктора транскрибирована (Уотсон), Ватсоном он стал благодаря советскому сериалу «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона». Далее в статье будет использоваться транслитерированный вариант фамилии – Ватсон.

² Здесь и далее произведения о Шерлоке Холмсе в русском переводе цитируются по изданию [Конан Дойл 2014]. В круглых скобках указывается номер цитируемой страницы.

рит: *As ever Watson. You see but do not observe...* – однако, когда камера берет средний план, мы видим, что собеседником Шерлока является не сам доктор Ватсон, а его новорожденная дочь Розы. Таким образом, используя каноническую цитату в неожиданной ситуации, создатели сериала не только сохранили связь с прототекстом, но и заставили зрителя улыбнуться. В переводе каноническая форма цитаты была сохранена (*Как всегда, Ватсон. Ты смотришь, но не наблюдаешь*), что позволило сохранить коммуникативный прагматический потенциал интертекстуального знака в языке перевода.

Другим примером подобной цитации может служить фраза *Work is the best antidote to sorrow*, которую Шерлок произносит в той же серии. Мэри Ватсон мертва, Джон Ватсон винит в ее смерти своего друга-детектива, и Шерлок, отвечая на вопрос миссис Хадсон «готов ли он снова взяться за расследование преступлений», говорит: *Работа – лучшее лекарство от печали, миссис Хадсон*. Похожий ответ он дает своему другу, убитому горем в связи со смертью жены доктору Ватсону, в рассказе «Пустой дом» в переводе Д. Лившиц: *Работа – лучшее противоядие от горя, дорогой Уотсон...* (с. 686). Переводчики «Первого канала» не сохранили форму канонической цитаты, однако даже в этом случае угадывается интертекстуальный посыл авторов.

Довольно интересным случаем использования трансформированной цитаты стал пример введения в контекст сериала еще одной канонической фразы, которой известен великий сыщик: *the game is afoot*. Впервые эта фраза появилась в рассказе «Убийство в Эбби-Грейндж» и сразу же «ушла в народ». Ее популярность объясняется не только популярностью героя, в уста которого Дойл вложил эти слова. Дело в том, что уже в произведениях о Шерлоке Холмсе данная фраза является интертекстуальным индексом, так как великий сыщик цитирует отрывок из монолога Генриха V из одноименной пьесы У. Шекспира, ставшей источником большого количества цитат, закрепившихся в английском языке в качестве крылатых выражений. Вышеупомянутый монолог Генрих V произносит перед осадой крепости Гарфлёр, ставшей первым шагом к победе англичан в битве при Азенкуре (1415 г.), одном из ключевых сражений Столетней войны. Король обращается к своей армии с воодушевляющей речью, заканчивая ее фразой: *I see you stand like greyhounds in the slips, Straining upon the start. The game's afoot; Follow your spirit: and upon this charge, Cry – God for Harry! England and Saint George!* (W. Shakespeare. Henry V). В русскую литературную традицию эта фраза вошла в переводе Е. Бируковой и звучит следующим образом: *Стоите, вижу, вы, как своры гончих, На травлю рвущиеся. Поднят зверь. С отвагой в сердце риньтесь в бой, крича: «Господь за Гарри и святой Георг!»* (У. Шекспир. Генрих V). У Дойла данную фразу произносит Шерлок Холмс, который, как и король Генрих V, готов броситься в бой, но уже не с французами, а с таинственным убийцей сэра Юстеса

Брэкенстолла. Получив сообщение о трагедии, произошедшей в Эбби-Грейндж, Холмс понимает, что дело обещает быть трудным и чрезвычайно интересным, и взволнованно обращается к своему другу, доктору Ватсону: *"Come, Watson, come!" he cried. "The game is afoot. Not a word! Into your clothes and come!"* (A.C. Doyle. The adventure of the Abbey Grange). Интересно, что в переводе Л. Борового данный интертекстуальный индекс распознан не был, и по-русски слова Холмса звучат так: «*Вставайте, Уотсон, вставайте! – говорил он. – Игра началась. Ни слова. Одевайтесь, и едем!*» (с. 903).

В сериале данная цитата обыграна довольно интересным образом. Современный Шерлок произносит знаменитую цитату в трансформированном виде: его любимая фраза *the game is on*. Однако дальше авторы сериала начинают настоящую «интертекстуальную игру». Англоязычные зрители, знакомые с канонической формой данной цитаты, неизбежно угадывают скрывающийся за ней прототекст. Тем не менее, в специальном эпизоде *The Abominable Bride* («Безобразная невеста»), вышедшем в 2015 г. и перенесшим полюбившихся зрителю персонажей «обратно» в викторианский Лондон, Шерлок произносит свою любимую фразу, но уже в привычной форме *the game is afoot*. На этом жизнь данной цитаты в тексте сериала не заканчивается. Во второй серии четвертого сезона современный Шерлок, находясь в наркотическом угаре, громит квартиру, размахивая револьвером и декламируя тот самый монолог из «Генриха V», заканчивая его той же, ставшей ключевой для сериала, фразой *the game's afoot*. Таким образом, авторы сериала «закольцовывают» интертекстуальный индекс, возвращая зрителя к первоисточнику прототекста – драме У. Шекспира. В переводе же, к большому сожалению, эта интертекстуальная игра не сохранилась: в соответствии с русским каноном трансформированная цитата *the game is on* была переведена как *игра началась*, что не позволило переводчикам развить интертекстуальный посыл авторов. Каноническая английская цитата *the game is afoot* в переводе осталась прежней (*игра началась*), а аналогичная фраза из монолога Генриха V была переведена в соответствии с вариантом Е. Бируковой (*поднят зверь*). Таким образом, интертекстуальность в переводе была утеряна безвозвратно.

Еще одним довольно интересным инструментом интертекстуальности, использованным авторами сериала, стало применение визуальной цитации. Несомненным достоинством аудиовизуальных произведений является возможность выражать дополнительные смыслы посредством визуального и звукового ряда. Так, в повести «Знак четырех», когда Холмс и Ватсон оказались в глупой ситуации – собака, которая шла по следу преступников, притащила героев к бочке с креозотом (креозотом была измазана подошва ботинка преступника), – мы встречаем такую фразу: *Мы с Шерлоком Холмсом посмотрели друг на друга и одновременно разразились неудержимым смехом* (с. 156). Подобная ситуация присутствует и в се-

риале: Шерлок и Джон оказались в Букингемском дворце, причем Шерлок сидит на софе в одной простыне (его притащили во дворец прямо с Бейкер-стрит). Джон интересуется, успел ли Шерлок надеть белье, тот отвечает отрицательно, и герои начинают безудержно хохотать. В данном случае переводчик бессилен: распознать интертекстуальный индекс и войти «в резонанс» с автором зрителю позволит исключительно его собственная интертекстуальная компетентность.

Наиболее продуктивным способом маркирования интертекстуальности стал **референциальный способ** (127 примеров, 70,6 %). Основным инструментом интертекстуальности в данном случае становится использование аллюзий на имена персонажей, наименования локаций, ситуации, которые хорошо знакомы зрителю по произведениям А.К. Дойла. Довольно часто аллюзивность реализуется в визуальной или метафорической форме, также одним из инструментов, позволяющих «зацепить» зрительское внимание и создать эффект обманутого ожидания, является антиаллюзия – прием, при использовании которого прототекст, ставший элементом метатекста, приобретает смысл, противоположный смыслу, заложенному в него автором прототекста.

Примером аллюзии, основную роль в которой играют имена персонажей, может стать странная на первый взгляд фраза, которую мы видим на экране в первой серии третьего сезона: Шерлок и жена Ватсона Мэри получают смс, представляющее собой код, в котором говорится, что Джон Ватсон в беде. Один из элементов кода звучит следующим образом: *John or James Watson (Джон или Джеймс Ватсон)*. Данная фраза может вызвать недоумение зрителя, но тот, кто распознает в ней интертекстуальный посыл, получит истинное интеллектуальное удовлетворение: дело в том, что в рассказе «Человек с рассечённой губой» Мэри Морстан действительно называет своего мужа Джеймсом Уотсоном. Вышло это, по-видимому, по недосмотру самого автора, что не преминули обыграть создатели сериала. В русском переводе этого рассказа М. и Н. Чуковские оставили имя Джеймс, поэтому у русского зрителя есть шанс также включиться в интертекстуальную игру, ведь в переводе «Первого канала» фраза «Джон или Джеймс Ватсон» локализована в виде смс, помещенного в кадр.

Говоря об именах героев сериала, необходимо отметить еще одну аллюзию, которая развивается авторами в течение четырех сезонов и позволяет создать комический эффект: Шерлок никак не может запомнить имя инспектора Лейстреда, называя его то Грэмом, то Джеффом, хотя настоящее имя инспектора – Грэг. Дело в том, что сам А.К. Дойл так и не дал имени незадачливому инспектору Скотланд-Ярда, назвав его просто G. Lestrade. Суть аллюзии может быть утеряна для русского зрителя, так как на английском все три имени начинаются с буквы «G», тогда как в русском переводе имена, которые дает Шерлок полицейскому, начинаются с букв «Г» или «Д».

Одним из примеров использования аллюзии в качестве инструмента создания интертекстуальности, а вместе с тем утерянного в переводе намека на то, как будут развиваться события далее, стала сцена оглашения поздравительных телеграмм во второй серии третьего сезона. Шерлок, исполняющий роль шафера на свадьбе Джона и Мэри Ватсон, зачитывает свадебные поздравления. Среди них телеграмма следующего содержания: *Oodles of love and heaps of good wishes, from CAM. Wish your family could have seen this...* В этот момент камера берет Мэри крупным планом и нам хорошо видно, что героиня испугана и немного растеряна. Зритель, хорошо знакомый с каноном, сразу же уловит отсылку к рассказу «Конец Чарльза Огастеса Милвертона», в котором главный антагонист и «король шантажа» Милвертон подписывал свои телеграммы именно так (CAM – инициалы от Charles Augustus Milverton). В сериале аналогичный антагонист по имени Чарльз Огастес Магнуссен (Charles Augustus Magnussen) станет ключевым злодеем следующего, третьего эпизода третьего сезона. Соответственно, по реакции Мэри можно сделать вывод, что она прекрасно знакома с «королем шантажа», он знает, что Мэри сирота, так как в телеграмме есть намек на то, что родители Мэри умерли, и он, вероятно, сам приложил к этому руку (*Wish your family could have seen this... – Жаль, что твои родные этого так и не увидели...*). В русском переводе рассказа под редакцией М. Литвиновой телеграммы подписаны инициалами, образованными от транслитерированного имени данного персонажа: Ч.О.М. Однако в переводе сериала инициалы транскрибированы: *Немерено и любви и до тучи хороших пожеланий от Кэма. Вот бы у вашей семьи это было.* В результате интертекстуальный индекс исчез, и внимательный зритель будет удивлен реакцией Мэри на совершенно невинную поздравительную телеграмму.

Использование аллюзии на определенную локацию для создания интертекстуального индекса так же широко используется авторами сериала в качестве инструмента интертекстуальности. В повести «Этюд в багровых тонах» приехавший в Лондон после ранения доктор Ватсон встретил своего бывшего коллегу Стэмфорда в баре «Критерион» (*Criterion Bar*). В сериале они встречаются в парке и пьют кофе из бумажных стаканчиков, на которых написано *CRITERION*. Другим примером подобной аллюзии можно назвать сцену из первой серии четвертого сезона, когда Мэри, скрывающаяся от человека, обещавшего ее убить, останавливается в отеле «Сесил» (*Hotel CECIL*). Внимательный зритель может провести параллель между названием отеля и персонажем по имени Сесил Форрестер – дамы, у которой «литературная» Мэри Морстен служила компаньонкой. В переводе данные надписи не локализованы, поэтому русскому зрителю, не читавшему произведения о Шерлоке Холмсе в оригинале, будет не под силу войти в интертекстуальный резонанс с создателями сериала.

Чаще всего авторы сериала пользуются приемом создания аллюзии на ту или иную ситуацию, которая хорошо знакома поклонникам творчества А.К. Дойла. Подобные интертекстуальные знаки могут быть выражены вербально: например, в сцене поездки в такси в первом эпизоде первого сезона, когда Шерлок демонстрирует свои дедуктивные способности доктору Ватсону, он по одному внешнему виду мобильного телефона реконструирует характер и судьбу брата Джона, которому телефон принадлежал изначально. На экране практически полностью повторяется сцена из повести «Знак четырех», в которой Холмс делает выводы о характере и образе жизни брата доктора Ватсона по внешнему виду его карманных часов. Однако, если в книге Ватсон просто восхищается способностями Холмса, то в сериале сцена заканчивается весьма неожиданно, так как все догадки Шерлока оказались верными, кроме одной: у Джона Ватсона из сериала была сестра, а не брат. Этот факт создает комический эффект и придает полноты образу Шерлока как человека, способного ошибаться. В переводе аллюзия на канон угадывается моментально, что приносит зрителю несомненное интеллектуальное удовлетворение.

Такие трансформированные иллюзии стали настоящей находкой создателей «Шерлока», так как, с одной стороны, позволяют перенести сюжет в иной хронотоп, а с другой стороны, обеспечивают ощущение «переклички» сериала с каноническим прототекстом. Если в повести «Знак четырех» Холмс, который изнывает от вынужденного безделья, вкалывает себе семипроцентный кокаин, то во втором эпизоде второго сезона Шерлок, раздосадованный тем, что у него нет под рукой подходящего дела, просит Джона найти ему наркотик. Тот отказывается, а вошедшая в гостиную миссис Хадсон предлагает Шерлоку выпить чаю. Тот отказывается и произносит следующую фразу: *I need something stronger than tea. 7 % stronger* (Мне нужно кое-что покрепче чаю. На 7 % крепче). В переводе «Первого канала» часть фразы, в которой говорится о семи процентах, была опущена. Сделано это было в связи с ограничениями, которые накладывает перевод под дубляж: в целях укладки текста в артикуляцию актера первая фраза *I need something stronger than tea* была переведена *Что мне толку от вашего чаю?*, что соответствует условиям сохранения фонетической эквивалентности (совпадение артикуляции гласной [o] в английском и русском языках), однако интертекстуальным индексом переводчикам пришлось пожертвовать. В связи с этим вся сцена выглядит абсолютно естественно, но теряется ощущение «диалога» метатекста и прототекста, который придает несомненное очарование данному эпизоду на языке оригинала.

В сериале довольно много трансформированных интертекстуальных индексов, которые поддерживаются как вербальными, так и невербальными аллюзиями. В первом эпизоде первого сезона Джон заходит в комнату и видит Шерлока, который лежит на кушетке, согнув руку в локте. У зрителя складывается ощущение, что детектив снова вернулся к своей

пагубной привычке и вколол себе наркотик. Однако камера показывает Шерлока крупным планом, и мы видим, что на руке у него наклеены три никотиновых пластыря. Когда Джон интересуется, зачем ему сразу три пластыря, Шерлок отвечает: *It's a three-patch problem – Проблема всего на три пластыря*. Безусловно, искушенный зритель сразу считает обращение к прототексту: в рассказе «Союз рыжих» Холмс утверждает, что дело Джабеза Уилсона – клиента детектива – *задача как раз на три трубки* (с. 244). Независимо от того, что в переводе «Первого канала» вместо слова *задача* употреблено слово *проблема*, зритель сможет провести параллель между канонической цитатой и ситуацией, разворачивающейся на экране.

Примером невербальной актуализации аллюзии может служить эпизод из третьей серии второго сезона, когда заклятый враг Шерлока профессор Мориарти присылает ему сообщения, начинающиеся с пяти гудков – аналог пяти зернышек апельсина, которые преступники из одноименного рассказа посылали в конверте своим будущим жертвам. Еще одна интересная невербальная аллюзия построена на забавном несоответствии, присутствующем в произведениях Дойла. В повести «Этюд в багровых тонах» (1887 г.) доктор Ватсон рассказывает о своем ранении в Афганистане: *Ружейная пуля угодила мне в плечо, разбила кость и задела подключичную артерию* (с. 5). Однако по прошествии нескольких лет ранение доктора магическим образом «перемещается», и в рассказе «Знатный холостяк» (1892 г.) мы читаем: *...я же весь день сидел в комнате, потому что погода внезапно испортилась, поднялся сильный осенний ветер, пошёл дождь, и застрявшая в ноге пуля, которую я привёз с собой на память об афганском походе, напоминала о себе тупой непрерывной болью* (с. 394). Авторы сериала мастерски сыграли на этой ошибке, прокравшейся в прототекст: в сериале Джон получил ранение в плечо, но страдает от фантомных болей в ноге, и поэтому ходит, опираясь на трость. Примером невербальной антиаллюзии может служить ситуация с усами Джона Ватсона, которая развивается в первой серии третьего сезона: в соответствии с каноном, как на иллюстрациях в журнале «Стрэнд», где впервые вышли рассказы о Шерлоке Холмсе, так и в кинематографе, доктор всегда изображался с усами. Однако в сериале все герои посмеиваются над его новым обликом и в результате он вынужден сбрить усы и стать привычным «современным» Джоном Ватсоном. Как уже было сказано выше, в случаях, когда прототекст актуализируется посредством визуальных образов, переводчики бессильны. Они не имеют возможности «намекнуть» зрителю на наличие интертекстуального индекса, сделать сноску или ввести соответствующее пояснение в ткань метатекста. Поэтому задача декодирования таких индексов полностью ложится на плечи зрителя.

5. Заключение

Культура просмотра телевизионных сериалов за последние 10–15 лет кардинально изменилась: из «мыльных опер» с элементарным сю-

жетом и горячими страстями сериалы превратились в полноценные художественные произведения, по качеству сценария, режиссерской работы, операторского мастерства, актерской игры и т. п. порой превосходящие кинофильмы. Довольно часто продюсеры намеренно обращаются к классическим литературным сюжетам и реальным историческим событиям, что встречает живой отклик у аудитории. Стратегия создателей сериала «Шерлок» – представить на суд зрителей принципиально новое прочтение канонических рассказов А.К. Дойла, сохранив, тем не менее, тесную связь с прототекстом посредством внедрения вербальных и визуальных интертекстуальных индексов, заставляющих зрителя находиться в постоянном процессе ожидания подобных отсылок, вычленять их из ткани метатекста и декодировать, получая не только эстетическое наслаждение от просмотра сериала, но и интеллектуальное удовлетворение.

Основным инструментом интертекстуальности, заложенной в названиях эпизода, стала трансформация оригинальных названий произведений А.К. Дойла с целью создания игры слов, которая, с одной стороны, позволяет зрителю «угадать», о чем пойдет речь в предстоящей серии, а с другой стороны, представляет собой намек на то, что сюжет эпизода не будет целиком и полностью совпадать с каноническим, что повышает зрительский интерес и является основной характеристикой трансмедийного нарратива. При переводе на русский язык удалось сохранить эффект трансформации прототекста, но в большинстве случаев игра слов была утеряна. В данном случае задача сохранить как игру слов, так и интертекстуальные связи, представляется невозможной. Таким образом, следует признать получившиеся варианты перевода вполне удачными и соответствующими основной стратегии создателей сериала.

Особое место в контексте сериала занимают цитаты и аллюзии, которые актуализируются как в вербальной, так и в визуальной форме и распознаются зрителем, хорошо знакомым с прототекстом. Такие интертекстуальные индексы функционируют в традиционной канонической форме, трансформируются, помещаются в новый хронотоп, в новую коммуникативную ситуацию. К сожалению, при переводе подобные индексы довольно часто утрачиваются, что связано как с уровнем интертекстуальной компетентности переводчика (прототекст не распознается), так и с техническими ограничениями, накладываемыми требованиями к переводу под дубляж (прототекст распознается, но не вводится в метатекст перевода). Тем не менее необходимо признать, что в рассмотренном переводе «Первого канала» есть немало удачных решений, которые позволяют зрителю войти в интертекстуальный резонанс с создателями сериала и получить интеллектуальное удовлетворение от распознавания и считывания прототекста. Вероятно, дальнейшие исследования инструментов интертекстуальности, применяемых при создании аудиовизуальных транс-

медийных проектов, и их рассмотрение с позиций аудиовизуального перевода позволят повысить качество переводного контента и дадут российскому зрителю возможность стать полноправным участником увлекательной «игры в интертекстуальность».

Список литературы

- Барт Р.* Избранные работы: Семиотика: Поэтика: пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.
- Гусева А.А.* Интертекстуальность как переводческая проблема (на материале романа Дж. Джойса «Улисс» и его перевода на русский язык): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 20 с.
- Денисова Г.* Интертекстуальность и семиотика перевода: возможности и способы передачи интекста // Текст. Интертекст. Культура: сб. докл. междунар. науч. конф. (Москва, 4–7 апреля 2001 г.). М.: Азбуковник Москва, 2001. С. 112–128.
- КрасноярOVA О.В.* Новые медиаплатформы: принципы функционирования и классификация видов // Вопросы теории и практики журналистики. 2016. Т. 5. № 1. С. 45–57. DOI: 10.17150/2308-6203.2016.5(1).45-57.
- Кузьмина Н.А.* Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. М.: КомКнига, 2007. 272 с.
- Смирнов И.П.* Порождение интертекста (элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака). СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 1995. 191 с.
- Терских М.В.* Реклама как интертекстуальный феномен: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2003. 199 с.
- Эко У.* Заметки на полях «Имени розы» / пер. с итал. Е. Костюкович. СПб.: Симпозиум, 2007. 92 с.
- Dena C.* Transmedia Practice: Theorising the Practice of Expressing a Fictional World across Distinct Media and Environments: PhD Thesis / School of Letters, Art and Media, Department of Media and Communications, Digital Cultures Program. University of Sydney, Australia, 2009. 354 p. URL: https://ciret-transdisciplinarity.org/biblio/biblio_pdf/Christy_DeanTransm.pdf (дата обращения: 15.09.2017).
- Jenkins H.* Transmedia 202: Further reflections // Henry Jenkins: personal site. July 31, 2011. URL: http://henryjenkins.org/2011/08/defining_transmedia_further_re.html (дата обращения: 15.09.2017).
- Jenkins H.* Convergence culture. Where old and new media collide. New York; London: New York University Press, 2006. 318 p.
- Kinder M.* Playing with Power in Movies, Television, and Video Games From Muppet Babies to Teenage Mutant Ninja Turtles. Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press, 1991. 266 p.
- Kristeva J.* The Kristeva Reader / Ed. by Totil Moi. New York: Columbia University Press, 1986. 327 p.

Источники

- Конан Дойл А. Полное собрание повестей и рассказов о Шерлоке Холмсе в одном томе. М.: Эксмо, 2014. 1488 с.
- Шекспир У. Генрих V / пер. Е. Бируковой // Полное собрание сочинений: в 8 т. М.: Искусство, 1959. Т. 4. С. 371–491.
- Doyle A.C. The adventure of the Abbey Grange. URL: <https://sherlock-holm.es/stories/pdf/a4/1-sided/abbe.pdf> (дата обращения: 15.09.2017).
- Shakespeare W. Henry V. URL: <http://shakespeare.mit.edu/henryv/full.html> (дата обращения: 15.09.2017).

References

- Bakhtin, M.M. (1986), *Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of language creativity]*, Moscow, Iskusstvo Publ., 445 p. (in Russian)
- Barthes, R. (1989), *Semiotics. Poetics*, Selected works, Moscow, Progress Publ., 616 p. (in Russian)
- Dena, C. (2009), *Transmedia Practice: Theorising the Practice of Expressing a Fictional World across Distinct Media and Environments*, PhD Thesis, School of Letters, Art and Media, Department of Media and Communications, Digital Cultures Program, University of Sydney, Australia, 374 p., available at: https://ciret-transdisciplinarity.org/biblio/biblio_pdf/Christy_DeanTransm.pdf (accessed September 15, 2017).
- Denisova, G. (2001), Intertekstualnost' i semiotika perevoda: vozmozhnosti i sposoby peredachi inteksta [Intertextuality and Semiotics of translation: possibilities and ways of translating intext]. *Tekst. Intertekst. Kul'tura [Text. Intertext. Culture]*, Proceedings of International Scientific Conference (Moscow, April 4-7, 2001), Moscow, Azbukovnik Moskva Publ., pp. 112-128. (in Russian)
- Eco, U. (2007), *Postscript to The Name of the Rose*, St. Petersburg, Simpozium Publ., 92 p. (in Russian)
- Garbovskii, N.K. (2007), *Teoriya perevoda [Theory of translation]*, Moscow, Moscow University Publ., 544 p. (in Russian)
- Guseva, A.A. (2009), *Intertekstualnost' kak perevodcheskaya problema (na materiale romana Dzh. Dzhoyisa "Uliss" i ego perevoda na russkii yazyk [Intertextuality as a translation issue (case study of J. Joyce's "Ulysses" and its translation into Russian)]*, Author's abstract, Moscow, 20 p. (in Russian)
- Jenkins, H. (2011), Transmedia 202: Further reflections. *Henry Jenkins*, personal site, July 31, available at: http://henryjenkins.org/2011/08/defining_transmedia_further_re.html (accessed September 15, 2017).
- Jenkins, H. (2006), *Convergence culture. Where old and new media collide*, New York, London, New York University Press, 318 p.
- Kinder, M. (1991), *Playing with Power in Movies, Television, and Video Games From Muppet Babies to Teenage Mutant Ninja Turtles*, Berkeley, Los Angeles, Oxford, University of California Press, 266 p.
- Krasnoyarova, O.V. (2016), New media platforms: the principles of operation and classification of species. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, Vol. 5, no. 1, pp. 45-57. DOI: 10.17150/2308-6203.2016.5(1).45-57. (in Russian)
- Kristeva, J. (1986), *The Kristeva Reader*, ed. by Totil Moi, New York, Columbia University Press, 327 p.

- Kuz'mina, N.A. (2007), *Intertekst i ego rol' v protsessakh evolyutsii poeticheskogo yazyka* [*Intertext and its role in poetic language evolution*], Moscow, KomKniga Publ., 272 p. (in Russian)
- Smirnov, I.P. (1995), *Porozhdenie interteksta (elementy intertekstual'nogo analiza s primerami iz tvorchestva B.L. Pasternaka)* [*Intertext generation (elements of intertextual analysis with examples from works of B.L. Pasternak)*], St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 191 p. (in Russian)
- Terskikh, M.V. (2003), *Reklama kak intertekstual'nyi fenomen* [*Advertising as an intertextual phenomenon*], Dissertation, Omsk, 199 p. (in Russian)

Sources

- Doyle, A.C. (2014), *Complete set of novels and stories about Sherlock Holmes*, in one volume, Moscow, Eksmo Publ., 1488 p. (in Russian)
- Doyle, A.C. *The adventure of the Abbey Grange*, available at: <https://sherlock-holm.es/stories/pdf/a4/1-sided/abbe.pdf> (accessed September 15, 2017).
- Shakespeare, W. (1959), Henry V, transl. by E. Birukova. Shakespeare, W. *Complete set of works*, in 8 volumes, Moscow, Iskusstvo Publ., Vol. 4, pp. 371-491. (in Russian)
- Shakespeare, W. *Henry V*, available at: <http://shakespeare.mit.edu/henryv/full.html> (accessed September 15, 2017).

INTERTEXTUALITY TOOLS IN TRANSMEDIA PROJECT AND TRANSLATION ISSUES (CASE STUDY OF BBC SERIES "SHERLOCK")

E.D. Malenova

Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Abstract: Transmedia projects, meaning creative works localized across different media platforms and aimed at different target audiences, become very popular in our modern mass-culture. Such projects include, but are not limited to literary works, computer games, audiovisual pieces (such as TV series, films, cartoons, theatrical performances, etc.), graphic novels, web sites, and the like. The main characteristic of any transmedia project is its intertextuality, which implies some “dialogue” of texts in a broad sense, responsible for interconnection of all project’s elements and creation of the project’s “universe”. The research presented focuses on identification of intertextuality tools used by creators of BBC series “Sherlock” as a part of major transmedia project. The author dwells upon the most efficient intertextuality tools that connect the series to the canon’s prototext. The intertextual indices created are researched from the point of view of audiovisual translation. The author defines the main factors that prevent the translator from finding, decoding and translating intertextual signs. The aim of the case study is to understand, how the said intertextuality tools influence translation results and help preserve the series’ intertextuality in the process of its localization in the target language culture.

Key words: intertextuality, audiovisual translation, transmedia project, media platform.

For citation:

Malenova, E.D. (2018), Intertextuality tools in transmedia project and translation issues (case study of BBC series "Sherlock"). *Communication Studies*, No. 1 (15), pp. 142-164. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.1.142-164. (in Russian)

About the author:

Malenova Evgeniya Dmitrievna, Dr., Associate Professor of the Department of English Philology

Corresponding author:

Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: malenovae@mail.ru

Received: September 15, 2017

Раздел IV

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Part IV

REVIEWS. CHRONICLE

УДК 811.16.1

DOI 10.25513/2413-6182.2018.1.167-169

РЕЦЕНЗИЯ НА «ПОСОБИЕ ПО ТЕСТИРОВАНИЮ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ» ЧЖАН ЦИН-ГО

Е Сян Линь

Государственный университет Чженчжи (Тайбэй, Тайвань)

Аннотация: Рассматривается вышедшее в 2015 г. пособие Чжан Цин-го, доцента кафедры русского языка и литературы в Университете Тамканг, – первая изданная в Тайване книга, ориентированная на уровень B1 TORFL (тестирование по русскому языку как иностранному), не только для студентов университетов, но и всех изучающих русский язык представляющая разнообразные подходы к решению проблем в области грамматики, разговора, чтения и восприятия на слух, а также развитие навыков письма.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, тестирование, субтест, сертификационный уровень, чтение, аудирование, письмо, говорение, лексика, грамматика.

Для цитирования:

Е Сян Линь. Рецензия на «Пособие по тестированию по русскому языку как иностранному» Чжан Цин-го // Коммуникативные исследования. 2018. № 1 (15). С. 167–169. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.1.167-169.

Сведения об авторе:

Е Сян Линь, доцент

Контактная информация:

Почтовый адрес: 11605, Taiwan, Taipei City, Wenshan District, Zhinan Rd., Sec. 2, 64

E-mail: verayeh@nccu.edu.tw

Дата поступления статьи: 11.11.2017

В конце 2015 г. в Тайване вышло в свет пособие по тестированию по русскому языку как иностранному. Автором пособия является Чжан Цин-го, работающий на кафедре русского языка и литературы Университета Тамканг. В свое время Чжан Цин-го учился в России, на филологическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета, под руководством Л.В. Игнаткиной и Н.В. Богдановой (Богдановой-Бегла-

рян). После окончания аспирантуры и защиты кандидатской диссертации на тему «Перцептивно-акустический анализ речи на неродном языке (на материале реализации русских парных звонких и глухих согласных тайваньцами)» (СПб., 1999) Чжан Цин-го вернулся в Тайвань и в 2001 г. начал преподавать русский язык в вышеупомянутом университете.

Пособие называется «Тестирование по русскому языку как иностранному – анализ субтестов сертификационного уровня В1». Идея создания данного пособия родилась потому, что с 2000 г. тайваньским студентам, чьей специальностью является именно русский язык, было поставлено условие, что прохождение В1 является необходимым элементом выпускного экзамена.

Получив положительную рецензию от издательства «Златоуст» (Санкт-Петербург), Чжан Цин-го начал анализировать все субтесты из книги «Типовой тест по русскому языку как иностранному, I сертификационный уровень, общее владение, второй вариант» – одного из многочисленных пособий по тестированию по русскому языку как иностранному, очень популярному в данной сфере.

Пособие Чжан Цин-го написано на русском и китайском языках. Оно адресовано не только студентам, изучающим русский язык в университете, но и тем, кто занимается русским языком самостоятельно. С помощью методов анализа тестов, разработанных автором, студенты могут лучше понять грамматические конструкции и лексические единицы (субтест «Лексика и грамматика»), определить тему текста и его содержание (субтест «Чтение»), освоить восприятие монологической и диалогической речи (субтест «Аудирование»), овладеть навыками и умениями продуцирования и репродуцирования прочитанного текста (субтест «Письмо»), а также в целом повысить уровень сформированности навыков и умений диалогической и монологической речи в социально-бытовой и социально-культурной сферах общения (субтест «Говорение»).

В создании данного пособия автору помогали также русские преподаватели, работающие в Тайване, которые проверяли предоставляемые варианты ответов для субтестов «Говорение» и «Письмо».

REVIEW ON CHANG CHING-GWO'S "A GUIDE FOR RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE TEST"

Yeh Hsiang-Lin

National Chengchi University (Taipei, Taiwan)

Abstract: In 2015 the first book targeted level B1 of TORFL (Test of Russian as a Foreign Language) was released in the market in Taiwan. The author of this book is Ching-gwo Chang, an associate professor of the Department of Russian Language and Literature in Tamkang University. This book helps not only students

who study at universities, but also provides Russian learners a variety of approaches to solve problems in grammar, speaking, reading and listening comprehension and writing skills.

Key words: Russian as a foreign language, testing, subtest, certification level, reading, listening, writing, speaking, vocabulary, grammar.

For citation:

Yeh Hsiang-Lin (2017), Review on Chang Ching-Gwo's "A guide for Russian as a foreign language test". *Communication Studies*, No. 1 (15), pp. 167-169. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.1.167-169. (in Russian)

About the author:

Yeh Hsiang-Lin, Associate Professor

Corresponding author:

Postal address: 64, Sec. 2, Zhinan Rd., Wenshan District, Taipei City, 11605, Taiwan

E-mail: verayeh@nccu.edu.tw

Received: November 11, 2017

УДК 81'27
DOI 10.25513/2413-6182.2018.1.170-177

РЕЦЕНЗИЯ
НА «СЛОВАРЬ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ» Т.П. ТАРАСЕНКО
(Краснодар: Просвещение-Юг, 2016. 587 с.)

А.Л. Факторович

Кубанский государственный университет (Краснодар, Россия)

Аннотация: Рецензируется книга Т.П. Тарасенко «Словарь избирательной кампании» (Краснодар, 2016). Подчеркивается, что в книге впервые лексикографируется словарный арсенал, воздействующий на решения лиц, участвующих в выборах. Достоинством словаря является представление в единой системе свыше трех тысяч многоаспектных лексических единиц.

Ключевые слова: избирательная кампания, лексический ландшафт, массовая коммуникация, общественно-политические термины, политическая лингвистика.

Для цитирования:

Факторович А.Л. Рецензия на «Словарь избирательной кампании» Т.П. Тарасенко (Краснодар: Просвещение-Юг, 2016. 587 с.) // Коммуникативные исследования. 2018. № 1 (15). С. 170–177. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.1.170-177.

Сведения об авторе:

Факторович Александр Львович, доктор филологических наук, профессор кафедры истории и правового регулирования массовых коммуникаций

Контактная информация:

Почтовый адрес: 350040, Россия, Краснодар, ул. Ставропольская, 149

E-mail: af03@mail.ru

Дата поступления статьи: 07.09.2017

Рецензируемое издание, подготовленное Татьяной Петровной Тарасенко (Кубанский государственный университет), – первый опыт специального словарного обобщения лексической сферы избирательных кампаний. Внушительный объем словника (свыше 3 200 единиц описания), в единстве с тщательностью отбора и подачи материала, призван обеспечить этому опыту лексикографирования определенную лингвистическую, учебную, политологическую эффективность.

Словарное закрепление избранного пласта – «лексического арсенала» избирательных кампаний – можно считать насущной задачей лексикографии ввиду ряда теоретических и практических предпосылок. Главная из них – разносторонняя динамичность объекта. По справедливому обобщению автора, «лексический пласт, обслуживающий избирательный процесс, – один из нестабильных сегментов лексико-семантической системы» (с. 3). Устойчивая нестабильность объектного пространства, специфическая динамика связана и с тем, что, как указано там же, «мы постоянно меняем коммуникативные роли», причем «с определенной периодичностью мы вовлекаемся в процесс предвыборной коммуникации и выполняем роль избирателя, реализуя данные нам Конституцией демократические права, или участника предвыборной гонки какого-либо уровня...».

Такой смене ролей отвечает одна из традиций, избранная и развиваемая составителем. Т.П. Тарасенко обобщила ряд трактовок специальных номинаций и их репрезентаций (в частности, учтен подход Р.Р.К. Хартманна и Г. Джеймса к «иллюстративным» примерам). В результате представлен богатый «лексический ландшафт» в многомерных упорядоченных координатах.

Опорным для отбора материала стало органичное единство ономаσιологической и экспрессологической системности: «Помимо терминов избирательного права, избирательного процесса, общественно-политической лексики, приводятся словарные единицы, относящиеся к другим языковым сферам. Здесь представлены и жаргонизмы, употребляемые политтехнологами, и просторечные слова, которые встречаются не только в разговорной речи, но и в предвыборном дискурсе, и придают ему живость, экспрессию, ориентированность на социально неравные слои населения».

Эта особенность приводит к тому, что ожидания весьма различных адресатов словаря оправдываются – прежде всего в силу сочетания интегрального и дифференциального отбора единиц.

Представляют сущность терминокорпуса и вызовут интерес у читателя, например: «МАРМЕЛАДКИ, -док, мн.; жарг. политтехн. Живая реклама с носимыми физическим лицом рекламными конструкциями; агитаторы – люди с плакатами, временными средствами наружной рекламы, которые надеты на них спереди и сзади (ассоциативное название от трехслойного мармелада); || Синон. агитаторы-сэндвичи, агитаторы-бутерброды, человек-чебурек. *Функции мармеладки, "человека-бутерброда" просты и сложны одновременно* (on-tract.ru)». В словарной статье закономерны различные аспекты и элементы: от «мармеладного» вставного уточнения в дефинирующей части до формы множественного числа заголовочной единицы. (Она в данном случае удачна для существительного, не являющегося *pluralia tantum* и вообще сохраняющего ту же семантику, стилистику, экспрессию и в форме единственного числа.)

Оригинальная системность коррелирует с традиционным построением книги и вспомогательным аппаратом. Основной корпус источника – система словарных статей (с. 15–580) – охвачен кольцом пяти взаимодополняющих разделов, из них четыре – предваряющие (с. 3–14), а пятый – замыкающий (с. 581–585). Предисловие намечает принципы, которые емко определяются в разделе «Материал и структура словаря»; далее следует удачно структурированный на пять подразделов перечень сокращений, после них – список использованных иллюстративных источников, а заключает книгу список использованных источников – теоретических и лексикографических, всего их 72, в том числе 9 актуальных нормативных актов.

В основном корпусе принцип построения словарной статьи включает семь основных зон. Это заголовочная единица, грамматическая информация, этимологическая справка, пометы (финали изменяемых частей речи), дефиниция, иллюстрация, составные термины. «Гармония семиугольника» дает возможность в единой системе представить крайне разнообразные объекты и сохранить в представлении их специфику. Как показано вышеприведенным примером, словом МАРМЕЛАДКИ, первые шесть зон могут составить цельную навигацию для подачи весьма пестрой лексикографируемой сферы. Так, вторая зона, грамматическая информация, в словарной статье последовательно отражает традиции подачи имен прилагательных, глаголов, наречий.

Например: «МОНИТОРИНГОВЫЙ, -ая, -ое. Осуществляющий регулярное наблюдение за развитием и изменением какого-л. процесса, состояния, явления, их оценивание и прогнозирование. *Мониторинговый Комитет ПАСЕ** заслушал доклад по повторным парламентским выборам в Азербайджане (subscribe.ru)»; «КОМПЛЕКСНО, нареч. Соответствует значению слова “комплекс”; совокупно. *Вопросы можно будет рассматривать комплексно* (РГ. 2011.09.12)».

Традиционно, в частности, подаются указания на двувидовую природу определенных глаголов: «ДЕЛЕГИРОВАТЬ, -ую, -ет (лат. delegare – направлять, посылать); совер. и несовер. (офиц.). 1. Кого (что). Послать (посылать) делегатом. 2. Что. Официально поручить, направить (-влять). *Совет еще в прошлом году принял решение делегировать своих членов на все митинги* (НГ. 2012.01.02)».

Среди устойчивых сочетаний наибольшее число субстантивных, причем обладающих определенным культурологическим аспектом; они даются после знака ромб ♦. «МЁРТВЫЕ ДУШИ – метаф. литер., жарг. политехн. В избирательной кампании внесенные в списки избирателей физические лица – реальные (но не живущие на территории округа) или вымышленные, от имени которых происходит фальсифицированное голосование по технологии “хоровод”*». *Депутат ГД обвинила ряд глав и со-*

трудников районных администраций Северной столицы в фальсификации в пользу действующего губернатора Георгия Полтавченко с помощью мертвых душ (Новые Ведомости. 2014.25.09)».

Как видно из материала, оправданным является и предваряющее уточнение лексикографа: «...словарная статья включает: характеристику строения словарных единиц; сферу употребления того или иного слова; некоторые варианты сочетания слов; грамматические характеристики словарных единиц; акцентологические характеристики слов, их этимологическую принадлежность, если слово иноязычного происхождения».

В учете и представлении единства слова, системных семантических отношений особую объяснительную силу выказала каждая характеристика. Показательна разработка толкований и представление связей в семантическом поле. Связи в семантическом поле отражены так, что раскрывают единство общего, особенного и единичного. Например, 47 наименований, соотносимых с мотивирующим «избиратель», представлены в интеграции наиболее абстрагированных и дифференцированных характеристик. Свидетельством служит подача следующего сочетания: «ИЗБИРАТЕЛЬ РАЗОГРЕТЫЙ – избир.; жарг. политтехн. Избиратель, предварительно подготовленный СМИ для эксплуатации темы голосования за определённого кандидата. *Телефонные контакты по акции должны вестись с уже “разогретым” избирателем* (coollib.com)».

Синонимия, многозначность, варьирование отражены с опорой на общие принципы лексикографирования и с учетом специфики материала. Примером служит подача синонимического ряда, отражающего смысл уголовно наказуемой технологии: «ХОРОВО́Д, -а, м.; жарг. политтехн. Метод воздействия на результат голосования, связанный с подкупом избирателя. От других методов подкупа избирателей он отличается постоплатой. В России является серьёзным нарушением избирательного законодательства и содержит признаки состава преступления, предусмотренного ст. 141 УК РФ. || Синон. КАРУСЕ́ЛЬ, ВЕРТОЛЁТ, КРУИ́З (КРУИ́ЗНОЕ ГОЛОСОВА́НИЕ)». Экспрессия ряда, разнокалиберность векторов, связывающих данные значения с непроизводным лексико-семантическим вариантом полисемантов, специфически привлекает внимание и усиливает актуальность лексикографирования данного смысла.

Представлена составителем и связь трех характеристик: синонимии, полисемии, экспрессивно-стилистической принадлежности. Примером может служить лексикографирование двух единиц, а именно однозначной жаргонной экспрессивной и полисемичной межстилевой нейтральной: «МОРДОДЕ́Л, -а, м.; груб, шутл., жарг. политтехн. Имиджмейкер*. *Так что на выборах зарабатывают не члены участковых комиссий, а “мордоделы” и политтехнологи, которые получают деньги не от государства, а от политических партий и кандидатов* (АИФ. 2011.07.07)»; «ИМИДЖМЕЙ́КЕР, -а, м. (англ. *imagemaker* < *image* – образ и *make* – делать).

1. Специалист-психолог, разрабатывающий стратегию и технику эффективного формирования образа (имиджа) артиста, общественного или государственного деятеля в целях повышения его репутации, влиятельности и популярности. 2. Специалист по созданию имиджа как положительного образа кандидата*; в более узком значении член команды кандидата, следящий за его внешним видом и манерами поведения на людях. Упоминание “сакральной жертвы” господин Юргенс относит “к ошибкам имиджмейкеров” (К. 2012.01.03)».

Система семантических переносов развернуто показана и на примере словосочетаний: «ЯЗЫК ПЛОЩАДЕЙ – метаф. Язык народа, выражающего своё мнение в ходе митингов, демонстраций. *До сих пор считалось, что говорить “на языке площадей” может только оппозиция* (РГ. 2012.30.01)»; «ЯЗЫК ПОЛИТИКИ – метаф. полит. Система коммуникативных средств кодирования политической информации, провоцирования политических действий и управления ими. *Язык политики, как и любое другое средство коммуникации, является мощнейшим орудием манипуляции сознанием избирателей* (agso.narod.ru)».

Достоинство словаря – емкое представление лексического варьирования. Варианты чаще представлены отсылочно и с применением оператора «то же». Тонкие отличия удалось подать так, что осмысление единицы может ассоциироваться с памятными, знаковыми событиями культуры, литературы – например, с романом Ю. Полякова «Апофегей»: «АПОФИГИСТ, -а, м.; жарг. политтехн. То же, что ПОФИГИСТ*. *Апофигист – социально инфантильный человек, живущий по принципу “моя хата с краю”, или в современной трактовке: “а мне всё по фигу!”* (izbass.ru)».

Особенно значимо лексикографирование вариантов-словосочетаний: «ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО АКТИВНОЕ (АКТИВНОЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО) – юрид. Конституционное право граждан Российской Федерации избирать в органы государственной власти и органы местного самоуправления. И. п. а. наделяется гражданин, достигший возраста 18 лет. *Администрацию президента интересуют “допустимые ограничения активного и пассивного избирательного права в цивилизованных государствах мира”* (К. 2014.10.06)»; «ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО ПАССИВНОЕ (ПАССИВНОЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО) – юрид. Право граждан Российской Федерации быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления».

Вариативная часть номинаций может оказываться элементом дефинирующей части статьи, чем облегчается использование словаря. Например: «ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ФОНД КАНДИДАТА, ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ – избир. Формируемый в соответствии с законом целевой финансовый фонд, предназначенный для финансирования своей избирательной кампании. Право распоряжения средствами избирательного фонда для указанных целей принадлежит исключительно сформиро-

вавшему этот фонд кандидату или избирательному объединению, избирательному блоку (ФЗ, ст. 52)».

В стилистическом плане словник также отразил тенденцию к полноте охвата материала. Системно отобраны и дефинированы историзмы – немногочисленные и тем более показательные, научно актуальные: «ДЕМОКРА́ТИЯ ЗЕ́МСКАЯ – ист. В XVIII в. народное самоуправление, общинное и корпоративное, с представительным органом власти – Земским собором. *Важно создать каналы отбора эффективных людей во власть, в частности, использовать модель земской демократии, что позволит муниципалитетам и регионам задействовать так называемые низовые ресурсы* (РГ. 2012.07.03)». И значимым дополнением такой системности оказывается подача новообразований, например десяти заголовочных единиц с мотивирующей базой «интернет-», среди которых: «ИНТЕРНÉТ-ГОЛОСОВА́НИЕ, -я, ср., прил. Дистанционное голосование, позволяющее не привязывать волеизъявление граждан к фактическому месту нахождения. *В перспективе предполагается применять электронное голосование, в том числе интернет-голосование, на выборах всех уровней* (ФЗ № 67)»; «ИНТЕРНÉТ-ДЕМОКРА́ТИЯ, -и, ж., прил. Возможность участия широких слоёв населения в обсуждении законов, принятии решений, выдвижении своих проектов и формулировании приоритетов в Интернете. *Интернет-демократия должна быть встроена в общий поток развития институтов прямой референдумной демократии* (РГ. 2012.06.02)».

Соответственно, адекватные принципы интерпретации и уместные способы подачи материала высвечивают специфическую и во многом увлекательную систему. Вполне понятно, что к рецензируемой книге может обращаться различная аудитория: «рядовой избиратель» и политтехнолог, лингвист и юрист, педагог, медиавед, журналист...

Показательна широта иллюстративного материала: от текстов законов и подзаконных актов (например, постановлений Правительства РФ) – до полемического дискурса зарубежных русскоязычных СМИ и интернет-ресурсов. Материал отобран так, что оригинальные и традиционные источники оказываются взаимно необходимыми, – такой сложной цельностью отличается далеко не каждый словарь. Мотивированность отбора также свидетельствует о системности авторского подхода, подчеркивает высокую репрезентативность, динамичность, распространенность представляемой лингвистической сущности и ее явлений. Оправдал себя алфавитно-гнездовой способ подачи лексикографируемого пространства, а также энциклопедический компонент в толковом, по сути, словаре. Удача автора – не только в наличии актуальных единиц, но и в отсутствии определенных номинаций, в частности номенклатурных, нередко снижающих впечатление даже от успешных лексикографических опытов.

В целом избранный объект оказался благодатным материалом для реализации отдельных узловых проблем современной филологии, в том

числе в ее междисциплинарных связях. Актуально раскрытие межъязыковых корреляций, прослеженное на новом материале и позволившее автору четко представить взаимно-неоднозначные соответствия – прежде всего в номинациях, отражающих англоязычные заимствования. В материале отражена также углубленная тематическая классификация с учетом межпарадигмальных тенденций.

Итак, рецензируемый словарь отличается концептуальной основательностью, эмпирической достоверностью, композиционной четкостью. Это тройное достоинство придает содержанию книги филологическую многослойность, способам представления объекта – доходчивость, авторским словарным приоритетам – убедительность. Специфика подачи материала, с одной стороны, отвечает природе неповторимого объекта. С другой же – может в определенной мере служить моделью лексикографирования соотносительных объектных пространств.

Книга Т.П. Тарасенко открывается обязывающей шекспировской цитатой: «Весь мир – театр. / В нем женщины, мужчины – все актеры. / У них свои есть выходы, уходы, / И каждый не одну играет роль». Как полагает лексикограф, «в этой... мудрости заключена коммуникативная формула социально-ролевой коммуникации». При всей экзотичности связи между Шекспиром и избирательной кампанией, – эта корреляция познавательна... И справедливость обобщения, подтвержденного скрупулезным лексикографированием, сквозного для приоритетного опыта, позволяет раскрыть политические игры серьезно, живо, масштабно, в убедительных лингвистических координатах.

REVIEW ON T.P. TARASENKO'S "DICTIONARY OF ELECTORAL CAMPAIGN" (Krasnodar, Prosveshchenie-Yug Publ., 2016, 587 p.)

A.L. Faktorovich

Kuban State University (Krasnodar, Russia)

Abstract: The article presents a review on T.P. Tarasenko's book "Dictionary of electoral campaign". The author of the review emphasizes that the dictionary is a prior attempt to generate lexical arsenal that influences on the decisions of electoral participants. The advantage of the dictionary is the representation of more than three thousands versatile lexical units in integral system.

Key words: electoral campaign, lexical landscape, mass communication, social-political terms, political linguistics.

For citation:

Faktorovich, A.L. (2018), Review on T.P. Tarasenko's "Dictionary of electoral campaign" (Krasnodar, Prosveshchenie-Yug Publ., 2016, 587 p.). *Communication Studies*, No. 1 (15), pp. 170-177. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.1.170-177. (in Russian)

About the author:

Faktorovich Alexander Lvovich, Prof., Professor of the Department of History and Law Regulation of Media Communication

Corresponding author:

Postal address: 149, Stavropol'skaya ul., Krasnodar, 350040, Russia

E-mail: af03@mail.ru

Received: September 7, 2017

ХРОНИКА МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ЖАНРЫ РЕЧИ И “ЖАНРЫ РЕЧИ”» (Саратов, 27–29.11.2017)

У.А. Еськина¹, К.В. Владимирская²

*Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия)*

Аннотация: Рассказывается о проходившей в Саратовском государственном университете с 27 по 29 ноября 2017 г. Международной научной конференции «Жанры речи и “Жанры речи”», посвященной 100-летию гуманитарного образования в СГУ и 20-летию международного научного журнала / сборника «Жанры речи».

Ключевые слова: хроника, конференция, лингвистика, жанры речи, юбилей.

Для цитирования:

Еськина У.А., Владимирская К.В. Хроника Международной научной конференции «Жанры речи и “Жанры речи”» (Саратов, 27–29.11.2017) // Коммуникативные исследования. 2018. № 1 (15). С. 178–183. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.1.178-183.

Сведения об авторах:

¹ **Еськина Ульяна Алексеевна**, документовед

² **Владимирская Ксения Владимировна**, заведующая учебной лабораторией прикладной лингвистики, ответственный секретарь журнала «Жанры речи»

Контактная информация:

Почтовый адрес: 410012, Россия, Саратов, ул. Астраханская, 83

¹ E-mail: institut.sgu@yandex.ru

² E-mail: vladimirskaya.kseniya@mail.ru

Дата поступления статьи: 30.11.2017

В Саратовском национальном исследовательском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского (СГУ) с 27 по 29 ноября 2017 г. проходила Международная научная конференция «Жанры речи и “Жанры речи”», посвященная 100-летию гуманитарного образования в Саратовском университете и 20-летию международного научного журнала / сборника «Жанры речи».

В научном форуме приняли участие исследователи из Астрахани, Великого Новгорода, Волгограда, Воронежа, Ганновера (Германия), Екатеринбургa, Иванова, Казани, Красноярска, Минска (Беларусь), Москвы, Новосибирска, Омска, Павлодара (Казахстан), Пензы, Перми, Самары, Санкт-Петербурга, Саратова, Симферополя, Томска, Хайфы (Израиль), Челябинска, Ярославля.

Первый день конференции включил двухчастное пленарное заседание. С приветственным словом к участникам обратился проректор по научно-исследовательской работе СГУ А.А. Короновский. Он отметил, что «Жанры речи», несмотря на «юный» возраст журнала (изначально проект начинался как сборник статей), уже входит в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, утвержденный ВАК.

Как подчеркнул главный редактор журнала В.В. Дементьев, гуманитарное образование в СГУ неразрывно связано с изучением жанров речи. Подробнее с историей гуманитарного образования в Саратове участников конференции познакомил научный руководитель Института филологии и журналистики В.В. Прозоров. Он подчеркнул, что судьба историко-филологического факультета Саратовского университета была особенной, и за его появление в сложное для России время следует сказать слова особой благодарности Временному правительству. Валерий Владимирович зачитал воспоминания первого декана факультета, всемирно известного философа С.Л. Франка, и выдающегося литературоведа Н.К. Пиксанова, который тоже стоял у истоков гуманитарного образования в регионе.

Первым докладом, прозвучавшим на пленарном заседании, стало выступление профессора В.В. Прозорова «О типологии речевых жанров в свете теории литературных родов». Валерий Владимирович показал, что явление первичных речевых жанров (фатика, информатика и внутренняя монологическая речь) в своей типологической полноте и определенности подобно явлению жанров литературных – эпоса, драмы и лирики.

Совместный доклад профессора СГУ Е.Г. Елиной и М.А. Фризен (Ганновер, Германия) был посвящен феномену «новой грамотности» (а также «новой неграмотности») и речевым жанрам, появляющимся в связи с развитием информационных технологий. В частности, Елена Генриховна рассказала о гипотезе появления жанра «маяк», перечислила его особенности и привела интересные примеры.

Профессор СГУ О.Б. Сиротинина в своем докладе описала специфику жанра устного новостного сообщения и его «подводные камни», а также дала детальные советы журналистам-новостникам о том, как избежать коммуникативных рисков.

Сравнению работ А.А. Реформатского и М.М. Бахтина о жанрах речи было посвящено выступление члена-корреспондента РАН, главного научного сотрудника, заведующего центром социолингвистики Института языкознания РАН В.М. Алпатова. Владимир Михайлович отметил, что, к

сожалению, детальная классификация жанров, созданная Реформатским, в свое время оказалась забыта.

В завершение первой части пленарного заседания профессор В.В. Дементьев рассказал о деятельности журнала / сборника «Жанры речи» за 20 лет. Успех издания (в частности, его высокий импакт-фактор РИНЦ), по мнению Вадима Викторовича, достигнут благодаря сочетанию нескольких факторов. Прежде всего, это увлеченность и высокий профессионализм инициатора создания сборника и его первого редактора – В.Е. Гольдина. Участники конференции почтили минутой молчания память Валентина Евсеевича, ушедшего из жизни 9 ноября 2017 г.

Кроме того, два десятилетия назад жанроведы нуждались в организующем центре, каким и смог стать саратовский проект. Задачей «Жанров речи» стало отражение общего состояния теории речевых жанров, представление актуальных направлений их изучения. Вплоть до настоящего времени и авторы, и члены редколлегии – наиболее видные жанроведы, получившие признание в России и мире, – представляют совершенно разные подходы к жанроведению, ведя на страницах журнала плодотворный научный диалог.

Во второй части пленарного заседания прозвучали доклады М.А. Кормилицыной и О.Ю. Крючковой (Саратов), Т.В. Матвеевой (Екатеринбург), Т.В. Шмелевой (Великий Новгород), а также совместные доклады А.Д. Шмелева и Е.Я. Шмелевой (Москва), Т.И. Стексовой и Е.В. Лаврентьевой (Новосибирск). Тематика была широкой – от влияния на словообразовательные процессы жанрово-стилистического развития русской письменной речи XI–XVII вв. до «уплотнения жанров» как тенденции современной медиасферы.

Профессор СГУ М.А. Кормилицына рассказала о стилистических изменениях и тенденциях традиционных журналистских жанров в современной прессе. Профессор СГУ О.Ю. Крючкова в своем выступлении рассказала о развитии русской письменной речи в диахроническом срезе. Ольга Юрьевна отметила влияние жанрово-стилистического развития на словообразовательные процессы русского языка.

Т.В. Матвеева затронула проблему жанровой компетенции языковой личности. Тамара Вячеславовна рассмотрела понятие компетенции в речевой партии конфиденнта, понятия первичного и вторичного жанров, их соотношение, а также различные тактики говорящего в условиях коммуникации.

Далее был представлен доклад Т.И. Стексовой и Е.В. Лаврентьевой о жанре обвинения и его специфике в политическом дискурсе. Татьяна Ивановна представила особенности межсубъектного взаимодействия, структуру ситуации обвинения в разговорно-бытовом и политическом вариантах.

Совместный доклад А.Д. Шмелева и Е.Я. Шмелевой был посвящен русскому анекдоту в Интернете. Алексей Дмитриевич продемонстриро-

вал специфику данного жанра и оставил открытым вопрос о выделении интернет-анекдота в отдельный жанр. Доклад был основан на примерах анекдотов, что позволило не только рассмотреть теоретический аспект проблемы, но и создало благоприятную и непринужденную атмосферу в аудитории.

Профессор Новгородского государственного университета Т.В. Шмелева рассказала о тенденции медиасферы к «уплотнению жанров» и отметила полиintenциональность медиатекста. Сегодня, по словам Татьяны Викторовны, мы можем наблюдать смешение и «переодевание» жанров, а также неоднозначную позицию художественно-публицистических жанров.

Программа второго дня конференции включила секционные заседания, а также экскурсию в Саратовский государственный художественный музей имени А.Н. Радищева.

В секции «Общие проблемы теории речевых жанров» рассматривались модели сложных речевых жанров при интеркультурном заимствовании (доклад Е.В. Бузальской), метафора и жанр (доклад Л.В. Балашовой), структурные особенности жанров детской речи (доклады О.В. Кошечевой и Н.Г. Мальцевой) и другие темы.

В секциях, посвященных исследованиям отдельных жанров, прозвучали, в частности, доклады Н.В. Орловой и М.Х. Иسنовой «Жанровый срез инкультурации младшего школьника», Н.Н. Панченко и А.Д. Никодимовой «Шантаж: речевой акт vs речевой жанр», Л.П. Прокофьевой «Лекция как жанр научного стиля: потенциал анализа фоносемантической структуры», О.В. Мякшевой «Угодить и угадать как составляющие жанровых характеристик школьных эссе», О.С. Иссерс «Дискурс-строй гостиничного бизнеса: попытка идентификации жанров».

Лингвофилософский анализ жанра Евангельской притчи в отечественных и западноевропейских источниках представила в секции «Жанры в художественном творчестве» Е.Ю. Балашова. В центре внимания в данной секции также оказались семантика молчания в кинематографе 1960-х гг. (доклад А.Н. Зорина), жанр самопрезентации в лирике русского футуризма (доклад И.Ю. Иванюшиной), Библия и малые фольклорные жанры: русские паремии (доклад Н.М. Орловой), жанр в когнитивной перспективе (доклад И.А. Тарасовой), жанровая логика анекдота в литературно-ассоциативном поле чеховского рассказа (доклад Ю.Н. Борисова), категория жанра в современном западном литературоведении (доклад И.В. Кабановой) и другие вопросы.

На секционных заседаниях «Жанры СМИ и интернет-жанры» прозвучали доклады «Дискурсивы и языковая игра (на материале текстов социальных сетей)» (Е.Ю. Викторова), «“Любви достойна только мать и Гелендваген 5.5”: пацанская лирика в аксиологическом аспекте» (Т.В. Дубровская), «Лексико-стилистические маркеры жанров интернет-коммуни-

кации» (К.М. Шилихина), «Прогноз как субжанр в печатных СМИ» (А.Н. Байкулова) и ряд других.

В заключительный день конференции состоялось пленарное заседание. Оно открылось презентацией проекта «Лица современной русистики», которую провела О.С. Иссерс. Участники конференции увидели презентацию отдельных сюжетов этой познавательной программы и узнали о перспективах проекта.

С докладом «О специфических жанрах профессиональной коммуникации (сигналы и команды)» выступила Е.И. Голованова. Елена Иосифовна выделила формальные признаки команд и сигналов и отметила, что исследование данных жанров следует продолжать.

Выступление Е.В. Осетровой было посвящено речевому жанру «имиджевое интервью» и его техническим параметрам. Целью исследования Елены Валерьевны были определение жанрового шаблона имиджевого интервью, выяснение степени свободы и вариативности этого жанра.

Исследование Е.А. Пономаренко «Типологическая классификация речевых жанров институционального дискурса», представленное на конференции, было проведено на материалах медицинского дискурса.

Жанр покаяния в советской культуре стал предметом рассмотрения А.П. Романенко и З.С. Санджи-Гаряевой. Авторы доклада показали, что советское покаяние как жанр существенно отличалось от покаяния православного.

Завершил пленарное заседание доклад В.А. Салимовского «Жанр речи как комплексная комбинаторная модель текста». В нем Владимир Александрович проанализировал ряд наметившихся тенденций речевых жанров и развил некоторые интеграционные положения.

Кроме того, в заключительный день конференции участников ждали экскурсия в Музей истории СГУ и круглый стол, на котором были представлены новые научные и методические работы, изданные пензенскими и московскими авторами.

**CHRONICLE OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE
"SPEECH GENRES AND "SPEECH GENRES"
(Saratov, November 27-29, 2017)**

U.A. Eskina¹, K.V. Vladimirskaia²
Saratov State University (Saratov, Russia)

Abstract: The article tells about the International scientific conference "Speech Genres and "Speech Genres"" dedicated to the 100th anniversary of the liberal arts at the Saratov State University and the 20th anniversary of the international scientific journal "Speech Genres". The conference was held in Saratov State University from November 27 to November 29, 2017.

Key words: chronicle, conference, linguistics, speech genres, anniversary.

For citation:

Eskina, U.A., Vladimirskaya, K.V. (2018), Chronicle of the International scientific conference "Speech genres and "Speech genres"" (Saratov, November 27-29, 2017). *Communication Studies*, No. 1 (15), pp. 178-183. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.1.178-183. (in Russian)

About the authors:

¹ **Eskina Ulyana Alekseevna**, document specialist

² **Vladimirskaya Ksenia Vladimirovna**, head of the educational laboratory of Applied Linguistics, Executive Secretary of the journal "Speech Genres"

Corresponding authors:

Postal address: 83, Astrakhanskaya ul., Saratov, 410012, Russia

¹ E-mail: institut.sgu@yandex.ru

² E-mail: vladimirskaya.kseniya@mail.ru

Received: November 30, 2017

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

INFORMATION FOR AUTHORS

Правила представления авторами рукописей

Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов, интересующихся коммуникативными исследованиями и смежными проблемами. Публикация материалов осуществляется на русском и английском языках.

Журнал выходит четыре раза в год. Ежегодно срок подачи статей для первого номера – **до 1 февраля**; для второго – **1 апреля**; для третьего – **1 августа**; для четвертого – **до 1 октября**.

Письмо-заявка кроме самой статьи включает **отдельный файл** со сведениями об авторе.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям РИНЦ, Web of Science и Scopus, т. е. помимо основного текста содержать следующие сведения, представленные на **русском и английском** языках:

1. УДК.
2. Название статьи (прописными буквами); инициалы и фамилию автора (-ов); аннотацию (резюме) (10–15 строк, отражающих основное содержание статьи); ключевые слова (5–8 слов через запятую) – на русском языке. Обращаем внимание авторов на то, что объем аннотации к статье в международном журнале обычно составляет около **700–1500 знаков с пробелами**. Аннотация должна быть составлена самостоятельно, а не повторять фрагменты статьи.
3. Информацию п. 2 в той же последовательности – на английском языке (ФИО автора (ов) – в транслитерации).
4. Полный текст статьи на русском или английском языке.
5. Список литературы на русском языке. Нумерация в списке литературы идет по алфавиту, в случае нескольких ссылок на одного автора – по хронологии. В список литературы включаются только те источники, на которые есть ссылки в тексте статьи.
6. Список литературы в латинице (References): транслитерация имени автора; год публикации (в круглых скобках); выделенные курсивом транслитерация названия источника и – в квадратных скобках – его перевод; если речь идет о публикации внутри сборника или журнала, то прежде по аналогичному принципу указывается название материала, на который дается ссылка, – без выделения курсивом и отделенное от названия источника точкой; английский вариант названия места издания и транслитерация названия издающей организации, с указанием publ. (если речь идет о книжной публикации). Прочие данные (сведения о редакторе или составителе, сведения об издании, номер выпуска, объём) приводятся в переводе на английский язык с использованием принятых сокращений.

В случае, если выходные сведения источника уже содержали перевод необходимых элементов записи (как правило, если речь идет о журнальных публикациях или переводной литературе), равно в случае «типовых» названий (например, «собрание сочинений» или «толковый словарь»), в описании источника достаточно привести лишь перевод, без сопровождения его транслитерацией, но в конце описания дав в круглых скобках указание на язык источника (in Russian).

7. Список источников речевых иллюстраций, если автор считает необходимым его представление. Оформляется отдельно по представленным выше правилам под заголовком «Источники», на латинице – «Sources».

8. Данные об авторах: фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень; ученое звание; должность с указанием организации; юридический адрес организации (не домашний); электронная почта автора (-ов).

9. Информацию п. 8 на английском языке в той же последовательности: фамилия, имя, отчество автора (-ов); ученая степень; ученое звание; должность; название организации; юридический адрес организации; электронная почта.

Требования к оформлению

Гарнитура – Times New Roman. Кегль основного текста – 14 pt, списков литературы, аннотации и ключевых слов – 12 pt. Везде используется абзац 1,0 см и одинарный интервал. Все поля – по 2 см. Объем предлагаемого материала не должен превышать **30 000 знаков** с учетом пробелов, включая примечания и литературу.

Ссылка в тексте на цитируемые работы оформляется в виде [Иванов 2008: 25].

Речевые иллюстрации набираются курсивом без заключения в кавычки, выделения делаются жирным шрифтом.

Ссылка на источник фактического материала оформляется в круглых скобках следующими способами:

(Л. Улицкая. Священный мусор),
(Огонек. 2013. №1),
(НТВ. Сегодня. 7.08.2013),
(<http://file-rf.ru/analytics/54.3.03.2013>).

В случае использования примеров из НКРЯ допускается приводить описание источника согласно принятой в корпусе форме.

Сноски желательно минимизировать. В случае необходимости следует давать их в сквозной нумерации в конце страницы.

Сокращения, условные обозначения и цитаты оформляются в соответствии с общепринятыми стандартами (ГОСТ Р 7.0.5–2008).

Обращаем внимание авторов на то, что в Международном журнале часть информации представляется **на английском языке** (заглавия статей, аннотации, ключевые слова, названия организаций, к которым приписан автор, обозначения выходных данных). Ответственность за качество перевода возлагается на автора. Другая часть, которая не переводится на английский язык (фамилии авторов, русскоязычные названия

первоисточников в списках литературы, собственные названия организаций и издательств), представляемых в оригинале в кириллице, должна быть представлена в романском (латинском) алфавите в одной из принятых систем транслитерации.

Данное требование является обязательным в журналах, реферируемых в международных системах научного цитирования Web of Science и Scopus.

Образец оформления списка литературы

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Книга: Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.

Статья в журнале: Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 126–139.

Часть книги: Серль Дж. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986. С. 195–222.

Материалы конференции: Кабакова Ю.А. Убеждение как сложный комплексный речевой акт // Теория и практика германских и романских языков: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Ульяновск, 2000. С. 96–98.

Электронный ресурс: Гусейнов Г.Ч. Заметки к антропологии русского Интернета // НЛО. 2000. № 43. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/43/main8.html> (дата обращения: 01.06.2015).

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского: официальный сайт. URL: <http://www.omsu.ru> (дата обращения: 24.06.2015).

REFERENCES

Книга: Benveniste, E. (1974), *Obshchaya lingvistika* [*The General Linguistics*], Moscow, Progress Publ., 448 p.

Статья в журнале: Kibrik, A.A. (1994), *Kognitivnye issledovaniya po diskursu* [Cognitive research on discourse]. *Voprosy yazykoznaneya* [*Linguistics Questions*], No. 5, pp. 223-235.

Часть книги: Searle, J. (1986), *Kosvennye rechevye акты* [Indirect speech acts]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [*New in foreign linguistics*], Moscow, Iss. XVII, pp. 195-222.

Материалы конференции: Kabakova, Yu.A. (2000), *Ubezhdenie kak slozhnyi kompleksnyi rechevoi акт* [Persuasion as a complex integrated speech act]. *Teoriya i praktika germanskikh i romanskikh yazykov* [*Theory and practice of German and Romance Languages*], Materials of All-Russian Scientific and Practical Conference, Ulyanovsk, pp. 96-98.

Электронный ресурс: Guseinov, G.Ch. (2000), *Zametki k antropologii russkogo Interneta* [Notes to the Anthropology of the Russian Internet]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], No. 43, available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/43/main8.html> (accessed date: June 1, 2015).

Dostoevsky Omsk State University, available at: <http://www.omsu.ru> (accessed date: June 24, 2015).

Просим учесть, что материалы, не соответствующие тематике журнала или оформленные не в соответствии с перечисленными требованиями, к рассмотрению не принимаются.

Каждая поступившая в редакцию журнала статья рецензируется двумя анонимными рецензентами из числа российских и зарубежных ученых, компетентных в проблематике статьи. Файл с текстом статьи передается рецензентам тоже анонимно, т. е. без имени автора статьи и данных о нем. Рецензент должен оценить соответствие статьи проблематике журнала, актуальность и оригинальность работы, анализ материала и язык, написать краткое обоснование / рекомендации. Замечания, содержащиеся в рецензиях (если есть), пересылаются автору статьи (без указания имени рецензента). Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензента.

Контакты

644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а. ОмГУ им. Ф.М. Достоевского

Факультет филологии и медиакоммуникаций. Тел.: +7 (3812) 229-815

Кафедра прикладной и теоретической лингвистики. Тел.: +7 (3812) 670-620

Гл. редактор Иссерс Оксана Сергеевна

Отв. секретарь Терских Марина Викторовна (terskihm@mail.ru)